

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. И. Гуржий

**ЭВОЛЮЦИЯ
ФЕОДАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
НА ЛЕВО-
БЕРЕЖНОЙ
УКРАИНЕ
*в первой половине
XVIII в.***

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1986

В монографии на широкой документальной базе освещается проблема эволюции феодализма на Левобережной Украине в первой половине XVIII в. Исследуются исторические условия формирования крупной земельной собственности, формы ее существования и источники возрастания, показана специфика развития крестьянского, мещанского и казаческого владения землей.

Рассматриваются вопросы об усилении социального гнета, постепенном закреплении народных масс, обострении антагонистических противоречий, о правах и привилегиях старшины, украинской шляхты и православного духовенства, определяется место каждой социальной группы в общей структуре феодального общества.

Для ученых-обществоведов, преподавателей и студентов вузов.

Ответственный редактор В.А.Смолий

Рецензенты Л.Г.Мельник, В.М.Мордвинцев, Е.И.Стецюк

Редакция исторической литературы

УДК 94(010000-150) 40-86
ББК 221(04)-86

с Издательство "Наукова думка", 1986

*Посвящается памяти отца
Гуржия Ивана Александровича*

В В Е Д Е Н И Е

Одной из важных задач, стоящих перед советскими учеными при изучении прошлого нашей страны, является исследование проблемы социально-экономического положения классов-сословий в период феодализма. Ф.Энгельс указывал, что "... экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие"¹.

Исследование процессов эволюции феодальных отношений, образования и развития классов-сословий и правильное их освещение приобретают в настоящее время все большее теоретическое и политическое значение.

Только за последние несколько десятилетий отечественная историография обогатилась относительно большим количеством работ, непосредственно посвященных целому ряду важных и актуальных проблем истории Левобережной Украины второй половины XVII—XVIII вв. Правда, не все они глубоко и всесторонне изучены. Это, в частности, касается проблемы эволюции феодальных отношений на Левобережье в первой половине XVIII в. Исследователи главное внимание уделяли освободительной войне украинского народа против господства шляхетской Польши (1648—1654 гг.) и воссоединению Украины с Россией; антифеодальному движению и освободительной борьбе народных масс; общественно-политическому устройству; характеру комплектования и организации казацкого войска. При этом, рассматривая вопрос о положении крестьян, мещан и казаков Украины, ученые хронологически охватывали преимущественно вторую половину XVII или вторую половину XVIII в. В связи с этим возникла необходимость дальнейшего, более глубокого, изучения социально-экономической истории Украины, на что уже неоднократно указывали советские историки². Это позволило бы гораздо четче проследить общие закономерности и отметить особенности исторического развития как Украины, так и России в целом.

Предметом исследования предлагаемой работы является эволюция феодальных отношений (феодалная собственность на землю, землевладение крестьян, мещан и рядовых казаков, феодальная рента, социально-правовое положение классов-сословий) на Левобережной Украине в первой половине XVIII в.

Левобережье как территориально-географический регион было составной и неотъемлемой частью Российского государства. Оно

выделилось после Андрусовского перемирия между Польшей и Россией в 1667 г. и охватывало территорию современных Черниговской, Полтавской, западных районов Сумской, левобережной части Киевской и Черкасской, северной части Днепропетровской областей УССР. К Левобережной Украине относился и г. Киев с небольшой территорией на правом берегу р. Днепр. В политико-административном и войсковом отношении Левобережье делилось на 10 полков (Киевский, Нежинский, Лубенский, Переяславский, Черниговский, Стародубский, Прилукский, Полтавский, Миргородский, Гадячский), которые, в свою очередь, состояли из сотен.

Хронологические рамки монографии охватывают первую половину XVIII в. и соответствуют общей периодизации, выработанной советской исторической наукой в процессе создания таких фундаментальных трудов, как 12-томная "История СССР с древнейших времен до наших дней" (М., 1967, т. 3) и 10-томная "История Украинской ССР" (Киев, 1983, т. 3). Известно, что на этом этапе исторического развития наблюдались качественно новые явления во всех сферах экономической, общественно-политической и культурной жизни феодального общества. По определению В.И. Ленина, это был "новый период русской истории", который характеризовался "... постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок", "созданием связей буржуазных" в стране⁴. Базисные изменения обусловили необходимость коренных государственных преобразований. Глубоко понимая насущные веления времени, правительство Петра I осуществило целый ряд реформ в области экономики, социальных отношений, быта, просвещения и культуры, а также органов управления, суда и войска. Реформы, проведенные в России Петром I, имели большое значение и для Левобережной Украины. Непосредственно под их влиянием в первой четверти XVIII в. и в последующие годы заметно укрепились связи между Россией и Украиной в сфере экономики, культуры, расширились отдельные отрасли сельского хозяйства (овцеводство, коневодство, табаководство).

В монографии ставятся следующие научные задачи: выяснить исторические условия и процесс формирования крупной феодальной собственности на землю, показать специфику землевладения и землепользования народных масс, процесс постепенного закрепощения крестьян, мещан, рядовых казаков и подсоседков, определить социально-правовой статус основных групп феодального общества.

Проблема эволюции феодальных отношений на Левобережной Украине в первой половине XVIII в. недостаточно исследована историками (как дореволюционными, так и советскими). По этой

теме отсутствуют специальные работы. Следует отметить, что дворянские и буржуазные историки, а также экономисты и юристы, в той или иной степени освещавшие социально-экономическое развитие Левобережной Украины в первой половине XVIII в., давали оценку событиям и явлениям исходя, прежде всего, из интересов своего класса или социальной группы. Отмечая методологическую несостоятельность их работ, следует заметить, что в них содержится значительный фактический материал.

Одним из первых, кто непосредственно начал изучать положение крестьянства, историю установления, а затем отмены крепостного права, стал украинский буржуазно-либеральный историк А.Ф.Кистяковский. В статье "Характеристика русского и польского законодательства о крепостном праве по отношению к Малороссии" он попытался дать краткий исторический очерк установления крепостничества на Украине. Несмотря на незначительную источниковую базу, Кистяковский пришел к объективному выводу, что "паны" и "подданные" существовали на деле задолго до издания царским правительством указов от 10 декабря 1763 г. и 3 мая 1783 г. Вместе с тем буржуазный ученый безосновательно утверждал, что рост феодальной зависимости крестьян от собственников имений ("державцев") происходил лишь вследствие "своекорыстного" стремления последних к приобретению и "неразборчивости" в средствах при захвате свободных войсковых земель⁴. Такого рода точка зрения свидетельствует о том, что Кистяковский так и не уяснил до конца классовой сущности социально-экономической политики гетманского правления и царского правительства, которая непосредственно вела к усилению эксплуатации народных масс.

На основании большого количества архивных материалов Малороссийской коллегии, Генеральной войсковой канцелярии, а также частных фондов дворянских фамилий буржуазный либеральный историк А.М.Лазаревский доказал, что крепостное право на Левобережной Украине явилось "естественным последствием внутренней жизни" края, а царское правительство в 1783 г. лишь окончательно юридически оформило его⁵. Правда, в последние годы жизни он проявил непоследовательность и в противовес своему же правильно сделанному выводу первоочередную роль в процессе становления крепостничества отводил внешним факторам: влиянию польско-шляхетского господства и "своекорыстными" действиям царизма⁶.

В целом ряде научных трудов⁷ А.М.Лазаревский привел значительный фактический материал по истории заселения территории украинских полков, сосредоточения земельных богатств в руках старшины, шляхты и православных монастырей, о бедственном и бесправном положении основной массы крестьян, мещан, рядо-

вых казаков. А.М.Лазаревский впервые в буржуазной историографии охарактеризовал бедственное положение подсоседков как одной из социальных групп населения Левобережья.

Отмечая положительные стороны работ Лазаревского, нужно указать и на недостатки, содержащиеся в них, ошибочность, а порой и противоречивость некоторых суждений, порожденных, главным образом, классовой ограниченностью взглядов историка. Так, признавая в целом наличие антагонистических противоречий в обществе на Левобережной Украине в первой половине XVIII в. вследствие имущественного неравенства, он искал их причину не в феодальном способе производства, а лишь в частных злоупотреблениях отдельных державцев и старшинской администрации. В процессе же закрепощения крестьян историк неверно отводил чуть ли не основную роль распространению такого явления, как "осаживание на слободах". Он утверждал, что жизнь на слободах положила начало тем отношениям между крупными землевладельцами и посполитыми*, которые потом "довольно естественно обратились в крепостное право"⁸.

Существенным недостатком работ А.М.Лазаревского является и то, что в них не рассматриваются такие важные вопросы, как формы и эволюция владения землей крестьянства, мещанства и рядового казачества, не дается четкая характеристика их социально-правового статуса.

В.И. Ленин, критикуя представителей народнической историографии, указывал, что ими "крепостное право изображается не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки, — а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам"⁹. Это ленинское высказывание можно отнести и к трудам А.М.Лазаревского.

Попытку дать оценку социально-экономическому развитию Левобережья второй половины XVII—XVIII в. сделала А.Я.Ефименко — российский и украинский историк, этнограф народнического, а позже буржуазно-либерального направления. Следуя концепциям А.М.Лазаревского, она ошибочно считала, что "великий переворот" 1648 г. якобы "смел" феодальные порядки, ликвидировал социальные противоречия и установил "демократический" строй на Украине. А.Я.Ефименко рассматривала формирование класса-сословия дворян и усиление феодального гнета народных масс в отрыве от предыдущего этапа исторического развития Левобережья. Изучая вопрос о характере органов управления на территории Левобережной Украины во второй половине XVII в., она пришла к неправильному заключению, что верховная

власть в лице гетмана, администрация и суд организовывались по выборному принципу, т.е. на "демократической" основе. Разложение такого "демократического равноправия", по мнению А.Я.Ефименко, произошло под влиянием трех "стихий": польско-шляхетских традиций, южно-российских порядков и четко проявлявшихся узкоклассовых интересов казацкой старшины, которая при помощи царского правительства превращается в дворянство¹⁰. Такое изображение развития феодальных отношений на Левобережье явилось своеобразной их идеализацией. Неверным в исторических воззрениях А.Я.Ефименко было также отрицание ею существования сельской общины и общинного землевладения на Украине в исследуемый период.

Заслуживают внимания работы буржуазного либерального историка Д.П.Миллера о судопроизводстве в XVIII в. и превращении казацкой старшины в дворянство¹¹. Находясь на позициях субъективно-идеалистической социологии, автор видел причины, способствовавшие старшине в получении права на дворянство, исключительно в ее личных стремлениях и пытался обосновать свои выводы. Миллер в значительной степени идеализировал деятельность царских чиновников на Левобережье. По его мнению, во второй половине XVII — в первой половине XVIII в. на территории Левобережья существовало "демократическое" правление, которое в 60—80-х годах XVIII в. уничтожила старшинская верхушка.

Истории Левобережной Украины второй половины XVII—XVIII в. посвящена большая часть обширного научного наследия украинского буржуазно-либерального историка В.Л.Модзалевского. Ученый в результате глубокого исследования родословных казацких старшин показал из каких слоев населения формировалась верхушка тогдашнего феодального общества, определил основные этапы превращения старшины в дворянство¹². Источник могущества власти феодалов историк справедливо усматривал в их крупной земельной собственности, процесс быстрого возрастания которой он непосредственно связывал с обезземеливанием крестьян и рядовых казаков. Внутреннюю жизнь "владельческой Малороссии" В.Л.Модзалевский изображал как "притеснения слабейших, ссоры (феодалов. — Авт.), нападения друг на друга, бесконечные тяжбы, страсть к обогащению при неразборчивости в средствах, стремление к закреплению посполитых"¹³. Модзалевский недооценивал значения антифеодальной борьбы, приписывал общественно-политическому строю Левобережной Украины периода позднего феодализма демократические черты.

Для изучения вопроса о характере и формах землевладения разных социальных категорий населения Левобережной Украины первой половины XVIII в. важное значение имеют труды буржуаз-

ного историка И.В.Лучицкого. Он одним из первых исследовал специфику общинного и сябринного землевладения, показал их региональное распространение, определил значимость первоначальной заимки ("займанщины") как экономического и социального явления. В отличие от большинства буржуазных историков, отрицавших наличие общины на Украине, он убедительно доказал, что община и общинное землевладение свойственны всем народам¹⁴. Своими исследованиями общины на Украине Лучицкий сделал, по мнению советского историка П.Ф.Лаптина, "открытие в исторической науке"¹⁵.

Научную ценность представляет непосредственное описание им внутренней организации хозяйства сябринных союзов, принципов землевладения и правовых отношений среди их членов. Однако причину разложения сябринных союзов и общин он ошибочно искал главным образом во "вмешательстве" державцев в их дела (скупка земли, ее захват и раздача старшиной). Этот процесс был вызван, прежде всего, имущественным неравенством среди сябринников и общинников, которое в первой половине XVIII в. прогрессировало особенно быстро. Лучицкий не смог полностью отойти от буржуазных концепций общего развития феодальных отношений на Левобережье во второй половине XVII—XVIII в.

Исследованием вопросов о положении народных масс, истории закрепощения посполитых занимался русский буржуазный историк, один из лидеров партии народных социалистов В.А.Мякотин. Отстаивая в своих работах¹⁶ народнические субъективно-идеалистические взгляды, он свел весь процесс становления крепостнических отношений на Левобережной Украине после освободительной войны 1648—1654 гг. к "индивидуалистическим тенденциям", злоупотреблениям феодалов своими правами и возможностями, применению ими насилия над крестьянами, мещанами и рядовыми казаками, неправильно истолковал характер и закономерности развития производственных отношений при феодализме. В основу своей периодизации истории крестьянства Мякотин положил лишь законодательные акты царского правительства и постановления гетманско-старшинской администрации. Он пытался доказать, что в 50—70-х годах XVII в. большинство общинных союзов в социальном отношении якобы носили однородный характер, состояли из "свободных" и "равноправных" членов¹⁷. Мякотин ошибочно утверждал, что посполитые и рядовые казаки, на том или ином основании допустившие в свою общину или сябринный союз державцев, будто бы пользовались с последними одинаковыми правами. В действительности же старшины, украинская шляхта, православные монастыри, захватывая их земли, подрывали социально-экономическую базу общин и сябринных ассоциаций.

В период империализма социально-экономической историей Левобережной Украины занимался украинский историк-архивист, представитель буржуазно-либеральной историографии В.А.Барвинский. В одной из своих работ по этой проблематике¹⁸ он критически подошел к рассмотрению распространенной в то время в исторической литературе концепции о "демократическом устройстве" в регионе, на основании документальных источников показал наличие антагонистических противоречий между верхушкой феодалов и народными массами. Для исследования эволюции феодальных отношений на Левобережье в первой половине XVIII в. особенно важным является введенный в научный оборот Барвинским архивный материал о характере землевладения в так называемых ранговых, свободных войсковых и ратушных маестностях, о видах и объеме повинностей крестьян. Вместе с тем по целому ряду вопросов о положении класса-сословия последних на Левобережной Украине во второй половине XVII—XVIII в. работа ученого повторяет выводы и положения Лазаревского, Мякотина и некоторых других буржуазных историков. Так, причины расслоения крестьянства он видел не в экономических факторах общественного развития, не в возникновении и углублении имущественного неравенства, а в злоупотреблениях старшины и православного духовенства. Оценивая роль "громады" (общины) во внутренней жизни края, ее права на землю, он высказал довольно противоречивые суждения и весь процесс разложения общин свел в основном к вмешательству в их хозяйственные дела крупных землесобственников, "незаконным" действием по отношению к ним старшинской администрации.

Реакционные позиции в освещении истории Украины занимала буржуазно-националистическая историография в лице М.С.Грушевского и его "школы". Развитие феодальных отношений на Левобережье в XVIII в. М.С.Грушевский непосредственно связывал с влиянием крепостной системы России. "Демократия", существовавшая якобы на Левобережной Украине, мудрствовал Грушевский, так глубоко противоречила всей государственной системе России, что в структуре последней ей не находилось места. Характеризуя социально-экономическое положение казацкого сословия, он вопреки истине всех казаков (в том числе и рядовых) относил к "привилегированному классу", "свободному от податей". В процессе формирования и быстрого возрастания крупной земельной собственности главное место им отводилось произвольной "займанщине", земли же от крестьян и казаков, по его мнению, в основном отчуждались посредством добровольного "выкупа". Крестьян Грушевский называл "первоначальными собственниками", пытаясь тем самым затушевать антагонизм в

аграрных отношениях на Левобережье в XVIII в., скрыть подлинную классовую суть антинародной политики гетманского правления.

В заключение рассмотрения буржуазной историографии еще раз следует подчеркнуть, что она не дает действительно научного анализа процесса социально-экономического развития, не раскрывает сути основ феодального хозяйства и эксплуатации, в большинстве своем последующее установление крепостного права на Украине сводит лишь к законодательным актам второй половины XVIII в. Резко критикуя домарксовскую "социологию" и историографию, В.И. Ленин подчеркивал, что они "... в лучшем случае павали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса"¹⁹.

Советская историография, основываясь на теории марксизма-ленинизма, повела решительную борьбу против различных буржуазных "теорий". Она достигла значительных успехов в раскрытии многих общественных явлений, в том числе и в изучении истории Левобережной Украины.

В советской историографии одна из первых работ, посвященных данной теме, принадлежит Н.М. Гкаченко²⁰. В его исследовании, базирующемся на значительном документальном материале, предпринята попытка дать общий очерк истории левобережного крестьянства XVII—XVIII вв. В целом он верно отобразил специфику хозяйства крестьян, отметил основные черты монастырско-го, шляхетского и старшинского крупного землевладения, указал причины перехода посполитых в казаки. Однако главное свое внимание автор сосредоточил на истории левобережного крестьянства второй половины XVII в. Изложенный им материал по истории Левобережья в первой половине XVIII в. носит фрагментарный характер. Ученый не рассматривает такие важные вопросы, как объем, формы и эволюция феодальной ренты, социально-правовое положение крестьян и их место в классово-сословной структуре общества. Общественно-политическое устройство Украины и гетманское правление представляется им как одна из форм военной демократии.

Большое значение для изучения социально-экономического развития Левобережной Украины в конце XVII — начале XVIII в. имеет монография В.А. Дядиченко²¹. В ней впервые в отечественной историографии автор с позиций марксизма-ленинизма дал глубокую и всестороннюю характеристику деятельности гетманско-старшинской администрации, политики царского правительства в отношении Украины, показал классовую суть и назначение всех видов правления (полковое, сотенное, сельское, городское), суда и судопроизводства. Значительное место в монографии отве-

дено и вопросам, связанным с социальным и экономическим положением классов-сословий, формами и характером старшинской и монастырской земельной собственности, крестьянского и казацкого землевладения. В.А.Дядиченко на основании документального материала пришел к выводу, что для периода конца XVII и начала XVIII в. было характерным увеличение крупной земельной собственности в форме "зуполного владения" (т.е. на правах наследственной феодальной собственности). Он справедливо отметил ограниченность мещанского владения землей²². Вместе с тем, как нам кажется, требует уточнения принципиальное утверждение историка о том, что "зуполное владение" представляло собой "владение на правах полной собственности"²³. По нашему мнению, феодальная земельная собственность, в том числе и наследственная (о чем речь пойдет ниже), имела сословный и условный характер. Об этом убедительно свидетельствует и процесс ее постоянного перераспределения, и наличие иерархической структуры в тогдашнем обществе.

Важные оценки и документальные данные о положении крестьянства и казачества на Левобережье в первой половине XVIII в., внутренней политике царского правительства и гетманского правления содержатся в труде В.А.Голобуцкого по экономической истории Украины дооктябрьского периода²⁴. В нем автор привел интересный фактический материал о росте земельной собственности старшины, указал на наличие социального расслоения сельского населения, отметил углубление имущественного неравенства среди казаков. В.А.Голобуцкий особо подчеркнул, что расширение старшинской земельной собственности и сословных привилегий класса феодалов во многом обуславливала крепостническая политика, проводимая Петром I и его преемниками. Не рассмотрены в работе вопросы о мещанстве, земельной собственности православных монастырей.

Советские историки много внимания уделяли исследованию надстроечных институций феодального общества. Так, В.С.Кульчицкий и В.Д.Месяц в трудах по истории кодификации права на Украине в XVIII в. указали, что уже при правлении Петра I предпринимались первые попытки создания законодательных комиссий на Левобережье²⁵. В кодификации украинского права, по мнению В.Д.Месяца, была прежде всего заинтересована казацкая старшина, по инициативе которой и началась деятельность по выработке специального свода законов для Левобережной Украины, получившего впоследствии название "Права, по которым судится малороссийский народ...". В основу этого свода кодификаторы положили главным образом нормы Литовского статута, защищавшие неприкосновенность прав феодалов на имения, ставившие посполитых в полную зависимость от державцев²⁶.

А.И.Пашук, исследуя суд и судопроизводство на Левобережной Украине в XVII—XVIII вв., подчеркивал их классовый характер, указывал, что гетманско-старшинская администрация совместно с царскими органами власти проводили антинародную политику²⁷. Опубликованный ученым материал по памятникам и истории кодификации феодального права на Украине особенно важен для выяснения социально-правового статуса сословных групп населения края. Первую половину XVIII в. в истории Левобережья А.И.Пашук выделяет как период особенно острой борьбы феодалов против переходов крестьян в казацкое сословие²⁸.

На сословный характер и классовый принцип комплектования левобережного казацкого войска обратила внимание Е.М.Апанович²⁹. Изучая состояние вооруженных сил Украины в первой половине XVIII в., главным образом комплектование, мобилизацию, организацию и обеспечение казацкого войска, сторожевую и вспомогательную службы, она в общих чертах показала и процесс постепенного закрепощения казаков, углубление их имущественного неравенства, борьбу старшины против "показачивания" посполитых. В монографии Е.М.Апанович проводится важная мысль: поскольку владение землей определяло социально-экономическое положение казака и обеспечивало его юридические права и привилегии, старшина стремилась всеми способами добиться отчуждения его земли, перевести казака на статус феодально зависимого посполитого.

Значительный документальный материал об экономике и социальном развитии Украины в XVIII в., отношении к ней царского правительства содержится в источниковедческой работе М.А.Литвиненко³⁰. Научный анализ многочисленных источников (архивных и опубликованных), проделанный автором при освещении конкретных вопросов по истории Левобережья, во многом облегчает труд исследователя, помогает лучше разобраться в их характере, выделить наиболее важные. Изучая и характеризуя документы, автор отметила также общие тенденции эволюции феодальных отношений на территории края, указала на наличие новых буржуазных элементов в экономике и социально-правовом статусе отдельных групп населения (товаризация старшинских и крестьянских хозяйств, рост ремесла, углубление общественного разделения труда и т.д.).

Как известно, одной из главных задач, стоящих перед советскими историками, является создание обобщающих коллективных работ, которые в синтезированном виде подают основные достижения исторической науки в разработке самых различных проблем. В нашей республике накоплен значительный опыт создания трудов подобного рода. Еще в 50-х годах появилась двухтом-

ная "История Украинской ССР", где нашли свое освещение вопросы о социально-экономическом и правовом положении крестьянства, казачества, городских слоев населения³¹. В дальнейшем работа историков в этом направлении активизировалась. Новые достижения исторической науки были суммированы на страницах нового издания двухтомной "Истории Украинской ССР", а также специального коллективного исследования по истории крестьянства³². Однако и в упомянутых работах не все аспекты истории Украины периода позднего феодализма освещены с достаточной полнотой. Пробелы в их изучении были в значительной степени восполнены в третьем томе десятитомной "Истории Украинской ССР" (Киев, 1983), который содержит важные оценочные характеристики феодальной земельной собственности и крестьянского землевладения, в общих чертах освещает процесс постепенного закрепощения посполитых и рядовых казаков.

Кроме того, при подготовке монографии автором учитывались принципиальные положения, содержащиеся в фундаментальных обобщающих работах: "История СССР с древнейших времен до наших дней" (М., 1967, т.3), "Исторія народного господарства Української РСР" (К., 1983, т. 1).

Итак, даже краткий обзор исторической литературы об эволюции феодальных отношений на Левобережной Украине в первой половине XVIII в. дает основание утверждать о недостаточном изучении проблемы и необходимости ее дальнейшего исследования.

Одним из важных опубликованных источников изучения проблемы является "Генеральное следствие о маетностях 1729—1730 гг." по левобережным полкам³³. Основными причинами, побудившими царское правительство провести "генеральное следствие", стали его намерения установить точное число дворов податного населения с целью получения больших поборов и налогов, проверки законности прав на имения старшины, шляхты, православных монастырей. Здесь собран богатый документальный материал (жалованные грамоты царей, гетманские универсалы и "листы" полковников, постановления Генеральной войсковой канцелярии и Малороссийской коллегии) о характере землевладения в частных, монастырских, ранговых, ратушных, магистратских маетностях, свободных войсковых селках и местечках, количестве дворов феодально зависимых посполитых. По материалам "Генерального следствия" можно довольно четко проследить процесс формирования крупной феодальной земельной собственности, эволюцию ее отдельных форм. В этом источнике называются многие виды повинностей крестьян и мешан в пользу державцев и государства, раскрывается их суть и специфика.

Значительный фактический материал о социальном, экономическом и правовом положении основных групп населения, внутренней политике гетманско-старшинской администрации содержится в изданиях документов из архивов старшинских фамилий Полуботков, Сулим, Скоруп, Войцеховичей, Стороженко и других, в мемуарной литературе и летописях конца XVII — первой половины XVIII в.³⁴ В мемуарной литературе — дневниках, воспоминаниях, записках, авторами которых являются представители господствовавшего класса, как правило, речь идет о деятельности гетманского правления и царских чиновников на Украине, аграрных отношениях, торговле, сельском хозяйстве, занятиях промыслами и ремеслами, "послушенстве" посполитых и др. В летописях отражаются субъективные представления авторов, их личное отношение к происшедшим событиям и явлениям, что необходимо учитывать при использовании такого рода источников.

При исследовании вопроса о развитии феодальных отношений на Левобережье большой интерес представляют законодательные акты — юридические документы, изданные высшими органами государственной власти. Основные законы царского правительства были опубликованы в "Полном собрании законов Российской империи" (сокращенно ПСЗ), первое издание которого вышло в Санкт-Петербурге в 1830 г. В законах Российской империи, хронологически размещенных в I—XIV томах ПСЗ и охватывающих период времени со второй половины XVII до 50-х годов XVIII в., определенное отражение нашло социально-экономическое, политическое и культурное развитие региона. Важное значение имеют указы о проведении на Левобережье переписей с целью дополнительного обложения налогами населения, о запрещении крестьянских переходов, образовании в 1722 г. в Глухове Малороссийской коллегии, назначении в левобережные полки полковников из царских сановников, пожаловании старшины и монастырей имениями и др.

Главные положения основных законодательных актов царского правительства, касающихся Левобережья, зафиксированы и в "Экстракте из указов, инструкций и учреждений..."³⁵.

Одним из интересных документов для изучения социально-правового статуса классов-сословий региона является собрание норм феодального права первой половины XVIII в., получившее название "Права, по которым судится малороссийский народ..."³⁶. Источниками этого оригинального юридического кодекса прежде всего послужили действовавшие на Левобережной Украине правовые нормы, которые наиболее полно отвечали классовым интересам украинских феодалов и закрепляли их экономичес-

кое и политическое господство: Литовский статут, "Хелминское право", "Зерцало Саксонское", украинское обычное право и судебная практика, а также российское законодательство. Собрание законов, работа по составлению которого затянулась на 15 лет, было подготовлено в 1743 г., а в 1744 г. гетманским правлением передано на рассмотрение в Сенат. Царское правительство, несмотря на свое прежнее распоряжение составить свод законов и желание старшины иметь его, не утвердило "Права, по которым судится малороссийский народ...". Не получив законодательной силы, последние, однако, не утратили своего значения как исторический источник, так как в значительной степени отражали тот общественно-политический строй Левобережной Украины, который сложился к середине XVIII в.

В документальных изданиях "Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России" и "Акты, относящиеся к истории Западной России"³⁷ есть немало сведений об аграрных отношениях, повинностях крестьян и мещан, административном устройстве, организации военного дела на Украине. В большинстве своем это гетманские универсалы, "листы" полковников, прошения старшины о пожаловании их маетностями и отдельными угодиями.

Однако опубликованных источников оказалось недостаточно для раскрытия темы. Поэтому автором широко использовались архивные материалы³⁸. Например, в ЦГАДА СССР (ф. 248, д.1809) хранится важный источник — рукопись "Генерального следствия о маетностях Полтавского полка 1729—1730 гг.", которая до сих пор не опубликована. Очень ценный материал находится в рукописных отделах Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В.И.Ленина в Москве и Центральной научной библиотеки АН УССР в Киеве³⁹.

Как видим, для изучения поставленных в монографии вопросов имеется необходимая источниковая база. При этом автор ясно осознает, что не все аспекты социально-экономической истории Левобережья первой половины XVIII в. достаточно полно освещены в предлагаемой книге. Ряд проблем требует отдельного, более глубокого и всестороннего изучения. Целью же данной работы является попытка заполнить лишь один из пробелов, существующих в специальной исторической литературе.

ГЛАВА I

ФЕОДАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ, ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

I. Формы земельной собственности феодалов и источники ее возрастания

Прежде чем перейти к непосредственному освещению вопроса, необходимо сделать предварительные замечания относительно содержания самих понятий "феодалная собственность на землю", "землевладение" и "землепользование". Это, в частности, объясняется наличием неадекватных точек зрения у историков, экономистов и юристов в решении проблемы. Существующий разнобой в разграничении экономической и правовой стороны собственности, владения и пользования значительно осложняет исследования. Так, некоторые буржуазные историки (А.М.Лазаревский, И.В.Лучицкий, А.Я.Ефименко, В.А.Барвинский, В.А.Мякотин и другие) совершенно неправомочно отождествляли в своих трудах понятие "земельная собственность" с понятиями "землевладение" и "землепользование". Они полностью игнорировали различия между частной собственностью, присущей капиталистической формации, и предшествующими ей формами собственности периода феодализма. При этом критерием собственности выдвигалась не феодалная рента, а право распоряжения землей. Виды владения "отрывались" от производственных отношений. Например, В.А.Мякотин писал, что на Украине после 1654 г. крестьяне якобы приобрели "всю полноту гражданских прав" и, в частности, сделались "полными собственниками" тех земельных участков, которые ими обрабатывались. Причем их право земельной собственности, по мнению историка, оказалось столь "полным и всеобщим", что распространилось даже на крестьян, находившихся в зависимости (т.е. эксплуатируемых, выполнявших определенные повинности) у прежних феодалов¹. Тем самым Мякотин отождествил право на землю державцев с правом на землю зависимых от них крестьян.

В советской историографии имеются разные суждения о характере и сущности земельной собственности, землевладения и пользования землей в период феодализма. Обратимся к наиболее характерным из них. Так, историк права А.В.Венедиктов считал: собственность в феодальном обществе разделена не только в середине господствовавшего класса, но и между феодалом-вотчинником и крестьянином-чиншевиком². М.В.Колганов выдвинул по-

ложение, согласно которому в период феодализма собственность на землю вовсе отсутствовала, так как "ни один субъект присвоения земли не является собственником, а был всего лишь владельцем. И никакая сумма их прав не составляла права собственности, хотя бы потому, что земля их не могла быть никем из них отчуждена как товар"³. В.А.Голобуцкий, напротив, признает существование собственности на землю. Он считает, что "личная" земельная собственность была не только у феодалов, но после освободительной войны 1648—1654 гг. на Левобережной Украине сохранилась у казаков, мещан, а также крестьян. При этом историк не делает принципиального различия между понятиями "собственность" и "землевладение"⁴. О крестьянском владении и землепользовании писал В.А.Дядиченко⁵. Однако, ссылаясь на то, что крестьяне, дескать, могли покупать и продавать свои "грунты", "кгрунтики", "нивки" и т.д., он в другой работе утверждал: "На Левобережье и Слободской Украине часть земли находилась в личной собственности крестьян"⁶. Б.Ф.Поршневу отстаивал мысль, что лишь феодалы выступали как "подлинники собственности земли", их собственность "это полная, свободная, неограниченная, безусловная собственность, и именно как таковая, как просто собственность, она и противостоит крестьянам, не имеющим своей земли и получающим ее у собственника в пользование на том или ином условии"⁷.

С.Д.Сказкин, Л.В.Черепнин, С.М.Каштанов, В.А.Маркина и некоторые другие историки в своих работах⁸ отметили сословный, иерархический характер феодальной собственности на землю, указали на ее коренные отличия от землевладения и пользования землей крестьян.

К.Маркс, вскрывая природу и механику получения феодальной ренты, неоднократно и подробно останавливался на содержании понятия "земельная собственность". В частности, он подчеркивал: "Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность..."⁹. Затем следует вывод: "Это *общее* для различных форм ренты — то, что она есть экономическая реализация земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенной земельной площадью..."¹⁰. Характеристика сущности феодальной собственности на землю и владения крестьян землей, находившейся в собственности у феодалов, составляет основу теории К.Маркса о феодальной ренте. В феодальную эпоху "земельный собственник ... является тем лицом, — подчеркивал

Маркс, — которое, пользуясь монополией земельной собственности, присваивает прибавочный труд непосредственных производителей в первую очередь, когда, следовательно, земельная собственность все еще выступает как основное условие производства¹¹. Вместе с тем "... непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец, и весь его прибавочный труд на деле *de jure* (юридически) принадлежит земельному собственнику"¹². Земельная собственность при феодализме имела сословный, иерархический характер и была привилегией господствующего класса¹³. О существенной разнице между собственностью и владением писал также В.И. Ленин: "... Владение еще не есть собственность, владение есть временная мера и владение каждый год перемениется. Крестьянин, который получает в аренду кусочек земли, не смеет считать, что земля его"¹⁴. В эпоху натурального хозяйства не было "...принадлежности земли земледельцу, отдельно и самостоятельно существующей..."¹⁵.

Итак, основываясь на учении основоположников научного коммунизма о земельной собственности, приходим к заключению: у феодалов земля находилась на правах собственности, у непосредственных производителей — на правах владения. Характер земельной собственности и землевладения обуславливался сословной структурой феодального общества.

В ходе освободительной войны 1648—1654 гг. были значительно ослаблены, расшатаны феодально-крепостнические устои на территории Украины, освобожденной от польско-шляхетских поработителей. Особенно ярко это выразилось в качественно новых изменениях, которые произошли в аграрных отношениях. Крупная феодальная земельная собственность польских магнатов, зажиточной шляхты и католических монастырей была уничтожена*. Их земли юридически и фактически перешли в распоряжение новосозданной старшинской администрации во главе с гетманом. Сохранилась земельная собственность у православных монастырей, старшин, украинской средней и мелкой шляхты. Совсем незначительное количество имений осталось у польской шляхты¹⁶. Прежде всего они сохранились у тех ее представителей, которые в связи с целым рядом причин приняли участие в освободительной войне и поддержали проводимую Б.Хмельницким политику, направленную на полное освобождение украинских земель от польско-шляхетского господства. Именно поэтому в отдельных случаях гетман признавал право шляхтичей на имения (угодия) и приказывал возвратить часть отобранной у них земли¹⁷. Впоследствии их права неоднократно подтверждались и другими гетманами, а также царем. Политике гетманов следовали и полковники. Они также выдавали свои "универсалы" и "листы"

на возвращение некоторых прежних имений шляхте и жаловали их "в потомственные часы"¹⁸. Среди таких можно, например, назвать рода Борозднов, Бутовичей и Рубцов, получивших жалованные грамоты на отдельные земли и угодия еще от польских королей.

В первой половине XVIII в. дальнейшее развитие товарно-денежных отношений и усиление социального гнета, на которые определенное влияние оказывала крепостническая политика российской дворянской монархии, значительно ускорили процесс возрастания феодальной земельной собственности. С одной стороны, она росла за счет распашки целинных степей, освоения запущенных вследствие длительной войны и миграционных процессов земель, выкорчевки леса и т.п. Немаловажную роль при этом играло дальнейшее развитие сельского хозяйства на Левобережье, так как высокие цены на сельскохозяйственные продукты делали его прибыльным и выгодным. С другой стороны, рост феодальной земельной собственности происходил за счет захвата земель основной массы населения — крестьянства, рядового казачества, городской бедноты.

Феодалы чаще всего стремились различными путями приобрести уже освоенные земли с "сидевшими" на них непосредственными производителями. Это являлось для них экономически более выгодным, нежели распашка неосвоенных земель, требовавшая значительной затраты физического труда и денежных средств. "Возделанная земля, — подчеркивал К.Маркс, — больше стоит, чем невозделанная, обладающая такими же естественными свойствами"¹⁹.

Путем захвата уже освоенных земель формировалась крупная земельная собственность гетманов, старшины, украинской шляхты, православных монастырей, русских помещиков, грузинских князей и пр.

Буржуазные и буржуазно-националистические историки, всячески фальсифицируя социально-экономическое развитие Украины, пытались изобразить гетманов и старшин "справедливыми правителями", "бескорыстными защитниками" интересов народных масс. При этом захватнический характер приобретения новых земель, ничем не прикрытое отбирание земельных угодий у казаков и посполитых зачастую возводилось в ранг законности. Так, В.А.Барвинский утверждал, что на захваты гетманов нельзя смотреть, как на насильственные акты, а потому считать их незаконными²⁰.

В действительности же исторические факты полностью опровергают эти измышления. Гетманы, как и другие феодалы, проводили политику социального угнетения и постепенного закреп-

поощения народных масс. Они являлись самыми крупными земельными собственниками на Левобережной Украине и обладали наибольшим количеством зависимых крестьян. Только у И.Мазепы в период его гетманства (1687—1708) насчитывалось до 3 тыс. подданных украинских крестьян и 8 тыс. крестьян в различных районах России. Почти столько же крестьян находилось в зависимости и у гетмана И.Скоропадского (1708—1722)²¹. Наличие феодально зависимых посполитых у державцев определяло место последних в общей иерархической структуре общества, их политическое и экономическое положение. "Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, — подчеркивал К.Маркс, — определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство"²².

О больших размерах гетманских имений убедительно свидетельствует "Табель, сколько в малороссийских полках во владении состояло подданных, подлежащих на достоинство гетманское" (у И.Мазепы, И.Скоропадского, Д.Апостола (1727—1734) и К.Разумовского (1750—1764), составленный в 1764 г. после окончательного упразднения института гетманства на Украине²³ (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Размеры гетманских владений (по числу дворов посполитых)

Название полка	И.Мазепа	И.Скоропадский	Д.Апостол	К.Разумовский
Нежинский	3585	4340	442	1857
Киевский	422	697	258	—
Переяславский	1239	899	1438	991
Гадячский	4241	4055	3242	860
Стародубский	8629	8385	3522	5395
Прилукский	297	779	—	467
Черниговский	1244	306	—	58
Полтавский	—	111	111	—
Лубенский	—	310	90	—
Всего:	19654	19882	9103	9628

Приведенная таблица свидетельствует, что учет населения на Украине в XVIII в. велся в основном по дворам. К сожалению, он не дает полного представления о размерах земли, сосредоточенной в руках феодалов, а также о количестве подданных. Нередко в одном дворе существовало несколько самостоятельных хозяйств. В среднем же на каждый двор в различных полках приходилось около 2 хат и 2 семей²⁴. Тем не менее двор являлся основной хозяйственной единицей счета при составлении ревизий и обложении населения поборами. Поэтому в данном случае, как и в даль-

нейшем, нам кажется, исчисление по дворам может служить показателем при сравнении размеров имений у отдельных феодалов. Имена державцев (маетности) могли включать в себя не только определенное количество дворов, но также несколько сел, местечек, мельницы, отдельные "грунта" и другие угодия.

Большую часть гетманских имений составляли так называемые ранговые маетности, фигурирующие в официальных документах как определенные "гетману на булаву". Несколько смежных сел могли составлять "староства", "ключи" и "дворцы", включавшие десятки и сотни дворов крестьян.

На протяжении первой половины XVIII в. количество и размеры имений, определенных гетману "на булаву", быстро увеличивались. Так, по жалованной грамоте от 26 мая 1730 г. Д.Апостола "на уряд гетманства" определялись Гадячский ключ "зо всеми доходами", 2 волости, 1 местечко, десятки сел и хуторов, с общим количеством 4167 дворов посполитых²⁵. А царским указом от 5 июня 1750 г. гетману К.Разумовскому жаловались: "Гадячский замок" с принадлежащими к нему местечками, селами и хуторами (2444 двора), города Батурич, Почеп, Ямполь с уездами (3268 дворов), волости Шептаковская, Чеховская и Быховская (3246 дворов), "Бакланской дворец" (279 дворов), а также некоторые другие угодия²⁶.

Некоторые маетности, определенные на булаву, могли находиться у гетманов на протяжении длительного времени и после смерти одного переходить к другому. Село Курень Нежинского полка, например, "от гетмана Многогрешного, за всех гетманов: Самойловича, Мазепы и ...Скоропадского, било в подданстве на гетманов". Другое село Мутик этого же полка "сперва било шляхетское шляхтича Песочинского, а затем гетмана Хмельницкого було свободное войсковое, а потом владел гетман Самойлович, а по Самойловичу Мазепа, после же Мазепи Скоропадский, а ныне владеет гетман Даниил Апостол" (1729—1730)²⁷. В первой половине XVIII в. большое количество подобного рода маетностей постепенно захватывалось гетманами и оставалось у них на правах наследственной собственности, а также раздавалось монастырям²⁸. Иные маетности часто в виде различных гетманских пожалований могли передаваться в собственность или владение разным лицам²⁹. Гетманы, случалось, присваивали себе или жаловали кого-либо землями, отобранными у державца под видом "защиты" посполитых от чрезмерных притеснений. Земля иногда отчуждалась гетманом у частных лиц даже если те имели жалованные грамоты или универсалы на "потомственное владение". Это происходило в случаях отсутствия прямых наследников после смерти собственника, измены государю или гетману, отказа вы-

полнять воинскую службу, окончания заранее оговоренного срока держания пожалованной земли. В дальнейшем такая земля могла служить фондом для последующих раздач.

Юридическое право гетманов на имения, приобретенные разными способами в феодальную наследственную собственность или определенные "на булаву", как правило, законодательно подтверждалось царскими жалованными грамотами, которые являлись надежной гарантией прав собственности на землю и использовались как основополагающие документы при решении всех поземельных споров. Так, Д.Апостол не будучи еще гетманом, в конце XVII — начале XVIII в. скупил земли во многих селах. Причем часть из них были "пустовскими", т.е. никем не занятыми. На этих землях Апостол "осаживал" людей. В 1710 г. он получил жалованную грамоту, по которой за ним утверждалось уже 11 сел, приобретенных таким образом³⁰. После смерти гетмана Д.Апостола большинство земель перешло по наследству его жене Анастасии Марковне и дочери Ульяне³¹.

В первой половине XVIII в. на Левобережье крупные земельные богатства сосредоточились в руках старшин и украинской шляхты. Наиболее богатые из них назначались гетманом на высшие ранги в администрации. Поэтому им предоставлялись значительные привилегии. Всегда и во всем преследуя свои корыстные узкоклассовые интересы, старшина и шляхта в этот период особенно стремились к все большему укреплению своей политической власти, расширению земельной собственности. "В феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде, — по словам К.Маркса, — была атрибутом земельной собственности"³².

Старшина еще во второй половине XVII в. неоднократно через своих представителей, гетмана и русских вельмож обращалась к царю, домогаясь закрепления за нею хотя бы частично тех прав, какими на Украине ранее пользовалась польская шляхта (прежде всего законодательного утверждения права наследования земли и "отбирания послушенства" у посполитых). Первые попытки восстановить "давние права" предпринимались старшинами уже во время освободительной войны 1648—1654 гг.³³, когда восставшие народные массы проливали свою кровь в борьбе с польско-шляхетскими угнетателями и с оружием в руках отстаивали независимость родины.

Эти тенденции проявлялись во всей внутривластной деятельности гетманов. В частности И.Мазепа в одном из писем к царю Алексею Михайловичу (февраль 1690 г.) укрепление гетманской власти и расширение старшинской земельной собственности определял как одну из первостепенных задач своей внутренней политики³⁴. Гетман Д.Апостол в 1728 г. одним из своих "Реши-

тельных пунктов" (п.8), которые в том же году законодательно утвердил царь, запретил отбирать у старшины выслуженные и купленные маенности³⁵. Тем самым в общегосударственных масштабах признавалось юридическое право старшины на передачу земли по наследству.

Права державцев на имения устанавливали выданные в разное время жалованные грамоты царей, а также гетманские универсалы, "листы" полковников, которые носили характер местного законодательства. В связи с дальнейшим укреплением позиций царизма на Украине значимость жалованных грамот быстро возрастала. Если еще по "Коломацким статьям" (1687 г.) оговаривалось лишь право царей на утверждение гетманских универсалов при пожаловании имениями³⁶, то уже в первой половине XVIII в. царские грамоты начали приобретать первостепенное значение. Большую важность имели также постановления Сената, Малороссийского приказа (1662—1722), а после упразднения последнего — Малороссийской (первой) коллегии (1722—1727). Старшинские права непременно подтверждались или дополнялись (частично изменялись) на Генеральной войсковой раде при избрании каждого нового гетмана³⁷, а затем в виде "статей" рассылались во многих копиях по различным государственным учреждениям, имевшим прямое отношение к делам по управлению краем. Все эти акты в большей или меньшей степени служили регламентацией в аграрных отношениях различного рода (купля-продажа земли, ее обмен, наследование и т.п.).

На основании анализа архивных и опубликованных источников первой половины XVIII в. четко можно выделить две основные формы феодальной собственности у старшины: наследственную и временную (условную), в соотношении которых на протяжении исследуемого периода произошли значительные изменения.

К первой форме следует отнести маенности, а также отдельные угодия, фигурирующие в документах официального характера как определенные в "зуполное" или "вечное" (или "спокойное", "свободное", "беспрепятственное", "ненарушное") "владение". Все выше указанные термины, обозначающие наследственную форму феодальной земельной собственности, в большей или меньшей степени употреблялись на протяжении первой половины XVIII в. Они отождествлялись по своей значимости и в документах того времени могли функционировать самостоятельно или в сочетании друг с другом. Земли, находившиеся у державцев на правах наследственной собственности, вполне официально могли служить объектами купли-продажи, обмена, залогом при различного рода торгово-денежных операциях и соглашениях. Наличие и последующие приобретения таких земель юридически не обяза-

вали феодалов нести войсковую службу и не зависели от их служебного положения. В случае смерти кого-либо из старшины имения обычно наследовали вдовы, дети или другие родственники³⁸. Их права на имения неукоснительно оберегались не только гетманско-старшинской администрацией, но и царским правительством. В жалованной грамоте Петра I (1721), выданной гадяцкому полковому судье Г.Грабянке, указано: "Селом Максимовкою спокойне владеть и настоящее подданическое от посполитих, тамо живущих людей, оприч козаков, иметь послушание и повинность и дабы ни кто из старшини и черни войскових и посполитих полку Гадяцкого... ему, Григорию Грабянке не смели чинить перешкоди, перепони и трудности... и данным селцем Максимовкою... владети во веки неподвижно"³⁹. Нередко и гетманы, стремясь персонально оградить своих приспешников, их семьи от притязаний других державцев, брали как их самих, так и имения в "особливую гетманскую оборону и протекцию", чтобы им никто "не смел чинить обид"⁴⁰. Тому же, кто не повиновался гетманской воле, нередко грозило суровое "войсковое карание"⁴¹.

Ко второй форме старшинской земельной собственности относились ранговые маетности, а также определенные "до ласки войсковой", "ку вспартю домови", "по смерть" и т.п. Они давались в держание на определенном условии: до окончания службы в войске или до тех пор, пока кто-либо из старшины занимал должность в администрации — "ранг". В дальнейшем эти имения предполагалось передавать гетману или другим официальным лицам. В связи с этим очевидна ошибочность утверждения В.В.Веселаго о том, что ранговые маетности находились у старшин пожизненно⁴².

В период правления императрицы Анны Иоанновны (1730—1740) на запрос Правительствующего Сената в Генеральную войсковую канцелярию о том, что означает в гетманских универсалах пожалования "в спокойное и беспрепятственное владение", "до ласки войсковой" и на "вспартье дому", генеральная старшина дала следующее объяснение; 1) "спокойное и беспрепятственное владение" — означает владение вечное, 2) "до ласки войсковой" — до указа и 3) "на вспартье дому" — на вспоможение дому до некоторого времени, а не вечно ж"⁴³.

О временном держании земли, его непрочности интересно высказывание К.Разумовского. В одном из частных писем к императрице Елизавете гетман писал, что частью из тех маетностей, которые находились ранее у князя А.Д.Меншикова, а после его ссылки перешли к нему, он владеет "по одному только гетманству ... временно, а потому беспечно и бескорыстно"⁴⁴. Относительно своей "бескорыстности" гетман, конечно, говорил с целью

разжалобить императрицу и добиться от нее новых пожалований на правах феодальной наследственной собственности.

Ранговые имения давались "на уряд" вместо жалования и являлись, таким образом, приписаны к определенной войсковой должности, независимо от занимавшего ее лица. Ранговые маетности находились в ведении Генеральной войсковой канцелярии, которая пребывала под непосредственным руководством гетмана и действовала по его указаниям. В 1734—1750 гг. Генеральная войсковая канцелярия подчинялась Канцелярии министерского правления или Малороссийской коллегии. Ранговые имения формально считались собственностью всего Войска Запорожского, что предусматривало их передачу только должностным лицам на содержание во время исполнения определенной службы. К некоторым рангам маетности не назначались.

Ранговая земельная собственность возникла сразу после освободительной войны 1648—1654 гг., в период становления элементов украинской феодальной государственности. Ее формирование происходило главным образом путем самовольного захвата некоторыми старшинами земли без всякого на то разрешения гетманской администрации. После них эти имения могли занимать под свой ранг другие урядники, причем не обязательно в той же должности. Ранговому держанию способствовала и социально-экономическая политика гетманско-старшинской администрации. Она очень скоро осознала всю необходимость и выгоду существования такого рода имений. Впоследствии стало системой, что вместо платы за службу гетманское правление приписывало к рангам все новые села и угодья, а также и уже побывавшие у отдельных лиц.

В буржуазной историографии существовали различные точки зрения на возникновение и формирование феодальной земельной собственности в виде ранговых имений у старшины. В частности, В.А.Барвинский утверждал: 1) во времена Б.Хмельницкого и его первых преемников у старшин ранговые маетности отсутствовали; 2) первые назначения на ранги маетностей начинаются только с гетмана И.Самойловича (1672—1687) и продолжают при последующих гетманах⁴⁵. Документальные материалы опровергают такое мнение. Уже при гетмане Б.Хмельницком к отдельным рангам приписывались имения. В рукописи "Генерального следствия о маетностях Полтавского полка 1729—1730 гг.", с которой по всей видимости В.А.Барвинский во время работы над своей книгой не был знаком, так как вовсе не упоминает о ней, написано: "Городок Решетилровка в котором дворов 550 почавши от Жученко полковника полтавского який за гетмана Богдана Хмельницкого был ... и за прежних всех полков-

ников належал на власть полковническую⁴⁶. Правда, следует указать на малочисленность подобных фактов о столь раннем наличии ранговых маетностей.

Также не обоснована мысль Д.Н.Бантыш-Каменского, что точное количество дворов на ранги было определено уже при гетмане Б.Хмельницком⁴⁷.

Процесс формирования рангового держания в течение первой половины XVIII в. был длительным и претерпевал многие изменения (отчуждение имений от некоторых рангов, замена одних имений на другие, захват в феодальную наследственную собственность и т.п.). Попытки царского правительства узаконить точное количество дворов на ранги генеральной, полковой и сотенной старшине относятся ко второй четверти столетия. В своих "Дневных записках" генеральный подскарбий Я.А.Маркович отметил, что царское правительство указом от 1 февраля 1732 г. велело приписать к рангу обозного генерального 400 дворов, судьям генеральным — по 300, малороссийскому подскарбию — 300, есаулу, бунчужному и хорунжому по 200, писарю генеральному оставить прежнее число (т.е. — 140), писарю судовому — 30, на канцелярию Войсковую и Судовую — 100 дворов⁴⁸.

О распределении ранговых маетностей по отдельным полкам** дают некоторое представление данные "Генерального следствия о маетностях 1729—1730 гг."⁴⁹ (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Соотношение общего количества имений и в них дворов пополнившихся с числом ранговых имений и дворов в 1729—1730 гг.

Наименование полка	Количество всех имений	В них дворов	Количество ранговых имений	В них дворов
Дубенский	192	14993	13	815
Черниговский	368	10369	21	389
Киевский	195	7965	21	702
Галачский	75	5718	5	704
Прилуцкий	108	5510	8	278
Переяславский	174	4130	11	153
Нижинский	258	?	51	?
Полтавский	66	4284	4	655
Миргородский	88	12188	2	252
Всего:	1524	65157	136	3948

Приведенная таблица свидетельствует, что на Левобережной Украине в 1729—1730 гг. (в 9 из 10 полков) ранговые имения составляли около 6 % общего числа имений и 9 % всей суммы дворов. Показано, что преобладающая часть их оказалась у генеральной старшины и полковников. Так, уже по ревизии 1731 г. из всех 3350 дворов, определенных на ранги, генеральной старшине (все-

го 16 человек) принадлежало 1915 дворов⁵⁰. В том числе у обозного генерального было 8 сел (402 двора), первого судьи генерального — 7 сел (299 дворов), второго судьи генерального — 8 сел (300 дворов), подскарбия малороссийского генерального — 10 сел (302 двора), первого есаула генерального — 7 сел (200 дворов), второго есаула генерального — 5 сел (197 дворов). Через год (в 1732 г.) количество дворов на ранги генеральной старшине было доведено до 2543⁵¹.

В то же время полковникам "по давним гетманским дачам" на содержание вместо платы давалось: нежинскому — 346 дворов посполитых, гадячскому — 335, полтавскому — 320, черниговскому — 284, киевскому — 212, стародубскому — 145. Переяславскому полковнику "определения не учинено". Исходя из "прежних дач", полковой и сотенной старшине каждому на ранг в среднем назначалось от 5 до 35 дворов посполитых⁵².

Именья, данные на ранги генеральной старшине или полковникам, как правило находились в разных полках и сотнях. Так, генеральный обозный имел ранговые маетности в Черниговском, Прилукском, Нежинском полках; первый судья генеральный в Стародубском, Лубенском, Прилукском, Нежинском полках; второй судья генеральный в Стародубском и Лубенском полках⁵³. Это объясняется прежде всего тем, что уже на то время в отдельных полках не хватало на ранги достаточного количества свободных маетностей, а некоторые ранги и вовсе лишились приписанных дворов посполитых. Например, в Нежинском полку не оказалось маетностей на ранги полковым обозному, судье, есаулу, подъесаулу, 17 сотникам⁵⁴.

Старшина начала превращать ранговые именья в наследственную феодальную собственность, всеми силами стараясь закрепить их за собой царской грамотой. Не очень настойчивые попытки некоторых гетманов препятствовать этому ни к чему не приводили⁵⁵. Социально-экономическая политика, проводимая гетманами, способствовала быстрому исчезновению рангового держания. Иногда ранговые маетности предоставлялись и монастырям. Сокращалось количество ранговых имений в значительной степени и потому, что многие представители богатых старшинских фамилий на протяжении десятилетий удерживали в своих руках полковую и сотенную власть. Так, с 1659 по 1736 г. миргородскими полковниками оставались дед, сын и внук семейства Апостолов. В Черниговском полку на протяжении долгого времени полковничий уряд занимали Лизогубы, в Прилукском — Горленки. Почти полтора столетия должность сотника Борзнянской сотни (Нежинский полк) принадлежала родственникам по фамилии Забелы.

Особенно больших размеров при этом приобрело ипотечное

чество, использование родственных связей и протекций. Так, генеральный писарь А.Я.Безбородко назначал полковую и сотенную старшину фактически без выборов, по собственному желанию или за деньги. За сотенные уряды он брал по 70 - 100 руб. Своих родственников в разное время он устроил на должности полкового обозного и судьи, сотников⁵⁶. Даже самому гетману Д.Апостолу пришлось отбирать у вдовы прежнего гетмана И.Скоропадского отдельные маенности, которые раньше были отписаны "на гетманскую булаву", а затем пожалованы Скоропадским жене в собственность⁵⁷. В связи с быстрым переходом ранговых имений в наследственную феодальную собственность их количество к середине 60-х годов значительно уменьшилось. На основании "Ведомости о малороссийских ранговых маенностях" (1764) можно сделать вывод, что количество ранговых имений к 1764 г. по сравнению с 1731 г. уменьшилось в 1,5 раза⁵⁸ (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Количество дворов крестьян и мещан в ранговых маенностях по ревизии 1764 г.

На рангах у генеральной старшины	На рангах полковников, полковых и сотенных старшин	Всего
дворов — 1489	дворов — 2145	дворов — 3634
и них хат — 1970	и них хат — 3080	и них хат — 5050
бездворных хат — 628	бездворных хат — 1315	бездворных хат — 1943
мужского пола душ — 7593	мужского пола душ — 13 451	мужского пола душ — 21 044

К середине XVIII в. старшины превратились в самых крупных феодалов. По официальному документу 1743 г., за старшиной в количестве 314 человек*** числилось 19 547 посполитских дворов⁵⁹.

В исследуемый период Левобережье являлось одним из основных экономических и политических центров России. Уже с 20-х годов для управления Левобережной Украиной назначаются урядники из России. Так, царским указом от 23 февраля 1723 г. на должность трех полковников определялись русские вельможи⁶⁰. В то же время на территории края в руках русских помещиков концентрировалась крупная земельная собственность. Например, "главному великороссийскому члену в правлении гетманского уряду" давалось 532 двора, бригадир и полковнику по 50 дворов, в генеральном войсковом суде трем "великороссийским членам" по 50 дворов каждому, подскарбию — 50, а всего 832 двора⁶¹. Одно из первых мест по количеству маенностей на Украине принадлежало российскому князю А.Д.Меншикову. Об этом сви

детельствуют такие цифры: в 1727 г. у него конфисковано 4 города, 187 сел, 14 слобод и 1 волость. После отобрания имений у А.Д.Меншикова значительная их часть была отписана на императорский двор⁶².

Крупные имения на Украине имели также и другие вельможи — Г.Долгорукий, Г.Головкин, П.Шафиров, Б.Шереметев. По их просьбам гетманы часто награждали угодную им старшину. После смерти русского вельможи его земли на Левобережье могли наследовать родственники. Так, после смерти графа Г.И.Головкина в 1734 г. сотни дворов, десятки сел и деревень в Лубенском, Нежинском и других полках перешли по наследству его детям — А.Г. и М.Г.Головкиным⁶³.

Большое количество дворов во второй четверти XVIII в. составляли "отписные" маетности, принадлежащие лично царской семье, русским помещикам и в незначительной степени иностранцам. Только по ревизии 1730 и 1734 гг. на Левобережной Украине их насчитывалось несколько тысяч⁶⁴. Для управления этими маетностями в 1742 г. была создана специальная "Комиссия", непосредственно подчинявшаяся Министерской канцелярии.

В этот период значительно возросла численность имений грузинских князей и дворян, которые в 20-х годах XVIII в. переселились в Россию, а в конце 30-х годов появились на Украине. По ревизии 1741 г. в 9 полках (Киевский, Прилукский, Полтавский, Миргородский, Нежинский, Черниговский, Стародубский, Переяславский, Лубенский) у грузинских феодалов насчитывалось 4695 дворов посполитых, а в 1764 г. более 5000⁶⁵.

Определенная часть маетностей принадлежала непосредственно городам. Посполитые таких маетностей обязывались выполнять повинности в пользу ратуши или магистрата. Например, по универсалу гетмана И.Скоропадского (1718) и "з рассмотрения полковников киевских" Козелецкая ратуша получила "для всяких тяжестей и малолюдствия, в городе Козельце имеючогося", села Новинки — 11 дворов посполитых, Дымерка — 9, Ржавец — 3, Будища — 40, Сморшки — 19, Влудшое — 19, Верков — 17, Тополе — 14⁶⁶. Одновременно с ратушами и магистратами часто жаловались маетностями и разные должностные лица городского управления (бурмистры, войты, райцы, писари и др.). Так, Екатерина I именным указом 1726 г. пожаловала стародубскому войту Андрею Барановскому за "верную службу" с.Пьяный Рог в "вечное владение"⁶⁷. Ратуша Чернигова и некоторые урядники города согласно царским грамотам и гетманским универсалам, выданным в конце XVII — начале XVIII в., получили юридическое право эксплуатировать крестьян сел Петрушин, Хмельница, Свин, Березанка, Киселювка, а также пользовались многими пашнями, сено-

косами, рыбными ловами, мельницами, перевозами, лесами и т.п. При этом права на имения ратуши и частных лиц строго разграничивались. С с.Петрушин "користи" собирать "не ку приватной якої потребе, леч к общей до ратушних експенцов на отбирание разних расходов лежащей", а от сел Свин, Березанка, Хмельница, Киселювка войту и бурмистру "з посполитих людей имети всякое удовольствие"⁶⁸.

На протяжении первой половины XVIII в. феодальная земельная собственность городов заметно сократилась. Это обуславливалось несколькими причинами. Прежде всего, старшина, стремясь укрепить свое политическое и экономическое положение, отрицательно относилась к росту земельных богатств магистратов и ратуш. Очень часто отдельные державцы, используя свою силу и власть, захватывали их маетности. Гетманы также присваивали себе такого рода имения или раздавали их частным лицам (особенно тогда, когда право городов на них не было подтверждено царскими жалованными грамотами).

Светским феодалам старались ни в чем не уступать православные монастыри. Уже в период освободительной войны и сразу же после ее завершения монастыри одними из первых обратились к Б.Хмельницкому с просьбой подтвердить все их прежние права на земли. Своими универсалами гетман признал права на имения за Густыньским, Никольским Пустыньским, Максаковским, Гадяцким, Мгарским и некоторыми другими монастырями⁶⁹. Интересно, что монастыри, получив от Б.Хмельницкого подтвердительные универсалы, затем без особых затруднений получали новые подтверждения от последующих гетманов. При этом в позжих универсалах незаметно появлялись дополнительные маетности, но не в виде новых пожалований, а лишь как давно утвержденные старые. Уже в начале XVIII в. некоторыми представителями гетманско-старшинской администрации высказывались подозрения по поводу законности многих монастырских земельных актов. Нередко монастыри добивались "подтвердительных" универсалов даже в тех случаях, когда на маетности вообще не имелось никаких документов⁷⁰.

По данным "Генерального следствия о маетностях 1729—1730 гг." имения монастырей по полкам распределялись неравномерно. Число дворов зависимых крестьян и мещан в них в этот период превышало 20 % общего количества дворов**** (табл. 4).

Тем не менее во второй четверти XVIII в. царское правительство, идя навстречу постоянным требованиям старшины ограничить рост монастырской земельной собственности, принимает ряд мер в этом направлении. В 1728 г. гетман Д.Апостол обратился к царю с просьбой запретить монастырям приобретать новые имения.

Официально такая просьба мотивировалась тем, что якобы, продав свои земли и оказавшись в зависимости от монастырей, посполитые свободных войсковых сел и местечек переставали выполнять повинности в пользу государства и старшинской администрации, а казаки отказывались служить в войске.

Т а б л и ц а 4. Численность монастырских имений и в них дворов в 1729—1730 гг.

Название полка	Количество имений	Количество дворов
Лубенский	12	1516
Черниговский	70	2025
Киевский	118	4364
Гадячский	5	215
Прилукский	12	618
Переяславский	30	1052
Нежинский	61	?
Полтавский	7	458
Миргородский	2	825
Всего	305	11073

Царское правительство, в свою очередь, проводя в общеимперских масштабах политику подчинения духовной власти светской, было также заинтересовано в сужении монастырских прав и привилегий, в частности ограничении земельной собственности монастырей. В связи с этим гетман получил указ: "В Малой России монастырям, обретающимся попам и всякаго духовного чина людям казачьих земель, грунтов и никаких угодий не покупать, и казакам и всякаго мирскаго чина людям им не продавать и не закладывать и в поминовение вкладом и никакими сделками не давать и не укреплять. А кто с сего указа у казаков и у иных, что из такого недвижимого имени в монастырь купит или безденежно получит: то от монастырей и от попов и от церковников отбирать безденежно и отдавать ... кому надлежит"⁷¹. Вместо земельных угодий частным лицам разрешалось завещать и давать монастырям деньги. Этот указ был разослан во все полки местной администрации с требованием неукоснительного его выполнения⁷².

Царский указ 1728 г. панес ощутимый удар по феодальной земельной собственности монастырей. На протяжении второй половины XVII — первой четверти XVIII в. монастыри захватывали и беспрепятственно скупали земли, а отдельные наследники (чаще всего вдовы), получив земельные угодия, "отдавались" вместе с ними под "протекцию" монастырей, казаки и посполитые нередко отказывали "грунты" монастырям и священникам для "вечного поминания души" своей или родственников. Иногда за один только "сорокоуст" (вид богослужения) монастыри получали в "вечность" целые села и хутора⁷³.

Пользуясь тем, что часть общественных угодий (леса, степи, левады и т.п.) не имела точных границ, духовные феодалы неред-

ко захватывали их, запрещали пользоваться ими другим лицам, что приводило к постоянным судебным разбирательствам.

Хотя царский указ 1728 г. официально запретил монастырям каким-либо способом приобретать земли, практически он нарушался повсеместно, вплоть до 1786 г., когда была проведена полная секуляризация монастырских имений⁷⁴. Примеров этому много. Так, игумен Суражского монастыря (Черниговщина) в 1748 г. при помощи слуг избил, ограбил, а затем отобрал земли у посполитых с.Суражичи⁷⁵. Даже сами гетманы, отобрав маетность у монастыря, нередко возвращали ее обратно⁷⁶.

Быстрое увеличение феодальной земельной собственности во многом определяли различного рода пожалования. Целые волости, города, местечка, села, хутора, отдельные угодия и "кгрунты" раздавались как в наследственную собственность, так и во временное (условное) держание. Особенно большое количество имений раздавали гетманы. Только одним И.Мазепой за время его гетманства выдано более 1000 земельных универсалов. В Черниговском полку за 1700—1730 гг. гетманы выдали, по нашим подсчетам, всего 119 универсалов (103 старшине, русским вельможам и другим лицам, а монастырям — 16) на земельные угодия, право "осаживать" людей на слободах, строить мельницы, "отбирать послушенство" у посполитых, наследование, установление границ угодий и т.п. Из этого общего числа универсалов гетманом И.Мазепой выдано частным лицам 20, монастырям 1; И.Скоропадским соответственно — 69 и 6, Д.Апостолом — 14 и 9. Причем 2/3 составили пожалования в "вечное", "спокойное" и 1/3 в "временное владение". Жалованных грамот за то же время дано 12 (частным лицам 11, монастырям 1)⁷⁷.

Князю и сенатору А.А.Боратынскому именованным царским указом от 14 января 1738 г. повелевалось прислать в Сенат ведомость о количестве сел, местечек и городов, пожалованных "великороссийским и малороссийским владельцам" по гетманским универсалам и полковничьим листам "до ласки войсковой". В ответ на именной указ были собраны и отсланы сведения, по которым из 155 сел с 4550 дворами, розданных "до ласки войсковой", на долю Скоропадского приходилось 93 маетности с 2528 дворами, а его полковников — 29 сел с 1175 дворами. Таким образом при Скоропадском как им самим, так и полковникам роздано 122 села с 3703 дворами. На долю других гетманов, начиная с Хмельницкого и кончая Апостолом, приходилось 33 сел с 847 дворами. Из этого числа лично Апостолом роздано 10 сел с 151 двором⁷⁸.

Причины таких раздач могли быть разными. Например, земли раздавались для укрепления власти и авторитета гетмана. Посл

возвращения из неудавшегося второго Крымского похода (1689) большинство казаков осталось недовольно неумелой военной тактикой гетмана. Последний был вынужден "приласкать" старшину. Щедрее других гетман наделил полковника Е.Я.Лизогуба, пожаловав ему два больших села и шесть "приселков" (хуторов). Нередко за войсковую службу отцов гетманы жаловали маетностями их сыновей, несмотря на то, что те даже не находились на военной службе⁷⁹.

Многочисленные раздачи привели к тому, что уже в период гетманства Д.Апостола основной земельный фонд практически полностью был распределен между отдельными феодалами и все чаще одну маетность приходилось жаловать на двух или больше державцев. При гетмане К.Разумовском свободный земельный фонд фактически иссяк. Поэтому он часто передавал в собственность отдельные дворы госполитых в городах.

Раздавали маетности не только гетманы, но и генеральная старшина, полковники и некоторые другие представители полковой и сотенной администрации. В свое время А.М.Лазаревский высказал мысль, что только гетманы и некоторые полковники имели прерогативу таких пожалований⁸⁰. Однако это утверждение не соответствовало действительности, на что указал еще В.А.Барвинский. Право на пожалование именьями принадлежало всем без исключения "малороссийским" полковникам, хотя это и происходило чаще всего с ведома гетмана, или тогда, когда полковник чувствовал за собой непосредственную поддержку царя. Такое право им было представлено не в силу особой "милости" гетмана, а вследствие существовавшего государственного строя, позволявшего полковнику сосредоточить в своих руках всю полноту гражданской и военной власти в полку.

Полковники могли также жаловать маетностями как во временную, так и наследственную собственность⁸¹. Иногда это вызвало резкое недовольство гетманов. Например, К.Разумовский, отстаивая полноту своей гетманской власти, утверждал, что полковники без его разрешения не имеют права раздавать именья⁸². Однако на практике полковники не выполняли подобные требования. Только по документальным материалам, помещенным в "Генеральне слідство про маетності Стародубьського полку" полковники этого полка выдали 23 листа на маетности, а также мельницы и на право "осаживать" (основывать) слободы. Полковниками Черниговского полка таких листов было выдано 25⁸³. В 1714 г. полковник И.Черняк своим "универсалом" пожаловал кобеляцкому сотнику С.Михайловичу (Полтавский полк) "грунты" и предоставил право "отбирать послушенство" у госполитых "на вспартя дому его ... до ласки неневелможного его милости

пана гетмана и напой полковничой”⁸⁴. Подобный ”универсал на село выдал и генеральный хорунжий И.Сулима баришевском соннику (Переяславский полк)”⁸⁵.

Подобно гетманам и старшине раздавали сотни дворов и десятки маенностей русские вельможи, которые назначались царским правительством для управления краем — князья Боратынский, Шаховский, Леонтьев и др.⁸⁶

Следует отметить, что к концу XVII — началу XVIII в. постепенно исчезает резкое отличие между формами пожалований земли и наследственную или временную собственность. Согласно документам, относящимся к этому времени, отдельные имения угодия одновременно даются как в ”зуполное владение”, так ”до ласки войсковой”. При этом характерно увеличение имени на началах ”зуполного владения”⁸⁷.

По материалам ревизии, предоставленным с Левобережно Украины в Сенат в 1741 г., только за период с 1728 по 1741 г. тут оказалось роздано царем, Сенатом, Малороссийской коллегией, гетманами и другими лицами 13 544 двора посполитых ”вечное” и ”потомственное владение”⁸⁸.

Основным фондом раздач на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. являлись свободные войсковые села и местечка, количество которых быстро сокращалось. В 1729-1730 гг. в них в 9 полках (в Гадячском полку свободных войсковых маенностей не существовало) насчитывалось 27 969 дворов, в 1743 г. — 19 684 двора, в 1751 — 6952 двора и 5469 бездворных хат, а в 1752 г. осталось только 2859 дворов и 2682 бездворных хаты⁸⁹. По другим данным в начале 50-х годов в свободных войсковых маенностях осталось лишь 1723 двора и 1852 бездворных хаты⁹⁰. Такое несоответствие цифрового материала объясняется неточностью подсчета при сопоставлении ревизий чиновников.

Определенную часть феодальной собственности могли составлять земли, которые долго оставались неосвоенными либо запустевшими. Для законного владения или пользования ими на первом этапе достаточно было вложить в них работу и средства. Поэтому поводу в феодальном кодексе ”Права, по которым судили малороссийский народ”, отмечалось: ”Кто би себе какие грунты и угодия нажил, а оные прежде никакова владельца не имели или би кто на пустую землю пришел и тую землю распахивал, либо лес расчищал или занял, таковому кому би таковая земля чрез договор и уступку либо по жребию или другим каким-нибудь правым образом во владение досталася, и оною землею либо лесом владел би и владеет безспорно, таковому недвижимыя имения не могут быть того, кто владеет, собственности, как би купления”⁹¹.

Например, Я.Лизого и А.Кандыба, ставшие могущественными

ми феодалами на Левобережье (в частности Я.Лизогуб — генеральный бунчужный в 1713—1728 гг. и генеральный обозный в 1728—1749 гг. принимал участие в составлении свода законов "Права, по которым судится малороссийский народ..."), в конце XVII в. оставили место проживания на правом берегу Днепра и перешли "со всеми своими пожитками и стадами" на левый берег, где на "вольных" и "пустовских" землях основали свое хозяйство. Один из старожилов с.Поповка рассказывал в 1730 г., что лет за пятьдесят перед тем, пахал он как-то ниву свою за с.Сосновка (Нежинский полк) и подъехал к нему верхом Яков Лизогуб, требуя показать "вольный где пляц незайманный, для займы себе сенажати". И первый указал ему на "вольные" земли в урочище Перелазка. Лизогуб перегнал туда свои стада и занял значительную площадь земли, причем сам ее оборал. Затем на занятой территории Лизогуб начал "осаживать" людей, от которых позже стал "отбирать" послушенство⁹². Такое "осаживание" было типичным явлением в то время. Об этом убедительно свидетельствуют и материалы "Генерального следствия о маетностях 1729—1730 гг."⁹³ В "Правах, по которым судится малороссийский народ ..." читаем: "Всем, духовного, шляхетского и воинского чина и звания людем, в Малой России на землях жалованных, выслуженных, купленных, дарованных, уступных, наследственных и другим правильным образом приобретенных, издревле владенных и ныне владеемых, людем осаживать ... иметь свободно"⁹⁴.

Особенно широко распространенным способом приобретения земли являлась скупка. Только по "ведомости" Генеральной войсковой канцелярии 1740 г., присланной в Сенат, из числа свободных войсковых сел оказались скупленными в полках "тамашинскими владельцами": Миргородском — 253 двора, Полтавском — 107 дворов, Черниговском — 304, Переяславском — 215, Нежинском — 77. "Да особливо, — указывается дальше в документе, — владельцами ж скуплено посполитых дворов, а в которых полках не показано 1812". Итого 2768 дворов⁹⁵.

Чтобы удовлетворить потребность в деньгах, гетманско-старшинская администрация уже во второй половине XVII в. продавала отдельным старшинам часть земель, являющихся собственностью Малороссийского скарба.⁹⁶ В первой половине XVIII в. при скупке земли старшинами основную часть составляли отобранные за бесценку у обедневшего крестьянства, рядового казачества и городской бедноты участки. В семейных архивах старшинских фамилий (Апостолы, Галаганы, Горленки, Полуботки, Скоропадские) автор насчитал целые сотни купчих от крестьян, мещан, казаков и других лиц⁹⁷. Феодалы покупали земли в разных сотнях, полках, независимо от их постоянного места жительства. Таковую

куплю они могли совершать как собственноручно, так и поручать произвести ее доверенным лицам (например, старостам в селах).

Говоря о продаже посполитыми и казаками своих земельных участков, следует подчеркнуть, что скупка часто носила принудительный характер. Например, полковник Д.Л.Горленко, пользуясь благорасположением гетмана, очень скоро стал одним из богатейших феодалов на Левобережной Украине. Его преемник И.Я.Пос в письме к И.Скоропадскому писал, что Д.Л.Горленко "добычи свои дома и распространяючися оными, где было какое годное к пользе людской в нашем полку место, все он своими хуторами позанимал; а делал это таким способом, что одному заплатит, а сотни людей неволею должны свое имущество оставлять; на свободных степях; которыя принадлежали прежде на уряд полковников прилуцких, Горленко настроил хуторов. И такое сселение сделал он в полку, что куда не глянешь — все его хутора! И все — будто бы купленные, а купчия берет хоть и не рады продавать. Будучи многомогущим властелином, Горленко что хотел, то и забирал"⁹⁸.

Если крестьянин или мещанин продавал землю, то при этом он чаще всего письменно подтверждал свой полный отказ от притязаний на нее в дальнейшем. Так, черниговский мещанин Ф.Артешевский, продавая свой огород "на вечность уроженному егс мщности пану" П.Л.Полуботку, указывал, что "даючи моц и владзу" П.Л.Полуботку и его потомкам "тим городом владети, пожитки з оного мети, кому хотети дати, продати, даровати, записати"⁹⁹. Такой письменный отказ от права владеть землей являлся типичной формой в подобных случаях продажи-купли¹⁰⁰.

Попадая в тяжелое экономическое положение, крестьяне, казаки, мещане вынуждены были продавать свое имущество, скот а также землю, которую они обрабатывали. Стародубский полковник Л.И.Журавко (Жоравко), как сообщали жители этого полка в Сенат, многих из "старинных козаков и протчих обывателей разорил огнятием грунтов и домов"¹⁰¹. При этом часто применялось физическое насилие, принуждение и обман. Миргородский полковник В.И.Каннист докладывал в Сенат (1741), что бунчукский товарищ И.Остроградский со своими братьями — полковником Ф.Остроградским и сотником Г.Остроградским вместе "грунтами" скупили 144 двора посполитых в свободном войсковом местечке Голтве, селе Хорошки и деревне Ломаной и создал из них собственное имение. А скуплю И.Остроградский "учини необыкновенную, но ухищрением и неправильным способом, иб купя у обывателей одни хаты без грунтов по малой весьма цене а именно по рублю, по пятидесяти и по сороку копеек, а владеи грунтами... Обыватели объявляют, что продажу чинили не до

ровольную и от страха, ибо де когда оной Остроградский ... строцал их отдачею грузинцом"¹⁰². Далее высказывалось опасение, что если и другие будут так поступать (т.е. скупать таким образом земли), то свободных войсковых маетностей вообще не останется на Левобережье¹⁰³.

Наряду со скупкой "грунтов" у населения нередко встречались случаи захвата земель феодалами. Уже с конца XVII и особенно часто в первой половине XVIII в., земли отбирались за неуплату долгов, захватывались в отсутствие хозяина (например, когда казак находился в военном походе), за какой-нибудь проступок или просто по собственному желанию феодала¹⁰⁴. Так, у старшинского рода Галаганов по материалам ревизии 1764 г. значилось: 1 город, 3 местечка, 13 сел и несколько хуторов с общим количеством 4014 душ мужского пола. Причем, только 1 местечко и 2 села оказались купленными, а все остальные приобретены "рукою властною"¹⁰⁵.

Феодалы с целью "узаконить" свое право на отобранную у казака или посполитого землю при помощи обмана или насильственно записывали их при составлении ревизии как собственных или ранговых подданных. При этом почти всегда находились лжесвидетели из представителей господствующего класса, которые своими подписями скрепляли документы подобного рода¹⁰⁶.

Для того, чтобы захватить землю посполитых, феодалы иногда так резко увеличивали повинности, что посполитые вынуждены были оставлять освоенные ими земли и искать новые места жительства.

Приобретая каким-нибудь способом маетности, старшина и шляхта стремились сразу получить на них у гетмана универсал или у царя жалованную грамоту, которые бы могли упрочить за ними право наследования феодальной собственности. При этом преимущество отдавалось жалованным грамотам царя как верховного сюзерена. Царские жалованные грамоты являлись большей гарантией чем гетманские универсалы, полковничьи "листы", "дарственные" русских вельмож. В "Правах, по которым судится малороссийский народ..." о силе жалованных грамот говорится: "Грамоти, кому духовнаго и мирскаго чина и звания людем малороссийским на достоинства, на чини, на имения недвижимые и на что-нибудь жалованние и которые впредь давани будут, имеют быть сохраняеми свято и ненарушимо на вечние времена во своей силе"¹⁰⁷.

Понимая всю важность и ценность земельных актов, выданных царем или гетманом, старшина и шляхта, подобно монастырям, нередко прибегали к их подделке. Случалось, например, что

при разбирательстве споров о праве на маенность феодалы ссылались на жалованные грамоты или универсалы, которые никогда в действительности не существовали¹⁰⁸.

Если имение определялось кому-либо в наследственную феодальную собственность царской жалованной грамотой, то даже гетман не имел юридического права распоряжаться им и отбирать его. Если же гетман отнимал такую маенность и передавал другому частному лицу, то потерпевший мог обращаться с жалобой непосредственно на имя царя. В таких случаях, как правило отобранное имение возвращалось прежнему собственнику или заменялось равноценным. Однако, имея царскую жалованную грамоту, феодалы обращались и к гетману, чтобы тот выдал им подтверждающий универсал на имение, и наоборот, имея гетманский универсал, они всеми правдами и неправдами добивались получения жалованной грамоты¹⁰⁹.

Все поземельные законодательные акты, выданные царским правительством или гетманским правлением, носили ярко выраженный классовый характер. Они были направлены прежде всего на удовлетворение потребностей верхушки господствующего класса — старшины.

Итак, к середине XVIII в. крупные феодальные собственники земли на Левобережной Украине значительно укрепили свое политическое и экономическое положение. В большой степени этому способствовала внутренняя политика царского правительства и гетманов. Многочисленные архивные и опубликованные документальные материалы убедительно показывают, что в основе всего процесса роста крупной феодальной земельной собственности лежали прежде всего захват и скупка земли у крестьян, мещан и рядовых казаков. Параллельно происходило и перераспределение земельных богатств среди самих феодалов. Наибольшая концентрация земли и на ней зависимых посполитых наблюдалась у гетманов и наивысших должностных лиц старшинской администрации. У старшины к 50-м годам XVIII в. наследственная форма феодальной собственности на землю постепенно вытеснила временную форму и стала господствующей. Несмотря на то что в конце 20-х годов XVIII в. царское правительство и гетманское правление предприняли некоторые меры по ограничению возрастания феодальной земельной собственности монастырей, она продолжала расти.

2. Землевладение и землепользование крестьян мещан, рядовых казаков

Характер землевладения крестьян, мещан и рядовых казаков в многом определяла записка земли ("заиманщина"), которая особенно широко применялась во второй половине XVII в., но также

имела место и в первой половине XVIII в. Некоторые отечественные ученые, изучавшие историю Украины, рассматривали займанщину как одну из форм собственности или владения. На самом деле она являлась обычаявым правом, позволявшим на основании первого "займа" владение или пользование землей. Займка земли главным образом применялась в тех районах, где существовала относительная малонаселенность и значительное количество земли находилось "впусте", т.е. пустовало (больше всего таких земель было на юге Левобережья — Полтавщине).

Крестьяне, казаки, а также мещане явочным порядком занимали землю под посевы, огороды, пасеки, устройство мельниц и т.д. Впоследствии, если они переходили по наследству от деда, отца, матери к детям, то в документах различного рода обозначались "отческими млиновими займищами", "пчоляними отчинами", "пасеками прадеда", "дедизными и отчизными полями" и т.п. Освоение земли и дальнейшее владение ею на основании займанщины допускалось лишь в том случае, когда она являлась "свободной", т.е. никому не принадлежала¹¹⁰. Чаще всего таковыми оказывались целинные или запустелые земли, а также оставшиеся после смерти собственника или владельца, не имевшего наследников. Выбор места и определение качества земли под займку в период освободительной войны и несколько десятилетий после ее завершения практически не ограничивались и каждый мог ее приобретать по словам местных жителей "где похочет", сколько "надобность укажет", "ибо в то время пустовския поля помежным жильцам занимать было кому хогя, невозбранно"¹¹¹. Некоторое время после освободительной войны 1648—1654 гг. посполитые, владея землей по праву первой займки, не только могли ею пользоваться, но и обменивать, и даже продавать¹¹².

Посполитые и рядовые казаки, отстаивая законность своих прав на владение землей, неоднократно ссылались на право займанщины и местный суд нередко вынужден был признать их права действительными. Так, Стародубская полковая канцелярия в 1744 г. докладывала в Комиссию экономии, ведавшей отписными на царский двор именьями, что в Шептаковской волости "по селам ... рядовие козаки с посполитими, от начала своего жития и по сей день заобщо имеют леси, дуброви и в оних лесах козачого звания с посполитими один подля другаго имеют займища в лесу..., а в дубравах загонами на разробление нив и сеножателей где хто усмотрел себе место до того угодное, а инние и хутор себе поустраивали и оной лес на устроение домов и на всякие потребности свои всяк з козачого звания и посполитих живучие у оной волости, яко хотя без всякого воспрепечения от-

давна и до днесь употребляют... Козачого знания посполитим, посполити же им даровали, продавали, отменного уступали и понине владеют спокойно"¹¹³. При этом посполитые и казаки, отстаивая право на владение землей, прямо указывали, что это совершается якобы "по правам малороссийским", данным от Б.Хмельницкого¹¹⁴.

Однако феодалы, пользуясь тем, что крестьяне и рядовые казаки очень редко получали письменные свидетельства ("крепости") на свои участки от гетманско-старшинской администрации (чаще всего такая необходимость возникала только в случае отчуждений или споров за землю), и тем, что займанщина подтверждалась в силу данного под присягой показания свидетелей, часто подкупали последних и насильственно отбирали земли. Судебные власти при этом нередко оказывались на стороне феодалов. В этом отношении очень интересно и важно высказывание генерал-фельдмаршала Х.А.Миниха (командующего войсками на Украине во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг.) о характере законодательства и существующих порядках в судах: "Шельма писал, а каналья судил"¹¹⁵. Эта оценка тем более убедительна, что исходит от крупного феодала, которого вряд ли можно заподозрить в сочувствии и доброжелательном отношении к народным массам.

Правом займанщины пользовались не только жители Левобережья, но и переселенцы с других районов, в частности, Правобережной Украины, которые спасаясь от гнета польских феодалов перешли на левый берег Днепра. Каждый из таких переселенцев "где улюбя, по разних сегобочних (левобережных. — Авт.) полках украино-малороссийских для жития своего избирал и заседал местца"¹¹⁶. Иногда место жительства переселившихся казаков и крестьян обуславливалось заранее правительством или местной администрацией. В этом случае им отводились незанятые пригодные к пахоте и кошению сена земли, а их самих временно освобождали от выполнения государственных повинностей (чаще всего на 3—5 лет)¹¹⁷.

Интересно в этом отношении суждение о займанщине крестьян и казаков. Так, казаки с.Покошиц, отстаивая свое право на владение землями (1773), приобретенными на основании первой заимки, показывали: "Когда ... малороссияне з гетманом Богданом Зеновием Хмельницким кровию своею освободили Малую Россию от ярма лядскаго и от держави польских королей, а пришли в подданство всероссийскаго монарха... Алексея Михайловича, в ту пору на обоих сторонах Днепра вся земля была малороссиян сполная и общая, потамисть, покамисть они первее — под полки, а в полках под сотне, а в сотнях под местечка, села и де

ревне и в оных под свои жилища, двори, доми и футори осягли и позаймали; и потому сталися все добра (имения) малороссиянам быть властными чрез займы. Оние ж займы свои малороссияне разными означали способами: одни оборували, другие — копами обносили и рвом окопували, кляками¹¹⁸ ограничили и что хотели в тех займах строили, гаи возвращали и сади заводили, футори, слободы, деревне, села на свое имя селили, к себе в користь приводили, на болотах, где видели к устройению мельниц места, так оние строили”¹¹⁹.

В этом рассказе, по мнению А.М.Лазаревского, отразилась “полная история поземельной собственности” на Левобережной Украине, а займанщину он рассматривал как первоначальную форму владения¹²⁰. Такая точка зрения оставалась господствующей в работах большинства буржуазных историков, в той или иной степени касавшихся вопроса о земельной собственности, землевладении и землепользовании на Левобережье. В частности, А.Я.Ефименко, Д.И.Багалея, И.В.Лучицкий и В.А.Барвинский пришли к выводу, что сразу после завершения освободительной войны вся земля стала “сполная и общая” народных масс, а затем путем “индивидуальных займок” перешла в частное владение.

С такими взглядами буржуазных историков на эволюцию феодальной собственности на землю и землевладения посполитых нельзя согласиться. Во-первых, как уже указывалось выше, значительное количество имений на правах феодальной собственности осталось у старшины, средней и мелкой шляхты, православных монастырей. Во-вторых, многие крестьяне, рядовые казаки, городские низы сохранили в своем владении те земельные участки, которыми они пользовались до и в период освободительной войны 1648—1654 гг. В-третьих, частное владение возникло не в результате внутреннего разграничения общественных земель, а затем последовавших индивидуальных займов, напротив, эти две формы владения — т.е. личная и общественная, а также и третья форма — сябринство на территории Левобережной Украины существовали как до освободительной войны, так и после нее. В рассказе же покошицких казаков отразилось народное, основанное на старых традициях, представление о займанщине. Сам же процесс развития поземельных отношений происходил гораздо сложнее, чем отражен в приведенном рассказе.

Определенное место в истории аграрных отношений занимала личная форма владения. И.В.Лучицкий в одной из своих работ, говоря о формах землевладения, личную форму называл подворной¹²¹. В другой работе он отождествил эти два понятия¹²². Подобное имеет место и в ряде иных работ буржуазных историков. Следует сказать, что термин “подворная” форма не всегда дает чет-

кое представление о характере владения и термин "личная" форма, по нашему мнению, наиболее точен. Во-первых, в одном дворе нередко проживало несколько семей. К тому же с ними могли также жить 1-2 подсоседка, которые не имели собственного двора, или наемный работник. Естественно, что это не обязывало их владеть каким-либо участком земли совместно. Порой даже родственники (муж, жена, их братья, сестры и т.д.), проживавшие в одном дворе, как это видно, например, из материалов Генеральной описи Левобережной Украины 1765—1769 гг., при наличии общей пахотной земли, ее коллективной обработке, имели и свои личные угодия. Так, при одном дворе нередко насчитывалось 1 — 5 и даже больше огородов. Во-вторых, случалось, что пахотные земли, огороды и другие угодия, при составлении ревизий приписывались и к бездворным хатам¹²³. В-третьих, при купле-продаже, обмене и т.п. и оформлении соответствующих документов ("крепостей") на право дальнейшего владения землей новому лицу никогда не выступает двор, а либо определенное лицо (казак, мещанин, державец), либо сябринный союз или община.

Личная форма владения была распространена на всей территории Левобережной Украины. Но наиболее широкое распространение она получила в северных районах.

С освобождением от господства польских феодалов посполитые и рядовые казаки считали себя вправе свободно распоряжаться той землей, которую они возделывали. Пахотные земли, сады, огороды, "левады" в купчих, закладных, материалах ревизий они обычно обозначали терминами: "свой", "мой власний", "цененний и некому не в чем не заведений". Так, в Нежинском полку конотопскому мещанину Юрию Харевичу за "готовую сумму доброй монеты коп сем" продал "свою власную сеножать, некому не в чем неценную и в жадних долгах не заведенную" корибутовский посполитый Юхно (1708)¹²⁴. В м.Конотоп казак Левко Тетера продал часть "своего гая" казаку Петру Бондаренко за 40 талеров (1725)¹²⁵. Подобных примеров о продаже земли посполитыми и рядовыми казаками в первой половине XVIII в. можно привести очень много — практически по всем полкам. Они свидетельствуют о том, что в исследуемый период все еще существовало относительно свободное распоряжение землей, которое у крестьян, мещан и рядовых казаков приобрело наивысшие формы проявления в период освободительной войны 1648—1654 гг. и последующие 2-3 десятилетия. Наименее ограниченным распоряжение землей оставалось в свободных войсковых селах и местечках, где посполитые и рядовые казаки пользовались большей независимостью от феодалов, чем в частных, мо-

настырских или ранговых имениях. При этом необходимо подчеркнуть, что переход земли посполитого к новому владельцу обязывал последнего (если земля не оказалась в руках самого державца) выполнять прежние феодальные повинности¹²⁶. Следовательно, при купле-продаже посполитыми передавалась не земля, а лишь право на ее владение. Именно в этом заключается одно из коренных отличий характера феодальной собственности на землю и землевладения крестьян и мещан.

После завершения освободительной войны 1648--1654 гг. старшина как господствующая верхушка класса феодалов на всех этапах укрепления своей политической власти прежде всего стремилась всячески ограничить право посполитых и рядовых казаков на владение землей, запретить ее свободный переход в "чужие" руки. Так, в обращении гетмана И.Мазепы на имя царя (1692) указывалось: "Гетман, с старшиною и с полковниками разсудили: которые особы еще в войску и в народе мнятца (казаками. — Авт.) быти к службе негодны, а за нашими универсалами к маетностям приобщилися, тех угодно бы от того владения отставити". При этом старшины гетману "словесно наказывали, чтоб те маетности были от менших особ отобраны"¹²⁷. Старшине же ставилось в обязанность не допускать переходов "кгрунту козачого в мужичество"¹²⁸. Вместе с тем землевладение посполитых и казаков четко разграничивалось. Но уже в XVIII в. державцы все чаще отказывались признавать право рядовых казаков, как и посполитых, свободно распорядиться землей. Так, А.Лизогуб, захватив в 1705 г. с. Погребки (Нежинский полк), уже в 1707 г. выхлопотал у генерального судьи В.Кочубея распоряжение, согласно с которым тот запретил погребковским жителям продавать свои земли крестьянам или казакам соседнего с.Ярославец¹²⁹. Затем полковник П.Полуботок выдал А.Лизогубу "открытый лист", где приказывалось жителям с.Погребки, особенно тем, что "из мужиков в козаки теснятся и на время указом коллегии в козаки вписаны", не сметь до дальнейшего распоряжения продавать грунтов своих в "чужие" руки без разрешения их собственника¹³⁰. Эти документы являются одними из первых официальных свидетельств о запрещении старшинской администрацией рядовым казакам, а вместе с ними и посполитым покупать и продавать земли, которыми те владели. Если казак проживал в маетности феодала и имел намерение продать собственные "грунты" какому-нибудь другому лицу, то он часто вынужден был прежде предупредить своего "дидича" о такой продаже. Державец при этом обладал преимущественным правом совершать покупку первым. В противном случае последний мог силой отобрать проданное, вернув покупателю затраченную сумму денег.

Способы перехода земли от рядовых казаков к феодалам были очень разнообразны. Нередко феодалы отнимали землю у казаков, а их самих "верстали" в своих подданных. Например, А. Лизогуб давал казакам в долг деньги на какую-нибудь крайнюю нужду или поил вином в долг в шинке. Для обеспечения выплаты долга казак вынужден был оформить закладную, по которой ставил под залог свою землю. Если в срок долг не выплачивался, то он волей-неволей затем выдавал Лизогубу на заложенную землю "купчую". Часто Лизогуб, не дожидаясь выплаты долга, отбирал землю у казака насильственно или с помощью подкупленных судей. Причем цену на землю в этом случае назначал самолично, не считаясь с мнением и желанием своего должника¹³¹.

Интересную расписку дали в 1723 г. казаки с. Дегтяри прилукскому полковнику Г. Галагану: "Покойные отци наши, а по них мы, козачко, а не посполито служащи, воинскую повинность до сих времен отбували; однак теперь, до крайняго убожества и скудости пришедши и не могучи впредь службы козацкой отбувати, продалисмо ... месце земле дворовое, на котором хати пани построены, где мы жиючи, меем ... посполито, а не козачко служащи, всякия повинности отбувати и в предние часы неповинны уже будем до козацкого чину отзыватися"¹³². Содержание расписки дает ясное представление о том, как именно казаки, продав свои земли, на которых находились их дворы и хаты, попадали в зависимость к феодалам. Такое положение дел вскоре нашло свое отражение и в законодательстве. Согласно царскому указу от 8 августа 1734 г., казак, продавший свою землю, но остававшийся на ней жить обязывался отбывать повинности наравне с феодально зависимыми крестьянами и мещанами. "В войсковых свободных селах и во владельческих маетностях, — декларируется в указе, — ежели козак грунт свой кому продает и сам... на нем будет жить, тот всякия по пропорции имений своих посполитыя повинности отдавать и чинить должен"¹³³.

Присвоив каким-либо способом землю казака, феодал переводил его на положение своего подданного. Первое время казак мог находиться в том же дворе, который перед тем у него отняли, в качестве подсоседка, а вскоре он принуждался и к отбыванию повинностей наравне с феодально зависимыми посполитыми. В противном случае державец грозил ему сгоном со двора. Казак же, особенно тогда, когда у него была семья, не так просто оказывалось найти новое место жительства. Поэтому он как правило оставался, но уже с обязательным условием — отбывать "панщину".

Если же гетман в подобных случаях давал распоряжение не

притеснять казаков, то оно защищало недолго: до тех пор, пока возвращенные из категории посполитых казаки снова не оказывались в прямой феодальной зависимости и их опять можно было обратить сначала в подсоседков, а затем заставить отбывать "послушенство".

Все это вело к частичному или полному обезземеливанию рядовых казаков. Только на территории Переяславского, Гадячского, Прилукского, Полтавского, Черниговского полков и Шептаковской сотни Стародубского полка уже в 30—50 годах XVIII в. обезземеленные казачьи дворы в среднем превышали 30 % общего количества казацких дворов¹³⁴.

На такое положение дел вынуждены были периодически обращать внимание царское правительство и гетманы. Так как казаки являлись военной силой Украины, то они часто использовались в походах против внешнего врага, на строительстве оборонительных сооружений, рытье каналов и пр. Их обнищание и обезземеливание вело к быстрому сокращению численности казачества, его переходу в различные группы зависимого населения. Поэтому уже при гетманах И.Мазепе, И.Скоропадском и Д.Апостоле предпринимались некоторые попытки ограничить скупку феодалами земельных участков у казаков.

В 1739 г. царское правительство издало специальный указ, в котором, в частности, говорилось: "Предостерегая ущерб могущий последовать в государевой службе, которая тогда как паче по обстоятельствам войны с турками нужна была (русско-турецкая война 1735—1739 гг. — Авт.), ... всем козакам до окончания той войны и до будущего ... соизволения грунты продавать и под другими видами укреплять запретить. А из проданных должны службу служить те, кто на их живет, ними пользуется"¹³⁵. Этот указ был подтвержден и в 1741 г., когда от нежинского полковника Хрущова и некоторых других лиц гетманско-старшинской администрации были безвозмездно отобраны некоторые казацкие земли. Как отмечалось в решении генерального войскового суда о порядке владения и продаже земли казаками, это предпринималось потому, что "живучи в одних селениях и смешано с козаками опасно било вступать с ними (феодалами. — Авт.) в каковы либо договори и промисли, а паче помагать им (казакам. — Авт.) ссудою взаими денег; ... многие из владельцев почитая оное запрещение временним для обстоятельств войны учиненним ... покупали и приобретаали недвижимие козачьи имения, не меньше и по судам за долги увязывали, а по векселям и с публичного торгу продавали"¹³⁶. Что же до "живущих за владельцами в подданстве козаков принадлежит то неоспоримо, что с одной стороны между мужиками множество козакое находится из которых большая

часть переменили свое состояние приобретением мужичьего грунту или продав свои владелцу, но в том оставаясь жигь, на оном укрываясь же от должной служби приходили в виде посполитих и о козачестве своем чрез долгое время, а особливо в военное неотзивались”¹³⁷.

Однако, несмотря на все указы о ”непокуплении козачьих грунтов”, гетман К.Разумовский констатировал в 1752 г., что ”продажа между козаками рядовими происходила”¹³⁸. Следовательно, царские указы о запрещении покупать земли у рядовых казаков на практике ничего не меняли, а попытки ограничить их быстрое обезземеливание ни к чему не приводили.

Еще более ограниченным право на владение землей было у посполитых, и прежде всего у феодально зависимых крестьян. Фактически феодал считал себя вправе распоряжаться всеми их землями, находившимися в пределах его маенности. Крестьяне же отстаивали свое право на владение землей, приобретенное якобы в период освободительной войны 1648—1654 гг., опираясь на факт своего ”беспорного” владения — переход земли по наследству из поколения в поколение. Действительно, первое время после освободительной войны суд, разрешая подобного рода спорные дела, принимал решения, ссылаясь на установленный на местах обычай (обычаевое право). Но затем, когда обстоятельства потребовали от судебной власти бóльшей точности и обоснованности при рассмотрении поземельных споров феодалов с посполитыми, администрация все чаще стала прибегать к писанному закону — Литовскому статуту, полностью защищавшему права державцев. По Литовскому статуту отрицалось право посполитых свободно распоряжаться не только их ”подданскими”, но и новокупленными ”грунтами”. Лишь в виде милости феодала им позволялось увезти или унести кое-что из движимого имущества. В ”Правах, по которым судится малороссийский народ...” земля посполитых считалась принадлежностью державца, в маенности которого они находились. Ее продажа или передача другому лицу без ведома и разрешения феодала запрещалась¹³⁹. Это право земельные собственники очень широко использовали в своих имениях. Так, генеральный подскарбий Я.Маркович в начале 30-х годов своему старосте давал письменные приказы, чтобы поля ”мужицкие”, перешедшие в посторонние руки, отбирать и ”впредь не допускать того никому из подданных чинити”. В другом приказе старосте он говорит о ”недопускании грунтов мужичих” казакам. При этом Маркович требовал все проданные и ”заставные” земли отыскивать и возвращать назад¹⁴⁰.

Таким образом, право на владение землей и распоряжение ею у посполитых было еще более ограниченным, чем у рядового ка-

зачества. Этим объясняется и тот факт, что процент обезземеленных крестьянских дворов значительно превышал обезземеленные казацкие дворы. В 30-40 годах XVIII в. в среднем они превысили 40 % их общего числа¹⁴¹.

В некоторых районах Левобережья — Киевском, Стародубском, частично Нежинском, но особенно часто в Черниговском, полках существовала форма землевладения, получившая название "сябринной" (или "сябринство", "сяберство", "сабровая"). Слово "сябр" мы встречаем уже в Первом Литовском статуте (1529). Оно имело такие основные значения: пайщик в общем владении, соучастник, реже: сосед, семья, двор, "сябринство" — "сполство" (т.е. совместное владение). Эта форма владения возникла в процессе разложения дворищного хозяйства и являлась пережитком общинно-родового строя. "Союз" (ассоциация, коллектив) сябров как правило составляли различных степеней родственники: муж и жена, их дети, невестки, девери и т.п. В этом заключалась одна из отличительных черт сябринного владения от частного и общинного. При составлении ревизий XVIII в. таких родственников, живущих на "нерозделних грунтах и на едином хлебе и в одном дворе", требовалось "писать за один двор", но хаты указывать каждого отдельно¹⁴². Владение сябров состояло из паев (долей, частей). Их земля, переходившая в наследство от деда или отца, называлась "дедизной" или "отчизной", матери — "материзной", дяди — "дядковщиной", тестя — "тестивщиной"¹⁴³. Однако сябров соединяли не одни только кровные узы, но и общие экономические интересы, во многом обусловленные договорными обязательствами между всеми членами ассоциации.

Сябринство как форма землевладения существовало на Украине, в России и Белоруссии с древних времен. Одним из первых историков, исследовавших сябринное землевладение на Левобережной Украине стал И.В.Луцицкий. Он связывал возникновение и особенности сябринного хозяйства с историей и характером заселения региона, показал, что значительная часть земель путем заимки оказывалась не в личном владении, а во владении всей общины или родственного союза¹⁴⁴. Однако, исходя из "трудовой" теории, Луцицкий неверно утверждал о якобы самопроизвольном, захватническом характере их владения, обусловленном большим количеством "волных", незанятых земель. В этом проявилась идеализация Луцицким сябринной и общинной форм землевладения. Их последующий упадок он связывал лишь с непосредственным вмешательством державцев во владения сябринных союзов и общин, не понимая объективных социально-экономических причин, которые привели к их разложению.

О значительном распространении сябринства на Левобережье

могут свидетельствовать патронимические названия большого количества сел, деревень, хуторов. Среди населенных пунктов встречается целый ряд поселений, жители которых все или почти все в прошлом состояли в родстве между собой и носили общую фамилию, по которой стали называть местечка, села, хутора и т.д. Так, в Черниговском полку в д.Семендеи проживали родственники под фамилией Семендеи, с.Семаки основали казаки Семаки, в д.Велички — жили казаки Велички, в с.Вертеевка — казаки Вертейки. В Стародубском полку д.Колюды была заселена Колюдами, д.Кузнецы — Кузнецами. В Киевском полку хут. Бабарики основали родственники, носившие фамилию Бабарик, с.Сараи — заселены казаками по фамилии Сараи, с.Манки — основали казаки Манки, с.Шуманы — казаки Шуманы, д.Пузики — казаки Пузики. На Полтавщине с.Черкащаны основали братья Черкащенко¹⁴⁵.

Первоначально приобретенные сябрами путем заимки или покупки земли, угодия, мельницы находились в совместном владении всех членов союза. Нередко встречались дворы, в которых проживали от 2-х до 6-ти и более семей, не представлявших собой обособленных хозяйственных единиц. В большинстве случаев эти семьи нераздельно владели землей, сообща вели хозяйство, совместно пользовались скотом. Даже в 60-х годах XVIII в. в некоторых селах неразделенное владение и пользование все еще составляло около 40 % общего количества пахотной земли¹⁴⁶.

Некоторое представление о сябринном землевладении дают "Права, по которым судится малороссийский народ". В них указывается: "Если би кто имел с ким лес, или степ, совокупный неделений, а один би который сябр или участник похотел тот лес на засев хлебный или для сенокоса прочистить, а степ проорать, тогда ему свободно будет такой лес прочистить и разроблять, а степ прооривать, только ж так что б другого или других участников своих грунтов розробом тим своим неизобидил к своему больше не принимал, но столко сколко на его части того лесу или степу принадлежать будет, а другим би участникам своим так много и в толикой доброте лесу или степу оставил, как много на части их против его займи принадлежит"¹⁴⁷. При этом предписывалось, что если кто займет чужую землю, то по решению всех членов сябринной ассоциации или суда тот должен будет вернуть захваченную землю, либо ей равноценную. Предполагалась также денежная компенсация за нанесенный материальный ущерб¹⁴⁸.

Вступление в сябринный союз и выход из него, а также переход (продажа) земли в другие руки, производились почти всегда при одном обязательном условии: согласи на такой акт всех членов союза. Так, казачка с.Оленовка (Нежинский полк) Анна Богомолка вместе со своим сыном продали "грунт свой жиллий и

с хоромним строением, ни кому ни в чем непенний и не заведе-
ний" казаку Ивану Иллюше "з доброй своей воле, а не с како-
ва примусу и принуждения, за советом кривних, близких и да-
леких (подчеркнуто нами. — Авт.) ценою за двенадцать рублей,
во вечность" (1733)¹⁴⁹. Подобную продажу в том же полку
совершила и жительница с. Великая Загоровка Евдокия Аренда-
ренкова, когда "за порадую детей и свойственных моих (под-
черкнуто нами. — Авт.) для крайней моей нужды, не имея чим
пропитать себе и детей, продадем спадающую на оних моих детей,
третью часть ставка з гребелкою пустою и со всеми до того ставка
принадлежащими угодии" (1738)¹⁵⁰.

Продавалось право на владение не только участками земли,
угодиями, ставками, жилыми строениями, но и бортными де-
ревьями, частью мельниц. Причём продавалась нередко 2-6-я,
а порой и 20-я доля от общего сябринного участка земли или
угодия¹⁵¹.

Известны случаи, когда в сябринный союз принимались по-
сторонние люди, т.е. не родственники. Это происходило тогда,
когда сябр по каким-либо причинам желал выйти из союза, а
последний в свою очередь не возражал против передачи в "чу-
жие" руки отчуждаемой части. Такое сябринство называлось
"искусственным"¹⁵². В подобных ситуациях не последнее слово
оставалось за родственниками сябра, даже если они не входили в
данный союз. Они сами могли выкупить отчуждаемую часть
земли и стать членами сябринного союза. В случае отказа нового
владельца принять выкуп, родственники имели право при свиде-
телях положить перед ним деньги и пользоваться землей. И толь-
ко тогда, когда вся группа родичей и каждый в отдельности от-
казывался "положить за нее гроши" или был "неспроможен" сде-
лать это, земля продавалась. Однако и в этом случае часто огова-
ривалась возможность в будущем выкупить продаваемую землю
родственниками. Правда, выкупная цена оказывалась уже значи-
тельно выше, чем при продаже. Например, в "купчей записи"
1735 г. С.Калиненко жителя с.Семеновка (Нежинский полк) пи-
салось: "Продадем ... за цену рублей за два и продаю вечними
часи, а могл би кто интересоватися з близких кривних и далеких,
то на такового покладаю цену рублей чтири и волно ему, як
своим владети и як хотя на свой пожиток обернуть"¹⁵³.

Переход участка земли от сябров к сябрам, а также отчужде-
ние его в посторонние руки были довольно частым явлением. Со-
гласно материалам Генеральной описи Левобережной Украины
1765—1769 гг. по Стародубскому полку земельные участки сяб-
ров отчуждались за долги, при "полюбовной згоде" обменивались
между сябрами и посторонними лицами. За одного из членов

ассоциации, уличенного в воровстве или другом криминальном проступке, и не имевшего достаточно денег, чтобы откупиться, могли расплатиться родственники — отдав за это свою землю¹⁵⁴. Любой сябр или отдельная группа родственников могли передавать либо право на участие во владении всей землей, либо на ее какую-то часть. Тем самым сябр продавал или закладывал не ту или иную определенную часть земли, а лишь право на ее пользование.

Говоря о сябринстве как одной из форм землевладения на Левобережной Украине следует подчеркнуть, что оно существовало не только среди посполитых и рядового казачества, но и представителей господствующего класса феодалов: старшины, богатых казаков, шляхты и православного духовенства. Чаще всего они вступали в ассоциацию сябров путем приобретения части земли — пайки одного из ее членов.

Но случалось и так, что сябринство возникало также на основании совместной покупки державцами не только годной к обработке земли, но и крестьянских хат (дворов) на ней. Тогда в соглашении между феодалами речь шла уже не об их личном участии при пользовании землей, а о пропорциональном распределении труда на зависимых от них крестьян. Убедительным примером этому может служить письменный договор от 1 января 1742 г. русского полковника А.Глебова и его жены Татьяны Васильевны с переяславским полковником С.Сулимою и его женой Прасковьей Васильевной относительно общего владения купленными землями и мельницами в с.Панфила (Переяславский полк, Яготинская сотня). В договоре оговаривалось, что все их собственные "грунты" — участки в садах, пахотных и сенокосных полях "имеет быть содержано, яко то плуг один или два должны вместе орати, а не порознь; и семена должны быть совокупленные; и собирать хлеб в одно место и с молотья уже делится; також сколко косцов один пошлет, то и други толикое ж число, а з садовин обоим равная прибыль должно быть; а особливо людьми в купленных хатах тамошних живущими, один сверх другого работать не должен, на чтоб б сие было равномерно"¹⁵⁵. При этом давалось клятвенное обещание каждого "сябра" о равном разделе не только прибыли, но и убытков, о непродаже и неотдаче в заклад своей части без ведома и согласия других членов союза¹⁵⁶.

На документы подобного содержания историки, изучавшие сябринство на Левобережной Украине в XVII—XVIII вв., в том числе и И.В.Луцицкий, не обратили должного внимания. Не только непосредственный переход земли сябров в руки державцев, но и применение при сябринстве труда феодально зависимых крестьян, свидетельствовали о постепенном перерождении перво-

начальной сути такой формы землевладения, его разложении.

Некоторые общие черты с сябринным землевладением имело владение землей общин. До появления работ И.В.Лучицкого вопрос об украинской общине XVII—XVIII вв. почти не рассматривался, что объясняется господством среди историков мысли об Украине как районе сугубо индивидуального подворного ведения хозяйства¹⁵⁷. Даже А.Я.Ефименко, непосредственно изучавшая историю общины, находилась в плену этих взглядов. Она признавала существование общины на территории Украины только до XVI в., приписывая украинскому крестьянству какие-то особенные антиобщественные, индивидуалистические тенденции¹⁵⁸. Поэтому первые работы И.В.Лучицкого были встречены большинством современных ему историков отрицательно¹⁵⁹.

Выше уже рассмотрены характер и специфика займанщины на Левобережье. Но еще раз следует подчеркнуть, что земля часто занималась не только отдельными лицами, но и целыми союзами: сябрами или общинами. При этом наряду с ассоциациями сябринными, сохранившимися и получившими широкое распространение главным образом на севере региона, существовали союзы и чисто общинного типа.

Главной ячейкой общинного землевладения на Левобережье являлась сельская "громада", состоявшая согласно документам того периода в основном из двух частей — рядового казачества — "товарищества" и посполитской "громады", объединявшихся иногда под общим названием "громада". Некоторое время после освободительной войны 1648—1654 гг. посполитые и казаки, входившие в состав одной общины, все ее дела, в том числе и земельные вопросы, решали общим советом. При этом общину могли составлять как жители одного селения, так и целой группы селений. Земли, находившиеся в общинном владении, в своей основе состояли из земель, бывших ранее "панскими", т.е. являвшихся феодальной собственностью польских магнатов, шляхты, католических монастырей. Во владении "громады" оказывались и земли, которые ранее уже находились в чем-либо пользовании, но затем запустели (например, земли владельцев, пребывавших в бегах — "земли отбезские", оставшиеся незанятыми после смерти владельца). Теми и другими могла распоряжаться непосредственно вся "громада" или те члены старшины, которые являлись одновременно представителями общины (входили в ее состав) и якобы олицетворяли ее права и власть. Случаи, когда "пустовскими землями" распоряжались не только сельские агаманы, но сотники и полковники уже во второй половине XVII в. были частым и вполне закономерным явлением.

Право на владение подобного рода землями "громада" осу-

шествовала на протяжении первой половины XVIII в. Юридически же все эти земли объявлялись собственностью Войска Запорожского. В документах того времени земли общинного пользования фигурируют под названиями "свободных", "вольных", "общественных", "общеобывательских", "общеказачьих", "громадских", "мирских" и т.п.

Определить точную площадь земель, находившихся во владении или пользовании общин в исследуемый период, нет никакой возможности. Во-первых, в архивах сохранилось недостаточное количество документов, а, во-вторых, и в имеющихся материалах речь об общинных землях заходила лишь в случаях их отчуждения или когда из-за них возникал спор. Если подобного не случалось и общинное владение продолжало существовать в первоначальном виде, то на подтверждение юридических прав на эти земли обычно не требовались никакие письменные документы. Такое положение дел существовало даже во второй половине XVIII в. Так, в споре между казаками с.Козинец (Переяславский полк) и Кафедральным переяславским монастырем (1775) из-за "острова" на Днепре выступавшие в роли ответчиков казаки показывали, что у них письменных документов на тот остров никаких не имеется, "да и чтоб на волние, свободние, общие какие грунта или принадлежности какие писменные крепости били неналежно и той новий какойсь образец бил"¹⁶⁰.

О распространении общинного землевладения по всей территории Левобережья, включая сюда и северные районы края, где в значительной степени было развито частное (личное) владение и сибринство, свидетельствуют документальные материалы. Так, в Полтавском полку около м.Переволочная упоминаются "вольные пахатные земли и сенокосы", которые "где кто з показанных (переволочных. — Авт.) обывателей возможет там землю орет и сено косыт" (1742)¹⁶¹. В Киевском полку в конце XVII — начале XVIII в. во владении мещан г.Остер и крестьян примыкавших к нему сел Выползов, Лутава и Карпиловка находились "вольные пуци" на правом берегу р.Десна¹⁶². Подобные примеры можно привести практически по всем левобережным полкам. Правда, в южных они встречаются значительно чаще, чем в северных. Особенно много упоминаний о свободных "пляцах" (приусадебных участках), степях, выгонах, нивах, сенокосах, дубравах, "чагарниках" (кустарниках), "мирских гаях", болотах, песках, солончаках и т.п. мы находим в материалах Генеральной описи Левобережной Украины 1765—1769 гг. относительно территории Переяславского полка¹⁶³. При этом в Переяславском полку некоторые члены общины пахали и косили лишь на "вольных" общинных землях, не имея участков в личном владении.

В первой половине XVIII в. на Левобережье часто землей нераздельно владели казаки, мещане, крестьяне нескольких сел, местечек и даже городов¹⁶⁴. Так, в Переяславском полку около м. Кропивинка находились земли, которыми совместно пользовались жители местечка, а также слобод Богушевой и Чеховки, сел Панского, Чернобай, Крупского, Богодуховки, д. Щербиновки и Железок, а также всех хуторов, приписанных к сотне. На них все жители — посполитые, казаки, державцы и их подсоседи пахали землю, косили сено, рубили лес и при этом периодически оставляли свои участки и занимали новые¹⁶⁵. Приобретая каким-либо способом землю, община тем самым получала право в дальнейшем распоряжаться ею по своему усмотрению, например, отводить земельные участки своим членам или другим лицам¹⁶⁶. Если при передаче права на пользование землей общиной выдавалась "крепость" ("лист"), то, как правило, подобные акты затем записывались в "меские" книги в присутствии "меского уряду" (городовой атаман, войт и другие чиновники) и представителей от посполитых и казаков. Такая практика существовала уже во второй половине XVII в. При продаже общинной земли частному лицу, чаще всего феодалу, письменно указывалось о полной передаче земли и отказе от всяких притязаний на ее владение в дальнейшем¹⁶⁷. Получив "крепость" от общины на землю, феодал спешил прежде всего закрепить ее за собой гетманским универсалом или полковничьим "листом", затем, четко обозначив границы своего нового владения, отделялся от ее прежнего владельца — "громады". Иногда феодалы предпочитали заплатить за землю даже в том случае, если "громада" намеревалась передать ее им безденежно¹⁶⁸, очевидно видя в этом большую гарантию на последующее владение.

Община разрешала совершать заимку своих земель, сдавала их в аренду или, наоборот, арендовала землю у частных лиц. Община также могла запретить кому-либо из своих членов продажу или передачу земли в чужие руки. Заимка или продажа земли, совершенные без ее согласия, считались незаконными и могли быть аннулированы общиной или даже отдельными ее членами. Иногда громада дарила "вольные" земли и угодия отдельным лицам, не требуя за это с них никакой платы¹⁶⁹.

Если община давала разрешение на устройство плотины, то строивший ее гарантировал, что впоследствии плотина не повлечет за собой затопления земель членов данной "громады" или, по крайней мере, не вызовет с их стороны никаких претензий по этому поводу. Лица, пожелавшие построить мельницу на общинных землях, прежде всего должны были вступить в соглашение с "громадой", и в случае нанесения какого-либо ущерба, заранее

оговаривали определенное вознаграждение, а также обещали некоторые льготы при эксплуатации будущей мельницы¹⁷⁰.

На протяжении первой половины XVIII в. права общин на владение землями все больше ограничивались гетманско-старшинской администрацией и отдельными собственниками. Гетман, генеральная старшина, представители власти на местах часто через суд, обманным путем или насильственно отчуждали земли "громад" себе, отдавали в собственность другим феодалам, а посполитых заставляли "отбывать послушество". Нередко от них страдало и рядовое казачество. Приведем несколько примеров. В середине XVII в. жители г.Остер вполне свободно пользовались лесами ("пущами"), расположенными вблизи города. Туда им был "по всякое дерево волний вступ и произд без доклада". Их право подтвердил и гетман Мазепа, выдав универсал в 1693 г. Несмотря на это, уже в 1694 г. и в последующий период прежде свободными "пущами" они могли пользоваться только с разрешения местной администрации. Те, кто нарушал новый порядок и самовольно рубил дерево, рассматривались администрацией как грабители, привлекались к суду и подвергались штрафу в 1000 золотых¹⁷¹. Казаки сотни Слабинской (Черниговский полк) жаловались на значкового войскового товарища С.Лизогуба (1706), который подобно своему деду и отцу — полковников черниговских, "ширячи себе користи, дармо без жадной вини их, силою полковничей своей власти" отобрал насильно у них "кгрунта", сеножати, поля, лесовые "займища", "сено працею их уготованное". Самих же казаков "старосты его (С.Лизогуба. — Авт.) и подданние многолюдно збираючися, знатними окладают побоями"¹⁷². Подобным образом поступали и П.Полуботок, его старосты с "челядью". Они не допускали казаков местечек Сосница, Мены и прилегающих к ним сел в их "вольную пущу" за деревом, совершая при этом многие грабежи, побои и "шкоды"¹⁷³.

Такие действия гетманско-старшинской администрации и отдельных державцев, примеров которым можно привести огромное количество, приводили к быстрому сужению общинного землевладения, подрыву его экономической основы, что в конечном итоге завершилось почти полным упадком и разложением этой формы владения. Уже к середине XVIII в. во многих районах над общинным землевладением значительно преобладало личное владение землей, которое в большинстве случаев имело относительно недавнее происхождение и образовалось вследствие устранения первого. Во второй половине XVIII в. личное владение стало господствующим среди казачества¹⁷⁴. На данном историческом этапе оно являлось более прогрессивным, чем общинное землевладение.

Таким образом, исходя из основного положения К.Маркса относительно феодальной собственности на землю, реализацией которой была рента, можно заключить, что непосредственные производители, т.е. крестьяне, мещане, а также рядовые казаки не являлись земельными собственниками, а лишь владельцами. Какими бы широкими и прочными не оказывались порой их права на владение землей (право на ее обмен, куплю-продажу, наследование и т.д.), они, как правило, являлись плательщиками феодальной ренты, а не ее получателями. С передачей ими части или всей полноты прав на владение землей другому лицу, передавалась и обязанность выполнения повинностей либо в пользу отдельного державца, либо государства в целом.

Наибольшее количество земли и зависимых посполитых сосредоточилось в руках гетманов, генеральных старшин, полковников и зажиточной украинской шляхты. Крупные латифундии, большое количество зависимых крестьян и мещан были у православных монастырей. Во второй четверти XVIII в. сотнями и тысячами дворов посполитых обладали русские вельможи, грузинские князья и дворяне.

Характерной чертой земельной собственности у старшины являлось то, что она существовала в двух основных формах: наследственной ("зуполное", "вечное", "спокойное" владение) и временной (маетности, определенные "до ласки войсковой", "ку вспартю", "на ранг", "по жизнь"). Земли, находившиеся у старшин на правах наследственной собственности, юридически не обязывали к несению воинской службы (как, например, ранговые), их наличие и последующие приобретения не зависели от служебного положения. Они могли быть объектами купли-продажи, обмена, а также залогом при различного рода торгово-денежных операциях и соглашениях. Земли, пожалованные старшинам на время, предполагалось в дальнейшем отбирать и передавать на том или ином условии другому лицу (или ряду лиц).

Возникновение и начало формирования ранговой земельной собственности относится к периоду гетманства Б.Хмельницкого. Она представляла собой как бы плату за службу в старшинской администрации. Существование ранговых имений во многом напоминало бенефициальную систему в странах Западной Европы, когда крупный земельный собственник, жалую за службу какое-либо лицо маетностью, передавал ему и свое право на феодальную ренту (или часть ее) с населения феода. Вследствие этого посполитые попадали в зависимость к новому державцу, оставаясь в зависимости и от вышестоящего.

Рост крупной собственности на землю у старшины происходил особенно интенсивно за счет освоения и распашки новых земель;

перехода маентностей, определенных во временное держание, в наследственную собственность; присвоения земли крестьян, мещан и рядовых казаков. Главными источниками возрастания феодальной земельной собственности была скупка, пожалования и захват. Основным земельным фондом при этом являлись свободные войсковые села и местечка, о чем убедительно свидетельствовало их быстрое сокращение.

Формирование монастырской земельной собственности во многом обуславливалось внутренней политикой гетманского правления и царского правительства, направленной на подчинение духовной власти светской. Такая политика предполагала, прежде всего, ограничение роста, а затем и отобрание земельных богатств у монастырей. Однако попытки ограничить и сократить земельную собственность духовных феодалов на данном историческом этапе не привели к каким-либо коренным изменениям. Монастырские латифундии на Левобережье продолжали существовать до 1786 г., когда была проведена их секуляризация.

Характер владения землей крестьян, мещан и рядовых казаков во многом определяла займанщина — займка земли под посеы, устройство мельниц, пасеки и т.д. явочным порядком. Займанщина была не формой владения, а обычаявым правом, которое на определенном этапе развития феодальных отношений давало достаточное основание на приобретение земли, пользование ею и наследование. Но в дальнейшем, с наступлением феодалов на права посполитых и рядового казачества, первоначальное значение займки утрачивается.

Существование землевладения народных масс в трех основных формах: личной, сябринной и общинной обуславливалось всем предыдущим социально-экономическим развитием региона. Однако с середины XVIII в. в землевладении крестьян, мещан и рядовых казаков наступает переломный этап. В связи с формированием элементов капиталистического уклада, и прежде всего частной собственности на землю, землевладение сябринных и общинных союзов постепенно приходит в упадок. Личная форма владения землей становится господствующей.

ГЛАВА II

УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ НАРОДНЫХ МАСС

1. Эксплуатация феодалами крестьян, мещан и рядовых казаков

В феодальном обществе целью господствующего класса всегда являлось получение за счет эксплуатации непосредственных производителей прибавочного продукта труда — феодальной ренты. Марксизм-ленинизм различает три главные формы ее существования: отработочную, натуральную и денежную. Основоположники научного коммунизма обозначали их также как барщину, натуральный и денежный оброки. Феодальная рента отражала весь комплекс производственных отношений: форму феодальной собственности на средства производства, политическое и социально-экономическое положение и взаимоотношения социальных групп, форму распределения продуктов. При этом, как бы не изменялись конкретные виды и формы феодальной ренты, ее сущность, отмечал К.Маркс, "... состоит в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма ... прибавочного труда; а это, в свою очередь, выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, владеющий условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить собственнику того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственнику земли; и что, с другой стороны, только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике"¹.

Как характерную черту отработочной земельной ренты Маркс выделил то, что "... непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении земельного собственника, работает на земельного собственника..."². При ренте продуктами наблюдаются такие отношения, когда "... непосредственный производитель, применяя свой труд, более или менее располагает всем своим рабочим временем, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, по-прежнему даром принадле-

жит земельному собственнику, с той только разницей, что последний уже получает его непосредственно не в его собственной натуральной форме, а в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется"³. Денежная же рента предполагает такое положение, когда "непосредственному производителю приходится ... уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) вместо продукта цену продукта"⁴.

Как свидетельствуют документальные материалы, на Левобережье в первой половине XVIII в. в маетностях отдельных собственников феодальная рента могла выступать как в одной из своих форм, так и в различных их сочетаниях. Наибольших размеров и многообразия видов достигала рента в частных, монастырских и ранговых маетностях. Значительный удельный вес в сумме феодальных повинностей в исследуемый период составляли барщина и оброк продуктами, большими были также и денежные платежи.

В начале XVIII в. в ряде старшинских и монастырских имений регулярной становится двухдневная барщина. В частности, универсал гетмана И.Мазены 1701 г. сотнику С.Афанасиевичу утвердил за крестьянами с.Смоляж (Вертиевская сотня, Нежинский полк) обязательное выполнение двух дней "работизн" в неделю. Кроме того, универсал предусматривал и натуральный оброк — по 1/2 "осмачки"* овса в год от каждой головы рабочего скота⁵. Черниговский архиепископ Максимович в распоряжении крестьянам сл.Льговка Черниговского полка (1704) приказывал после окончания "слободных" лет "катедре дела и послугы отбувати два дня в тиждень без всяких поборов"⁶. Хотя эти документы и не могут свидетельствовать о повсеместном установлении двухдневной барщины, тем не менее они довольно убедительно отображают отношение светских и духовных властей к такому роду повинностей, официально фиксируют их норму.

Выдавая универсал феодалу на наследственное имение, гетман (или генеральный старшина, полковник) в нем, как правило, повелевал посполитым всегда "во всяких работизнах чинити (выполнять. — Авт.) послушенство", быть послушными "во всякой повинности без отречения". Относительно ранговых маетностей, а также пожалованных "до ласки войсковой", "ку вспартю домови", "по смерть" и т.д. в универсалах порой конкретно указывались срок и вид работы, которую должны выполнять в имении своего земельного собственника крестьяне, мещане, а также подсоседки. В 1710 г. гетман И.Скоропадский универсалом пожаловал с.Крутьки (Гадячский полк) старшинской вдове М.Бутович, где предписывал крестьянам: "Жеби ей, госпоже Бутовичевой, хочай не все целое, еднак в кошеню сена и в инних теперешних

летних работизнах отдавали послушенство"⁷. В 1729 г. гетман Д.Апостол повелел посполитым с.Остаповка того же полка возить сено и дрова в дом вдовы гадячского полковника М.Милорадовича⁸. Такое ограничение обуславливалось либо тем, что державец именно в тот момент нуждался в определенном роде "работизн", либо тем, что посполитые того или иного села (местечка) уже находились в феодальной зависимости и лишь на некоторое время, по личному распоряжению гетмана, могли быть переданы другому лицу (старшине, шляхтичу и т.д.). Это, конечно, совсем не исключало наличия своих посполитых у феодала.

На протяжении первой половины XVIII в. объем феодальных повинностей заметно возрос. В 20-40-х годах для многих старшинских и монастырских маетностей барщина в 2-3 дня становится нормой. В некоторых имениях во время полевых работ в течение нескольких недель наблюдалась и ежедневная барщина. Она все чаще сочеталась с натуральными и денежными оброками. В отдельных маетностях встречались посполитые, которые словами тогдашних документов "сидели на чинше", т.е. за определенную сумму денег или продуктов пользовались землей собственника.

Так, крестьяне сел Леляки, Козинцы, Андруши и Хоцки (Переяславский полк), находившиеся в подданстве у шляхтича К.Шумлянского, отрабатывали по 9 дней в месяц на его полях, косили и возили сено. Женщины раз в неделю ткали пряжу из конопля, мужчины днем и ночью поочередно несли сторожевую службу на хозяйском дворе. Кроме того, на рождественские праздники и в воскресные дни они обязывались давать в виде "подношения" по курице. Трое из козинцовских крестьян вместо "панщины" платили чинш (1721)⁹.

Из сообщения архимандрита Киево-Печерской лавры Тимофея (1743) мы узнаем, что в течение долгих лет монастырские "чиншовые" мещане, имевшие торговые "промыслы" (500 дворов), платили в год 2 тыс. руб., а крестьяне "черной работы" (390 дворов) — 390 руб. в год¹⁰. Материалы "ведомости" о маетностях Черниговского полка 1742 г. свидетельствуют, что жители с.Новинка (Славинская сотня, 8 дворов), принадлежащего Соборной церкви Преображенского Черниговского монастыря, платили в год 10 руб.¹¹ В середине XVIII в. сочетание всех трех форм феодальной ренты, ее большой объем являлись характерной чертой хозяйства в имениях Киево-Выдубицкого монастыря¹². В 50—60 годах в Стародубском полку денежную ренту выплачивали крестьяне вотчин Киево-Печерской лавры, занимавшиеся из-за непригодности почвы к земледелию в основном сельскими промыслами¹³.

Многообразие повинностей было присуще посполитым в ранговых маетностях. Особенно интересные данные о росте феодаль-

ной ренты имеются по некоторым имениям, определенным гетману "на булаву". Например, с посполитых с.Курень (Бахмацкая сотня, Нежинский полк) на Мазепу "некаких зборов денежных и хлебных не збиралось, кроме работизни до двору его Батуринаского". А в период правления гетмана И.Скоропадского с них стали дополнительно взимать по 20 коп. от каждого вола или коня и по 5 четвериков овса российской меры в год. Крестьяне с.Обмочев в том же полку на Мазепу также выполняли различного рода "работизны", а с 1726 г. еще доплачивали по 20 коп. от коня или пары волов, давали по осмачке овса и курице (или вместо нее по 1 коп.) от каждого двора¹⁴.

Об интенсивной эксплуатации посполитых гетманом Д.Апостолом свидетельствует описание его маестностей, составленное в 1734 г. Здесь формы феодальной ренты выступали в таких сочетаниях: 1) барщина, натуральные и денежные оброки; 2) натуральная и денежная рента без "работизн" и 3) барщина. Особенно тяжелыми были натуральные повинности. Приведем несколько примеров. В с.Марчишина Буда (Нежинский полк) крестьяне разделялись на плативших чинш и нечиншовых. Кроме денежных платежей, первые принуждались к отработке в год 24 дней во время полевых работ и обязывались выткать из хозяйских конопель по 2 мотка пряжи. Вторые две недели работали на себя, а три — "до двору панского". Помимо этого они ткали по 2 мотка пряжи и отдавали по 1 золотому от каждой головы рабочего скота. В Полтавском полку гетманские ранговые посполитые рубали и возили во "дворец" гетмана дрова, поставляли сено, выполняли и другие работы. За это они освобождались от натуральных и денежных оброков. Посполитые Бакланской волости в Гадячском полку, выплачивавшие чинш гетману, освобождались от "работизн", а остальные обрабатывали "дворцовую" землю, жали, молотили, возили дрова и т.п. Крестьяне с.Капустинец того же полка ежегодно выплачивали гетману по 17 руб.20 коп., помимо этого на жалованье сторожу гетманского двора — 6 руб., на соль 28 коп., а натурой в общем давали: 6 ведер вишен, 5 — слив, 48 — орехов, 7 мешков огурцов, 3 — груш, 7 — яблок, 2 — моркови и репы, полмешка петрушки, 15 венков лука, 6 — чеснока, 500 головок капусты, 5 возов свеклы и 1 — хмеля, 2 четверика мака, 40 — ячменя, 64 — овса, 15 валков пряжи, 240 яиц, 100 куриц, 30 гусей и 30 уток¹⁵.

Во второй четверти XVIII в. большого объема достигла феодальная рента в ранговых маестностях генеральных, полковых и сотенных старшин. Так, в 30—40-х годах посполитые с.Борщное (Прилукский полк), находясь в собственности генерального есаула Ф.Лисенко, а затем генерального судьи Ю.Горленко, во

время полевых работ принуждались к ежедневной барщине на протяжении нескольких недель. Они пахали державские нивы своими волами и инвентарем до тех пор, "пока не оборют", злаков сеяли "сколько надобно", пряли пряжу "сколько прикажут", по две недели и дольше косили сено во "владельческом" с.Осмаки (Черниговский полк), а затем перевозили на хозяйский двор. Независимо от "работизн" каждый посполитый ежегодно платил по 12 коп. от рабочей лошади, давал по 4 четверти ржи, по венку лука (или 2 коп.), по гуске, утке и курице, обязывался собирать по гарнцу** орехов (или выплачивать по 5 коп). Крестьяне, не имевшие рабочего скота, отдавали в год по 2 коп. Интересным моментом в истории борщовских крестьян явилось то, что они 6 лет "никакой работизны не делали", а со всего села платили чинш в размере 100 руб.¹⁶

Некоторые обобщения о характере и объеме феодальных повинностей ранговых посполитых позволяют сделать материалы "ведомостей" Генеральной войсковой канцелярии в Сенат (1740). Так, согласно их данным, в Нежинском полку в ранговых маестностях — 2 местечка, 26 сел и 1 деревня — насчитывалось 706 дворов "посполитых обывателей и их подсоседков". По распоряжению Генеральной войсковой канцелярии с них в год старшинам собиралось "денежного окладу" около 114 руб., "натурального": овсом, гречкой, рожью, горохом, конопляным семенем 304 четверти, больше сотни яиц, несколько куриц, баранов, 19 возов сена. Кроме того, посполитые принуждались "отбывать всякую подданческую повинность и работизну". В Черниговском полку значилось: ранговых местечек 2, сел 12, деревень 7, хутор 1, в них "разных владельцев посполитых обывателей и их подсоседков" 504 двора. С них взимался денежный сбор в размере 266 руб., а натурой бралось: ржи 45,4 четверти, овса 72,5, мака 1, пшена 1, "круп" 1,5, льняного семени 1,4 четверти, баранов 12, гусей 12, уток 12, лука 12 венков, масла "коровяго" 12 кварт. Подобного рода сборы в ранговых имениях совершались на старшину и в Стародубском полку¹⁷. Кроме "денежного" и "натурального оклада" ранговые крестьяне и мещане в Черниговском и Стародубском полках выполняли всякие "общенародные повинности" и "работизны" на державцев.

В ранговых имениях Полтавского полка (1 местечко, 4 села, в них 307 дворов посполитых), согласно "ведомости" 1740 г., а также 1742 г., с крестьян и мещан никакого "окладу хлебного и денежного" не собиралось. Все они "отправляли" одну "подданческую должность", т.е. барщину¹⁸.

Как видим из документальных материалов, на территории Нежинского, Черниговского и Стародубского полков в ранговых

имениях феодальная рента одновременно существовала в сочетании трех форм: отработочной, натуральной и денежной. Причем трудно выделить преобладание какой-либо из них. Однако если объем барщины не был здесь точно установлен и выполнялся посполитыми в зависимости от потребностей феодала, то размеры денежных и натуральных годовых оброков имели фиксированный характер, т.е. определялись заранее. В Полтавском полку основной формой ренты являлась барщина.

К повинностям феодально зависимых посполитых следует также отнести "куничные" или "весильные гроши", которые платились собственнику имения за разрешение жениться. Например, ранговые посполитые "Гадячского замка" в 1722 г. платили "куничные" деньги в таких размерах: от каждого "молодика" по 4 алтына, а с "удовольствующих" по 8 алтын и 2 деньги¹⁹.

Нередко рядовые казаки также попадали в зависимость от феодала и наравне с его посполитыми принуждались к выполнению повинностей. Так, казаки сел Понорница и Верба (Черниговский полк) — вотчины барона П.Шафирова с ведома гетмана И.Скоропадского платили в год (с 1715 — по 1723 г.) всего 50 руб. К тому же они выполняли по приказу сотника "приватные до дворца тамошного послуги", а также ловили для нужд гетмана бобров и выдры²⁰. Многие казаки с.Оболоня Черниговского полка, "живучи на своем отческом кгрунте козачом", платили местному полковнику чинш (каждый в среднем по 6 руб. в год), отбывали другие повинности²¹.

В 1728 г. гетманским правлением было предпринято "следствие" о "злоупотреблениях" старшины по отношению к казакам Гадячского полка. Согласно его данным Петр Хоменко и Михаил Яценко — "з деда и отца козаки" во дворе гадячского полковника "натяжнево" сторожили, печку топили, дрова кололи, ухаживали за господскими коньями и коровами, воду носили, пол мыли, сапоги чистили — "чого за прежних полковников не бывало". В подобном положении находились еще 23 казака. Кроме того, к работе в полковничьем доме привлекались и казацкие жены²². Я.Маркович в своих имениях брал с казаков, которые приобрели земли у его "мужиков", по 2 руб. "роковщины"²³. Писарь Барышевской сотни Переяславского полка И.Антонов у местных казаков и посполитых брал подводы и "на свою службу" со двора по 2 алтына, "чого в них никогда не бывало" (1731)²⁴. В 1733 г. бунчуковый товарищ (казацкое почетное звание) С.Миклашевский принуждал "быть за собою в подданстве" казаков сел Зазерки, Волокитино, Кочер (Нежинский полк, Глуховская сотня), несмотря на то, что "деды и отцы их служили казацкую службу"²⁵. С 1726 по 1739 г. 17 казаков Белоуской сотни Черниговского

полка за одолженные им деньги и "хлеб" находились в "подданстве" войскового канцеляриста В.Силича. Когда же казаки отказались выполнять повинности, считая, что уже полностью рассчитались со старшиною, Черниговская полковая канцелярия приказала избить их "нещадно киями" и снова передать в "подданство" В.Силичу. Старшины Менской сотни (Черниговский полк), отобравши "дедовские" и "отческие грунты" местных казаков, принуждали их наравне со своими посполитыми "отправлять" всякие "подданнические поданности" (1745)²⁶.

Приведенные факты свидетельствуют, что в первой половине XVIII в. на Левобережье выполнение рядовым казачеством повинностей на феодалов, в частности на старшину, приобрело массовый характер. Для того, чтобы заставить казаков "отбывать послушенство" феодалы отбирали у них земли, применяли насилие и административную власть, давали им в долг деньги или продукты. Усиление эксплуатации основной массы казачества проходило параллельно с увеличением угнетения крестьян и мещан.

На рост феодальной ренты в старшинских и монастырских маетностях заметное влияние оказывали развивавшиеся товарно-денежные отношения. Они все глубже проникали в хозяйства не только феодалов, но и посполитых, казаков, постепенно переорганизуя и подчиняя их хозяйства потребностям рынка. Например, дорогая цена спиртных напитков (особенно водки), относительная легкость их сбыта на ярмарках и торгах, делали такое производство чрезвычайно выгодным. Феодалы, стремившиеся к скорейшему обогащению, требовали от посполитых, занимавшихся сельским хозяйством, все большего количества пшеницы, ржи, ячменя и овса для винокурения. Участилась практика изготовления спиртных напитков посполитыми, которые передавали их собственнику земли (за прямую плату, за одолженные ранее деньги или предоставленный хлеб и т.д.). Такого рода отношения между феодалами и зависимыми от них крестьянами, мещанами, подсоседками сопровождалась усиленной эксплуатацией со стороны первых. Так, с 1715 по 1719 г. во всем Гадяцком полку торговали водкой только старшинской семьи Милорадовичей. Причем каждая куфа (бочка) продавалась по 20 руб. и дороже, а покупалась у глуховского войта и других лиц по 12 руб. и дешевле. Посылая водку на Северный Кавказ, где стоимость ее достигала 140 руб. за бочку, М.Милорадович приказывал на месте покупать за вырученные деньги различные товары, которые затем насильно раздавал своим крестьянам для мелкой распродажи. Требуемая им цена за предоставленные товары оказывалась гораздо выше их стоимости, поэтому крестьяне торговали с убытком для себя²⁷.

Подобные явления наблюдались в хозяйствах Марковичей, Ханенко, Безбородков, Галаганов и др.

Под воздействием товарно-денежных отношений у феодалов постоянно возрастала потребность в больших суммах наличных денег. Поэтому денежные оброки посполитых увеличивались и все чаще заменяли барщину и натуральный оброк. Первое время спорадическое, затем принимавшее всеобщий характер увеличение денежной ренты свидетельствовало о значительном развитии торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения. Сама денежная рента в экономическом смысле представляла собой лишь изменение формы барщины и натурального оброка и не выражала каких-либо абсолютно новых производственных отношений. При ней непосредственный производитель по-прежнему, по определению К.Маркса, "...является наследственным или вообще традиционным владельцем земли, который должен отдавать земельному собственнику как собственнику существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, то есть неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд в форме прибавочного продукта, превращенного в деньги"²⁸.

При освещении вопроса об эксплуатации феодалами народных масс на Левобережной Украине необходимо рассмотреть повинности ратушных, магистратских, отписных на царский двор и свободных войсковых посполитых. В своей основной массе, все они, как правило, не только "прислушали" ратушам или магистратам, давали "годовой оклад" деньгами и натурой, но также выполняли повинности на частных лиц, чаще всего, представителей гетманско-старшинской администрации.

Обратимся сначала к повинностям крестьян и мещан в ратушных и магистратских маетностях, численность которых на протяжении первой половины XVIII в. быстро сокращалась из-за раздачи и захвата старшиной. Так, если в начале 20-х годов количество ратушных и магистратских сел достигало 202 с 5578 дворами "подданных", то уже по ревизии 1726 г. их оказалось только 134 с 3137 дворами посполитых²⁹.

Объем повинностей ратушных и магистратских посполитых в исследуемый период значительно увеличился. Например, гетман И.Мазепа в универсале 1692 г. отмечал, что в г.Переяславе "здавна бывал такой звичай, же все цехи до ратуша меского належали и в купе з мещанами повинность отбували". В связи с этим гетман подтвердил прежнее право магистрата "отбирать послушанство" со всех переяславских цехов, ремесленники которых "не суть в козацком реестре", а также разрешил полковнику использовать бесплатно труд ремесленников для личных нужд

(по одному ремесленнику от каждого цеха)³⁰. Такое положение дел существовало и в начале XVIII в. Старшина Черниговского полка заставляла трудиться на себя бесплатно местных ратушных посполитых: плотников, сапожников, рыбаков, портных, кузнецов, гончаров, лучников, слесарей, музыкантов, ювелиров и пр. Помимо этого от последних требовались еще подводы и овощи³¹. На протяжении первой четверти XVIII в. ремесленники швейного цеха г. Прилуки не только удовлетворяли потребности в одежде пехотного войска гетмана, но и выплачивали "стацию" (натуральные и денежные поборы для гетманского наемного войска), поставляли подводы, выполняли другие "обикли тягости", ежегодно шили одежду дворовой челяди прилуцкого полковника³².

Большой объем повинностей выполняли посполитые непосредственно в пользу старшинской администрации ратушей или магистратов. Кроме всяких "работизн" с них обычно собирался еще и "годовой оклад" деньгами и натурой. Например, в 1723 г. такой "оклад" всех ратушных посполитых 10 сел (605 дворов, в том числе 4 двора "чиншовых" и 7 подсоседков) в Полковой сотне Прилуцкого полка достигал 122 руб., 28 четвертей овса и 12 — ячменя. У ратушных посполитых сел Пукасино, Кожемяк, Лапино, Татищево, Щекотово, Журавлево, Плевак и др. (всего 19 сел, в них 205 дворов) Бакланской сотни он составил 62 руб. 80 коп., 42 четверти ржи, 30 — овса, 2 четверти ячменя (1723—1724). Магистраты и ратуши городов Полтавского полка со своих посполитых, кроме денег, ржи, ячменя, брали еще гусей и курей (1723)³³. С 1742 г. вместо всякой "живности" в Полтавском полку с ратушных и магистратских посполитых стали собирать ежегодно деньгами³⁴. Длительное время, "по особливым древним прежним привилегиям и по жалованным грамотам", киевские мещане обязывались платить в магистрат ежегодно по 600 руб. (1742)³⁵. Несмотря на это полковая старшина заставляла мещан Киева выполнять различные личные поручения, требовала крупы и муки. По указанию Киевской губернской канцелярии мещане рыли за городом рвы, строили палисад "з великим иждивением"³⁶. Начиная с правления гетмана И. Мазепы до середины XVIII в. "годовой оклад" на магистрат у мещан Новгород-Северска составил 60 руб. Причем сбор совершался от каждого мещанского двора в зависимости от имущественного положения его хозяев: "с первого" мещанина 60 коп., а с "последнего" 4 коп.³⁷

В 40-х годах с ратушных и магистратских посполитых Стародубского и Прилуцкого полков "оклад" взимался в основном деньгами и "провиантом", в Нежинском и Миргородском полках — деньгами³⁸.

Поступавшие в магистрат или ратушу сборы в основном расходовались на выплату жалования администрации данного города или местечка, направлялись частично на удовлетворение городских потребностей, а также "оседали" в государственной казне. Немалая доля натуральных и денежных сборов из-за систематических злоупотреблений местной стражи оказывалась в ее руках.

Много общего с повинностями ратушных и магистратских посполитых имели повинности крестьян, мещан и подсоседаков свободных войсковых сел и местечек. С них, так же как с магистратских и ратушных посполитых, в виде различных сборов и налогов взимались средства на содержание гетмана, наемных войск на плату за службу сотенной и полковой старшине, войсковым музыкантам, артиллеристам, ратушные расходы и пр. В одних свободных войсковых селах и местечках сбор мог производиться натурой и деньгами, в других — он брался исключительно деньгами, в каждом случае дифференцированно, в зависимости от состоятельности жителей посполитского двора. Кроме того, посполитые этих маетностей выполняли еще различные "работизны" в пользу ратуши или магистрата.

В Стародубском полку посполитые свободных войсковых сел Козаричи, Жовнец, Халевичи, Овчинец, Кобылянка, Косачи, Курчичи и еще 8 сел ежегодно давали сборщикам в Скарб войсковой по 14 руб. и 99 коп., ржи — 4 четверти и 4 четверика, овса — 6 четвертей и 6 четвериков, круп — 12,5 гарнцов, конопель — 19,5 пшеницы — 12,5 гарнцов; на содержание артиллерийских полковых служителей — 15 руб., полковых лошадей — 6 четвертей овса и 8 возов сена, полковых стародубских чиновников — 15 руб. и 78 коп., сторожа ратушного — 4 руб., 5 четвертей ржи, 2 овса (1742)³⁹. В 1744 г. жители м.Мены (Черниговский полк) показывали, что прежде с них на гетманов собиралась "станция" в таких размерах: "з могущего двора" по 40 коп., "среднего двора" — 20, "з нищетного" — 5 коп., а ремесленники на гетмана и старшину вместо платы выполняли разную работу. Мещане м.Сосница в конце XVII — начале XVIII в. в пользу гетманов платили станцию "з могущего" двора по 1 руб. и 50 коп., "среднего" — 50, "з нищетного" — 15 коп., а "прочие ремесники всякие подчинки вместо збору на гетманов и старшину работали". При гетмане Д.Апостоле станция в Соснице была отменена. Вместо нее сосницкие мещане сотенной и полковой старшине, а также на канцелярские потребности платили "поворотные деньги". В 1742 г. они оставили 18 руб. 68 коп., а в 1743 г. уже 28 руб. 20 коп. Кроме того, на ратушу с мещан собирался "поковшовый" налог хлебом за торговлю, а также ежегодный сбор на "всякие церковные потребности" (воск, ладан, вино и пр.). На ратушном поле мещане

косили сено для лошадей чиновников, проезжавших через местечко. Подобные сборы собирались и с жителей г. Березна. Станция на гетманов И. Мазепу и И. Скоропадского здесь составляла: с "могущего" двора 80 коп., "среднего" — 40, "мало грунтовых" дворов 20, "нищетных" — 10, подсоседков — 5 коп.⁴⁰

Полковники и сотники нередко заставляли посполитых отписных на царский двор и свободных войсковых маетностей работать на своем дворе или поле, поставлять продукты, устанавливали новые сборы. Так, в Переяславском полку старшина таких посполитых "до дворов полковничих в малых работизнах потягла", употребляла "для кошения сена и привозу дров до двору полковничого"⁴¹. Прилукские полковники Д. Горленко и Г. Галаган за ежегодный чинш, который достигал десятки и сотни рублей, освобождали посполитых свободных войсковых маетностей от "общенародных повинностей"⁴². Уже в первой четверти XVIII в. в одном Прилукском полку насчитывалось свыше 30 дворов посполитых, плативших полковникам чинш⁴³. В Шептаковской волости волостной писарь Коншевич и войг Гудима кроме установленных сборов на царский двор собирали ежегодно на себя с крестьян и мещан отписных маетностей орехи, клюкву, лук, чеснок, грибы, курей, гусей, уток и яйца "по нескольку тысячей", а если "у ково таковых припасов несищется", то брали вместо них с каждого села от 2 до 10 руб. (1748)⁴⁴.

Еще в начале 20-х годов XVIII в. Петр I с целью увеличить доходы возложил на чиновников Малороссийской коллегии задачу ограничить претеснения старшиной, городской администрацией и духовными феодалами магистратских, ратушных, отписных и свободных войсковых посполитых, определить возможные размеры сборов и добиться их стабильного поступления в государственную казну. Поставленную задачу, в связи с усилением эксплуатации посполитых в таких маетностях, выполнить не удалось. В первой половине 40-х годов этот вопрос поднимался снова. В частности, Комиссии экономии было поручено пересмотреть раскладку сборов в свободных войсковых маетностях. В 1746 г. Комиссия экономии разработала проект, по которому посполитые, имеющие у себя "довольное" количество пахотной земли, другие угодия и рабочий скот, обязывались платить по 3 руб. в год, не имеющие пахотной земли до 1 руб., а "кои не имеют не токмо грунтов, но и промыслов, з таковых по рассмотрению и ниже рубля". Причем по предположению Комиссии экономии эти сборы должны были заменить "всякие работы и протчие владельческие доходы"⁴⁵. Но осуществить такой проект сборов не удалось. Основной причиной этого стало то, что Комиссия экономии не смогла из-за специфических местных условий (прежде всего

слишком неравномерного распределения среди посполитых земли и скота) выработать оптимальный и приемлемый критерий платежей при обложении каждого в отдельности двора. После упразднения Комиссии экономии (1750) посполитые свободных войсковых маетностей обязывались платить в Скарб войсковой денежный "оклад".

Для посполитых, имевших пасеки и выращивавших табак, устанавливался специальный сбор — медовая и табачная десятина. Первые упоминания о медовой десятине после освободительной войны 1648—1654 гг. относятся к правлению гетмана И.Мазепы. Но очевидно в этот период она взималась не во всех полках. В 1722 г. генеральная старшина сообщила в Малороссийскую коллегию, что медовая десятина в Переяславском полку была установлена гетманом И.Скоропадским⁴⁶. Медовый сбор брался с каждого десятого улея, а где его "не достанет, з тих от жадного уля взимано очкового (очко — отверстие в улье) по 2 алтина", — сообщает один из документов того времени⁴⁷. Количество взимаемого табака зависело от размеров его сбора на плантациях. Первое время эти сборы производились в основном натурой. Так, в 1722 г. с посполитых 6 левобережных полков (Лубенский, Гадячский, Прилукский, Нежинский, Полтавский, Миргородский) было собрано 543 пуда 4 фунта табачной десятины⁴⁸. В 1723 г. Малороссийская коллегия издала приказ, чтобы медовая и табачная десятины собирались исключительно деньгами. Сбор натурой был делом довольно трудоемким. К тому же доставка меда или табака требовала значительного количества подвод и людей. Взимание десятин деньгами все очень упрощало. Этот приказ предполагалось распространить на все слои населения, включая и старшину⁴⁹. Однако тяжесть этой повинности и впоследствии ложилась только на плечи посполитых.

Широко распространенным явлением были "дачи" старшинской и городской администрации так называемых ральцев. Они преподносились деньгами или натурой в виде "подарков" посполитыми и рядовыми казаками несколько раз в год (обычно на пасху и рождество). Такого рода "поклоны" администрацией признавались официально. Они строго разграничивались в документах от взяток и "мздоимства"⁵⁰. Несмотря на то что ральцы в первой четверти XVIII в. неоднократно запрещались гетманским правлением и царским правительством, они продолжали существовать.

Помимо вышеуказанных повинностей существовало много таких, о которых источники упоминают лишь изредка, и о них трудно сказать что-либо определенное. Даже современники не всегда могли точно охарактеризовать тот или иной род повинностей. Сле-

дует отметить, что объем последних и феодальной ренты мог не только возрастать, но иногда и уменьшаться (в годы неурожая, стихийных бедствий, при смене земельного собственника и т.д.).

Итак, в первой половине XVIII в. на Левобережье повинности на отдельных феодалов, прежде всего старшину и шляхту, выполняли посполитые практически всех категорий маетностей. Нередко, как о том свидетельствуют документы, в частных, монастырских и ранговых имениях к "послушенству" принуждались и рядовые казаки. Кроме выполнения повинностей в пользу феодалов, главной обязанностью посполитых ратушных, магистратских, отписных и свободных войсковых маетностей было "прислушать" городской администрации. При этом объем и формы феодальной ренты в большинстве случаев не являлись строго установленными. В отдельные годы отработочная и натуральная рента могла полностью или частично переходить в денежную и, наоборот (что, случалось значительно реже), денежный оброк мог заменяться различного рода "работизнами" и "дачами" натурой. Причем объем и характер ренты во многом определялись местными природными условиями, потенциальными возможностями крестьян, мещан, подсоседков, а также рядовых казаков, попавших в личную или поземельную зависимость к собственнику.

2. Государственные повинности и поборы

К выполнению "общенародных" или государственных повинностей в большей или меньшей степени привлекались практически все группы посполитых и рядовое казачество. На протяжении первой половины XVIII в. наблюдается значительное возрастание объема государственных повинностей. Особенно это заметно для периодов Северной (1700—1721) и русско-турецких (1710—1713, 1735—1739) войн, к событиям которых Украина имела самое непосредственное отношение. В годы же неурожая, стихийных бедствий и эпидемий, наоборот, объем государственных повинностей резко уменьшался в связи с невозможностью выполнения их в полной мере посполитыми.

Одной из наиболее широко распространенных государственных повинностей являлась поставка крестьянами и мещанами подвод. В военное время их использовали, как правило, для перевозки боеприпасов, воинского снаряжения, фуража и т.д. В мирное время посполитые обязывались обеспечивать своим транспортом передвижение царских чиновников, доставку в разные пункты казенной почты и продуктов. Особенно страдали от подводной повинности жители городов, местечек и сел, расположенных на больших трактах. Например, жалованная грамота 1660 г. черниговским мещанам не разрешала брать подводы русским "ратным

людям”, а также царским чиновникам, ехавшим в Москву через Чернигов и не имевшим специальных грамот, гетманских листов или воеводческих ”отписок”. Последующие постановления царского правительства и гетманские универсалы уже предусматривали чтобы мещане Чернигова ”подводи и корми давати почему доведется”⁵¹. Проезжавшие через Киев послы и другие официальные лица требовали себе по сто и более подвод, ”подорожные припасы” без оплаты за них денег. Причем ”некоторые взяв телеги, сани, хомуты, седла и прочие снасти невозвращают и увозят” (1731—1733)⁵². Крестьяне с. Комаровка (Нежинский полк) от ”дачи подвод” и других ”тяжестей” к началу 30-х годов XVIII в. пришли в ”крайнюю нищету и разорение, а иные от той нестерпимой нужды в разные места разошлись”. Причем, комаровские жители имели только десять лошадей, а по приказу сотенных властей должны были поставлять по двадцать лошадей с возами. Поэтому им приходилось нанимать недостающих лошадей у зажиточных казаков с ”последним своим разорением”⁵³. В 30-е годы XVIII в. жители с. Орловка (Черниговский полк, Понорницкая сотня) обеспечивали своими лошадьми и возами местную почту. Обычно для перевозки пакетов у рядовых казаков брали по две, а у крестьян — по три лошади⁵⁴.

Большой объем государственных повинностей выполняли посполитые Мгарского Лубенского монастыря. Только в 1739 г. для перевозки в Кременчуг войсковой артиллерии и работ на государственных конных ”заводах” ими было поставлено свыше 200 подвод, повозок и саней. Если возов не хватало, то их вынуждены были сделать сами посполитые⁵⁵. Кроме всего этого монастырские крестьяне доставляли провиант, овес, сено, деготь в различные ”магазины” Лубенского полка, для нужд ратуши возили хворост, использовались местными властями для выполнения различных поручений. Посполитых монастыря, а также и крестьян местного шляхтича И. Новицкого заставляли для конных ”заводов” строить сараи и стойла, заготавливать сено, выполнять земельные работы, при этом обеспечивать себя и погонщиков других полков рабочим инвентарем, едой и одеждой⁵⁶.

Тяжелой обязанностью для посполитых и рядовых казаков являлись строительство городов, рытье каналов и рвов, различного рода службы на оборонительных линиях. Для строительства Ладожского канала царское правительство определяло количество казаков. В 1715, 1721, 1723 гг. оно составило по 10 тыс. человек. Здесь они ”без жадного огурства и лености” ежедневно рыли каналы, возили песок, забивали сваи, которые с ”трудностию за килка вереть на своих плечах носили”, сооружали плотины⁵⁷. В 1724 и 1725 гг. для строительства крепостей в Новочеркасск

было направлено около 5 тыс. казаков⁵⁸. На строительстве фортификационных сооружений использовался также труд и нескольких (до 30) тысяч посполитых. В обязанность последних вменялось со своими подводами сопровождать суда, поставлять продукты и фураж⁵⁹.

О тяготах такого рода повинностей убедительно свидетельствует тот факт, что после длительных походов и изнурительных работ, постоянных недоеданий и голода, эпидемий со строительства каналов и оборонительных линий подчас не возвращалось домой от 30 до 60 % казаков и посполитых⁶⁰.

Обременительной повинностью для посполитых являлось и расквартирование на постой у них по дворам солдат и офицеров русской армии, а также "дача на консистентов порций и раций", т.е. бесплатная поставка провианта и фуража в драгунские полки. Право определения регулярных войск на постой в дворы местного населения существовало на протяжении всего XVIII в. и было отменено лишь в XIX в., а порции и рации упразднены в 1765 г. и заменены "румянцевским рублевым окладом" (по одному рублю с каждого двора).

В период Северной войны в связи с постоянной угрозой иностранного вторжения (особенно после того, как на Левобережной Украине в 1708—1709 гг. сосредоточилось огромное количество шведских войск, грабивших и опустошавших города и села) царское правительство ввело в регион 10 драгунских полков, 4 из которых в 1734 г. были заменены пехотными⁶¹. Основная тяжесть содержания русских войск, естественно, легла на плечи посполитых, а также рядовых казаков. Правда, последние, находясь в походах, до своего возвращения освобождались от порций и раций⁶².

Относительно "дач на консистентов" старшинская администрация не имела от царского правительства точно установленных норм и правил. Порции и рации собирались то провиантом для солдат и фуражом для лошадей, то деньгами. Причем количество провианта и фуража не было определено законодательно и во многом зависело от местных условий, потребностей войска. При распределении порций и раций между посполитыми и казаками учитывались их материальное положение и распоряжение "кладучи двух козаков против одного посполитого", т.е. от двух казацких дворов требовалось столько порций и раций, сколько от одного двора посполитого⁶³.

В 1717 г. драгун стали обеспечивать провиантом из специальных "магазинов", запасы в которые поставляли те же посполитые и рядовые казаки. Согласно сенатского указа 1718 г. о кормлении драгун, крестьяне и мещане обязывались давать на месяц каж-

дому драгуну по 1/2 "осмине" муки или сухарей, по 1/8 четверика круп, по 2 фунта соли, а в отдельные дни и по 2 деньги дополнительно⁶⁴.

Начиная с 20-х годов XVIII в. в регионе устанавливается определенная система содержания "консистентов". С левобережных полков порции и рации (натурой или деньгами) собирались по табельной цене, которая в разные годы менялась в зависимости от урожаев и средней продажной стоимости на продовольственные товары и фураж. В 1731 г., например, одна порция оценивалась властями в 41 коп., а рация — в 95 коп., в 1732 г. порция стоила 42 коп., рация — 95 коп., в 1736 г. порция — 33 коп., в 1745 г. порция — 33 коп., рация — 90 коп., в 1749 г. порция и рация соответственно стоили 41 и 95 коп.⁶⁵

О большом количестве взимаемых продуктов на содержание войск в годы Северной войны свидетельствуют документальные материалы. Так, в 1715 г. по Киевской губернии 11 драгунским полкам за два летних месяца выдано: муки — 52 800 четвериков (или 6600 четвертей); круп — 6600 четвериков (825 четвертей) в расчете по 2 гарнца в месяц на человека; соли — по 2 фунта в месяц на человека, а всего на два месяца 52 800 фунтов (или 1320 камней***), сала по 15 фунтов в месяц на человека, а всего 396 000 фунтов. В 1716 г. за два летних месяца собрано с посполитых и рядовых казаков: муки 6600 четвертей, круп 825 четвертей, соли 13 200 камней, сала 9900 камней. В 1717 г. для девяти некомплектованных полков (с каждого полка по 300 человек было отправлено на работы) выделено на 6 месяцев: муки 12 600 четвертей, круп 1575 четвертей, соли 2520 камней, сала 21 600 камней. Кроме того, 2400 человекам, командированным в Петербург, выдано провианта на один месяц: муки 600 четвертей, круп 75 четвертей, соли 120 камней, сала 900 камней. Следовательно, всего выдано: муки 19 800 четвертей, круп 2501 четверть, соли 3960 камней, сала 32 400 камней⁶⁶.

При сборе порций и раций возникало много споров и злоупотреблений. Так, между гетманом И.Скоропадским и генералом И.-Б.Вейсбахом — командиром драгунского полка возник спор: сколько давать драгунам на день, выдавать ли им "мясные деньги" в постные дни, определять ли норму сена на вес, как было прежде, или возами, как того хотел генерал. Спор не привел к какому-либо окончательному решению. Нормы порций и раций не были точно установлены. Нередко с высшими воинскими чинами находились семьи и их прислуга, которым также отводились на постой квартиры и назначались порции, а их лошадям рации⁶⁷. Расквартированные по домам офицеры обычно требовали дополнительно к своему "довольствию" свечи, одежду, питание, а лоша-

дям повышенные нормы сена и овса, что еще больше разоряло посполитых и рядовых казаков. Часто к хозяевам применялось и физическое насилие. Обременительные "дачи на консистентов", злоупотребления офицеров вызывали резкий протест всего местного населения.

В одном из донесений черниговского епископа об обнищании его подданных — монастырских посполитых (1731) — читаем, что в волости Свержской "подание за неравномерным и тяжестным в тамошних селах на консистентов денежной дачи расположением знатную узнаючи обиду и не могучи оною болше снести, многие до инние околничные маетности владелческие прынуждены зостави поросходитися, а малое число оставшихся подданих немогущих надлежащою вистачити до катедре Черниговской и до дворца Свержского повинности за неурожаем хлеба, голодом, изморение в житии своем немалую претерпевают нужду". Жители сел Ображеевка, Калеевка и Шатрица разошлись в разные места, "пустие только оставили дворы" из-за безмерного на консистентов денежного сбора от двадцати алтын с "можных" до полалтына с "убогих"⁶⁸. Из-за взятия "излишнего" сена на рации драгунским отрядам в Лубенском, Стародубском и Черниговском полках местные крестьяне и мещане "немалую претерпели нужду и тягость". В связи с этим им не хватило корма для собственного скота (1733)⁶⁹. В 1735 г. из Нежинской ратуши сообщалось в полковую канцелярию, что проезжающие высшие военные чины "берут на почтовых станциях лошадей не платя прогонов... и сверх того от городских ратушей и обывателей берут же хлеб, сесние припасы и пите насилством, безденежно, от чего малороссийским обывателям прилучается немалое разорение"⁷⁰. Из материалов Генеральной войсковой канцелярии 1744 г. видно, что вместо порций и раций часто систематически взимались денежные суммы, в несколько раз превышающие их официально установленную цену⁷¹.

В годы неурожая, больших налетов саранчи, стихийных бедствий (1700 г. — голод; 1701, 1710—1711, 1718, 1719, 1738, 1748 гг. — эпидемия чумы; 1745, 1746, 1749 гг. — нашествие саранчи), когда народные массы оказывались не в состоянии обеспечивать содержание "консистентов", царское правительство вынуждено было уменьшать государственные повинности и предпринимать некоторые меры по временному облегчению положения народных масс. Так, царским указом от 26 ноября 1739 г. посполитые и рядовые казаки освобождались на год от поставки продовольствия 8 пехотным и драгунским, а также 2 гарнизонным полкам из-за неурожая хлеба⁷². В 1749 г. вследствие появления саранчи и недорода хлеба было отменено безденежное содержание гарнизонных полков, генералитета и полковой аптеки на 3 года⁷³.

В этом же году для "народного облегчения" с Левобережья вывели государственный конный "завод". Однако, в 1750 г. его снова ввели, а посполитые и рядовые казаки, как и раньше, обязывались поставлять для лошадей фураж⁷⁴.

На экономическом положении трудящихся Левобережной Украины отрицательно отражались принудительные поставки волов и коней в действующую армию. Так, в 1735 г. для нужд армии предполагалось закупить 20 тыс. волов, в 1736 г. — дополнительно 1 тыс., а в 1737 г. купить 14 642 пары и взять бесплатно, "не обходя никого", до 22 тыс. пар волов. В 1737 г. царским правительством был издан указ, по которому население региона обязывалось поставить в армию 44 тыс. волов с тем "обнадеживанием", что в скором будущем за них произведется оплата. Кроме того, на пару волов необходимо было выделить по одному погонщику, содержание которого обеспечивалось бы за счет посполитых. В 1738 г. повелевалось предоставить 23 тыс. пар волов за плату⁷⁵. Но несмотря на царские указы, население региона из-за бедственного положения значительной части посполитых и рядовых казаков не могло, как правило, своевременно поставить такое огромное количество волов. Тем не менее, общее число волов и коней, предоставленных для армии в военное время достигало десятков тысяч голов, а хлеба при этом закупалось на сотни тысяч рублей⁷⁶.

Обычно населению левобережных полков за волов, коней или провиант для действующей армии царским правительством обещалась плата сразу "по приеме", в тот же день без "волокиты" и "замедления"⁷⁷. Но на самом деле выплата денег производилась крайне медленно, затягивалась на месяцы, а порой и вовсе не выдавалась. Частые поставки волов и коней в армию значительно подрывали состояние хозяйств посполитых и рядовых казаков, лишали их рабочего скота.

В первой четверти XVIII в. на посполитых, а также некоторых казаков, не отбывавших воинской службы, возлагалось еще и "довольствие натурой" наемного конного и пешего войска гетманского правления, известного под названиями "сердюков", "компанейцев" и т.д. Интересен в этом отношении универсал гетмана И. Скоропадского старшине А. Лизогубу, который "щитил" своих "подданных" от государственных повинностей (1713). "Прекладаю нам п. Андрей Лизогуб, знатный товарищ войсковою, — указываетеся в универсале, — иж любо в селе его Сосновце еден компанеец поставлен; еднак тепер внов и другого тудаж на стацию (на постой) определено, на которых посполитые люде звлаца на шляху мешкающие (особенно — как живущие на большой дороге) не могут отнюд месячного выстачити датку; теды

приказуем, абысте козацким суседем и тим, якие именуются быти козаками в том же селе Сосновке и некогда войсковою службы не отправуют, — и тепер их в походе нема, — велели заровно з посполитыми, месячную на помянутых двох компанейцев належитость без жадной спреки, отдавати”⁷⁸.

Следует отметить, что взимая стацию с подсоседков, гетманско-старшинская администрация освобождала от нее только тех из них, ”которые в дворах казацких мешкаючи, на чужие грунта, своих не маючи, з плугами, серпами, косами для зароботку ходят”⁷⁹.

Несмотря на запрещение именным царским указом 1723 г. собирать стацию, в некоторых местах Левобережья ее продолжали взимать. Так, Д.Апостол 24 июля 1729 г. разослал универсал, где между прочим указывал, что ”в тих ведомостях показани доходы, которые указами е.и.в. и нашими универсалами оных збирать не велено, а именно... с подсоседков казачих и мужичих стация”⁸⁰.

Исходя из содержания приведенных выше документов, можно сделать вывод об ошибочности утверждения В.А.Барвинского, что содержание компанейцев посполитыми прекратилось до гетманства И.Скоропадского⁸¹.

Об объеме стации и способах ее взимания немногочисленные документы упоминают вскользь, поэтому составить полное представление о ней трудно. В ведомости генеральных старшин ”О прежних сборах” от 11 августа 1722 г., направленной в Малороссийскую коллегия, значится, что в конце XVII — начале XVIII в. каждый рядовой компанеец получал по 4—6 руб. в год из арендных денег, а также месячную плату с посполитых: в летние месяцы по 8 гривен, а в зимние — дополнительно на овес еще 2 гривны (или несколько больше, в зависимости от стоимости самого фуража). Сердюкам давали по 2 руб. в год и кроме этого ежемесячно по 8 гривен и по суконному кунтушу. На постой как компанейцы, так и сердюки располагались в домах посполитых, реже рядовых казаков⁸². В ведомости старшин Черниговского полка от 10 июля 1729 г. указывалось, что в полку гетман И.Мазепа ”отставил стацею естных припасов, з посполитих людей собираемую, а взымал оную денгами”⁸³. Стация, собранная деньгами, как правило, сначала доставлялась ”до двора гетманского” каждый год на рождественский праздник, а затем уже в виде платы за службу распределялась между компанейцами и сердюками. Иногда в связи с обнищанием по гетманскому распоряжению от стации могли освобождаться посполитые некоторых сел и местечек. Так, гетман И.Скоропадский освободил от сбора стации жителей сел Мены и Сосница (Черниговский полк) из-за ”убожества тамошних посполитых обывателей”⁸⁴.

Следовательно, стация в первой четверти XVIII в. не имела строго фиксированного характера. Она могла взиматься с посполитых и рядовых казаков как натурой, так и деньгами. Однако денежные платежи, которые значительно легче было собирать, преобладали над натуральными поставками и постепенно их заменяли.

Таким образом, можно констатировать, что государственные повинности (поставки подвод и погонщиков, содержание войск, обеспечение действующей армии коньми и волами, работы на строительстве фортификационных сооружений и рытье каналов, выплаты стации и т.д.) распределялись среди посполитых и рядовых казаков в разные годы крайне неравномерно. В общей сложности государственные повинности натурой и денежные платежи у посполитых в среднем в 2 раза и более были выше, чем у рядовых казаков. В то же время при службе и работах на строительстве крепостей, оборонных линий и каналов главным образом использовался труд рядовых казаков. Государственные повинности выполняли крестьяне, мещане, а также подсоседки практически всех категорий маетностей, в том числе державцев и монастырей. Если сравнить объем натуральных повинностей с денежными платежами в пользу государства, то можно заметить, что на протяжении первой половины XVIII в. роль натуральных повинностей постепенно падает, а денежных — возрастает.

С развитием феодальных отношений на Левобережье заметно увеличивался объем повинностей в пользу державцев. Особенно больших размеров в частных, монастырских и ранговых имениях достигали барщина и оброк продуктами. Вместе с тем все значительнее становились и денежные платежи. Уже в начале XVIII в. в ряде старшинских и монастырских маетностей устанавливается двухдневная регулярная барщина, которая во второй четверти столетия достигла 4-5 дней в неделю. В целом же объем повинностей точно установлен не был, а потому зависел главным образом от местных условий, размеров хозяйства посполитых, потребностей и воли феодалов.

Характерным моментом при выполнении повинностей магистратскими, ратушными, отписными и свободными войсковыми посполитыми было то, что они в основной массе, как правило, не только "прислушали" магистратам или ратушам, давали "годовой оклад" деньгами и натурой, но также выполняли "работизны" на частных лиц. Чаще всего ими оказывались представители старшинской администрации.

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КЛАССОВ-СОСЛОВИЙ

1. Права и привилегии феодалов

Прежде чем перейти непосредственно к освещению поставленного в главе вопроса, необходимо рассмотреть и объяснить сущность самих понятий "классы" и "классы-сословия". В исторической литературе эти понятия нередко взаимоподменяют, не принимая во внимание их принципиального отличия.

Известно, что классы, как и сословия — это категория историческая. "Классами, — указывал В.И. Ленин, — называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства"¹. Их создание и формирование непременно сопровождается эксплуатацией человека человеком. "По мере того как происходит общественное развитие труда, — отмечал К. Маркс, — и таким образом труд становится источником богатства и культуры, — развивается бедность и обездоленность на стороне рабочего, богатство и культура на стороне нерабочего"². Далее К. Маркс сделал вывод: "Это — закон всей истории до настоящего времени"³.

Убедительно доказав, что в основе деления общества на классы лежат материальные, прежде всего экономические причины, марксизм тем самым полностью разоблачил различные идеалистические концепции (теорию насилия, биологическую и т.п.), авторы которых неправомочно отыскивали причины возникновения и эволюции классов в войнах, действиях биологических законов, характерах людей. Он обосновал историческое значение классовой борьбы как движущей силы общественного развития. В частности К. Маркс подчеркивал: "С самого начала цивилизации производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней"⁴.

Согласно марксистско-ленинскому учению деление общества

не только на классы, но и на сословия являлось характерным для докапиталистических формаций. По этому поводу В.И. Ленин писал: "Сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий. Говоря о классах просто, мы разумеем всегда бессословные классы капиталистического общества"⁵. В другой своей работе он подчеркнул, что "деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные"⁶. Причем наличие сословий в средние века марксизм рассматривает как политическое существование сословий. В свою очередь "...их существование было существованием государства"⁷.

В феодальном как и в рабовладельческом государстве каждый класс-сословие занимал свое особенное место в общей иерархической структуре общества и имел характерные, присущие только ему, экономические признаки. "... В рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями"⁸.

Следовательно, главное отличие класса от сословия составляло то, что классы различались между собой лишь экономическим положением, а наличие сословий предусматривало еще и юридическое закрепление их социального статуса.

Вместе с тем, указывая на значительную разницу между отдельными классами-сословиями, основоположники научного коммунизма доказывали: они не могли существовать изолированно, независимо один от другого. "Все сословия и классы, — писал Ф.Энгельс, — которые появлялись на исторической арене с X века, — дворянство, крепостные, крестьяне-барщинники, свободные крестьяне, мелкие буржуа, подмастерья, рабочие мануфактур, буржуа и пролетарии — существовали один подле другого"⁹. Они "...составляли чрезвычайно хаотическую массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными"¹⁰.

Эти положения основоположников научного коммунизма о классах-сословиях относятся и к истории Левобережной Украины первой половины XVIII в., феодальное общество которой состояло из классов-сословий (шляхты, казачества, духовенства, крестьянства и мещанства).

Естественным результатом процесса роста крупной земельной собственности, происходившего в условиях усиления социального угнетения посполитых и рядовых казаков, явилось постепенное сосредоточение в руках феодалов-державцев (прежде всего старшины) судебной, административной власти, финансового и военного руководства¹¹. Это, в свою очередь, предполагало значительное расширение их сословных преимуществ по сравнению с феодално зависимыми группами населения.

В первой половине XVIII в. в особом привилегированном положении находились казацкая старшина и зажиточная украинская шляхта. Подобно старшинам шляхтичи занимали должности в гетманской администрации, пользовались такими же феодальными правами, за что обязывались к выполнению службы в казацком войске. Поэтому в источниках между теми и другими мы не находим принципиального различия. Нередко они одинаково именуются "панами", "знатными войсковыми товарищами" и т.п. Малочисленные шляхтичи как бы растворяются среди казацкой верхушки и выступают под одним названием — старшина. Среди таких можно, например, назвать семьи Адосовских, Болдаковских, Бутовичей и др. Основатели этих родов были "шляхетне урожонные", а уже представители последующих поколений в XVIII в. занимали ранги сотников, полковой и генеральной старшины, становились "значковыми товарищами". В материалах ревизий того времени шляхта, как правило, не выделяется в отдельное сословие. Так, ревизией 1723 г. в 10 полках выделены следующие социальные группы населения: 1) старшина, 2) духовенство, 3) рядовое казачество, 4) посполитые. Причем, общее количество старшинских дворов (в материалах ревизии отсутствуют данные о численности дворов генеральных старшин и сотников Черниговского полка) достигало 1054, что составляло около 0,5 % общего числа дворов¹². По ревизии 1725 г. в 8 полках (Прилукский — 8 сотен, Черниговский — 16, Полтавский — 16, Стародубский — 9, Переяславский — 17, Гадячский — 11, Нежинский — 20, Лубенский — 11) значилось дворов, принадлежавших полковникам, 7, наказным полковникам 1, полковой старшине 54, сотенной и городской (имеются в виду атаманы, войты, бурмистры, городовые писари и есаулы) — 488, а всего 550¹³. В материалы ревизии не внесены данные о количестве дворов генеральной старшины, а также полковников, полковых, сотенных и городских старшин Киевского (11 сотен) и Миргородского (15 сотен) полков. Однако вполне можно допустить, что общее количество старшинских дворов в 10 полках в 1725 г. не превышало 1 тыс. (или около этого). В последующие годы численность старшинских дворов в полках и сотнях продолжала составлять незначительную часть (до 1 %) от общего количества дворов населения.

В конце XVII — начале XVIII в. в особую привилегированную группу из казацкой верхушки и украинской шляхты выделяется так называемое бунчуковое товарищество*. Сюда входили главным образом сыновья генеральных старшин, полковников и "знатнейшего" шляхетства. В их обязанность в военное время вменялось постоянно находиться при гетмане, охранять символы его власти: бунчук и хоругвь. Непосредственно бунчуковые товарищи пребывали под начальством генерального бунчужного. Служили они практически без жалования (на собственном содержании) и не имели определенной должности. Первое время их количество не превышало 100 человек, но впоследствии оно несколько увеличилось. Бунчуковые товарищи, находясь под покровительством гетмана, держали себя независимо от полковых и сотенных властей и часто не желали им подчиняться.

Среди казацкой верхушки особо выделились и значковые товарищи. Ими в основном становились сыновья полковых и сотенных старшин, которые не занимали административно-войсковых должностей. Именным царским указом от 8 августа 1734 г. количество значковых товарищей определялось в 420 человек¹⁴. Они выполняли "партикулярные услуги" генеральным и полковым старшинам, наблюдали за ведением хозяйства в их имениях¹⁵.

Наиболее заслуженные и зажиточные казаки могли носить также звание знатного войскового товарища. Чаще всего оно давалось отставным генеральным старшинам и полковникам, которые нередко обладали в полку большим авторитетом и влиянием. Менее богатые и заслуженные могли носить звание знатного товарища такого-то полка или сотни.

В первой половине XVIII в. права феодалов над посполитыми значительно расширились и укрепились. Запрещение старшиной и шляхтой (нередко оформленное юридически) продавать землю крестьянам, мещанам и рядовым казакам, часто самопроизвольное установление, а затем увеличение ими объема феодальной ренты свидетельствовало о значительной феодальной зависимости последних. За неповиновение своему собственнику царское правительство в жалованных грамотах старшине разрешало жестоко "качать" посполитых, грабить их имущество. Различные меры наказаний посполитых за "ослушание" предусматривались и гетманским правлением. Так, нежинский полковник Л. Жураковский в своем "листе" приказывал крестьянам с. Переходовка (Нежинский полк), которое принадлежало мринскому сотнику Ф. Тарасевичу, неукоснительно "воздавати послушенство; а мел бы хто колвек спречним у звичайном деле знайдоватись, таких позволяем карати" (1716)¹⁶. Особенно часто посполитые подвергались жестоким наказаниям за то, что без ведома своего державца вписывались в казаки. Например, в универсале

1710 г. гетмана И. Скоропадского "пане" Пашковской — вдове полковника "пишно и грозно" приказывалось, чтобы крестьян, "которые, ухилиячися в посполитой тяглости, самоволне до компуту козацкого тиснутця, такових... грабити и до належитих посполитих работизи потягаты и примушаты"¹⁷. Жалованными грамотами царей и гетманскими универсалами категорически запрещалось кому-либо из старшинской администрации или частных лиц вмешиваться во внутренние дела державца на территории его маестности: "чинити перешкоды, перепони и трудности"¹⁸. Царское правительство, выдавая старшинам грамоты на дворянство, обязывало всех "почитать" и "признавать" их лично, и также их "потомство"¹⁹.

Существенной привилегией казацкой старшины и украинской шляхты являлось их полное освобождение от государственных повинностей и поборов. Кроме того, старшина и шляхта пользовались правом свободного занятия промыслами и торговлей, охотой и рыбной ловлей. За ними жалованными грамотами, гетманскими универсалами юридически утверждалось право собственности на движимое и недвижимое имущество.

Попыткой законодательно уравнивать и закрепить феодальные права этих двух социальных групп стало составление "Прав, по которым судится малороссийский народ...". По этому своду законов право на "шляхетское достоинство" могли иметь уже не только лица, получившие на него от царского правительства особую жалованную грамоту или "диплом", а казацкая старшина, начиная с генеральной и кончая сотниками. Включались сюда также бунчуковые, знатные войсковые и значковые товарищи. Их права и привилегии распространялись также на дегей²⁰. При этом казацкая старшина становилась относительно замкнутым сословием. В нее избирались представители местных "родимцов, из людей заслужоних... и кто по усмотрению и определению вишшаго правления чин получит"²¹. Люди "посполитой породы" не смели присваивать "чести и волности шляхетского или воинского (т.е. казацкой старшины. — (Авт.) званія людей", если они не были пожалованы самим царем. "Да их же посполитых, — указывается в своде законов, — вишше шляхти предпочитати никто не имеет"²².

Среди казацкой старшины устанавливалась строгая иерархия. Находясь в воинских командах, занимая должности в правительственных учреждениях, заседая в судах и т.п., каждый из них обязан "ведати место свое, и по достоинству чина своего, в котором кто состоит, надлежащим порядком вишшаго нижший предпочитати имеет"²³. Шляхту и старшин запрещалось "поработати" и "верстати" в посполитые, отбирать у них "волности". Они освобождались от различных государственных повинностей, не платили налогов с индукты, "мостового", "перевозного" и "погребель-

ного". Им вменялось в обязанность только несение воинской службы. Если родные братья или другие близкие родственники мужского пола, достигшие совершеннолетия, проживали в одном неразделенном имении, то на воинскую службу они могли определять одного члена семьи с общего согласия или в порядке очередности (жеребьевки). Родственники призванного на военную службу должны были содержать его за счет дохода с маетности, которая находилась в их совместной собственности²⁴.

Однако привлечение к воинской службе привилегированной казацкой верхушки являлось далеко не легким делом. В первой половине XVIII в., несмотря на указы, штрафы и угрозы, бунчуковые и значковые товарищи уклонялись от прямых войсковых обязанностей, не являлись вовремя на сборные пункты.

Судиться шляхтич или представитель казацкой старшины мог только в том суде, который соответствовал его "рангу" и званию. Суд, не отвечавший социальному положению того или иного лица, не имел право вести его дело. Исключения составляли уголовные и государственной важности (например, измена) дела. В этом случае их решение переносилось в высшие судебные инстанции²⁵. Тем не менее не мог судиться, например, сотник в сотенном суде, а полковник в полковом, так как сами руководили им и представляли судебную власть той или иной административной единицы.

Власть феодалов над своими подданными никем не ограничивалась. За ослушание или проступок державец мог наказывать посполитого по личному усмотрению, а при совершении им уголовных преступлений отдавать под суд. Употреблять в различные "работизны" феодально зависимых крестьян без ведома их собственника запрещалось²⁶.

"Права, по которым судится малороссийский народ..." предусматривали и лишение привилегий шляхтича или старшины. Это случалось тогда, когда вдова первого или второго выходила замуж за посполитого²⁷.

Несмотря на то что свод законов не был санкционирован царским правительством, в нем в определенной степени нашло отражение существовавшее на практике феодальное право, четко обозначились те права и привилегии, к юридическому узаконению которых так настойчиво стремились казацкая старшина и украинская шляхта.

Кроме старшины и шляхты, широкими правами и привилегиями на Левобережной Украине в первой половине XVIII в. продолжала пользоваться верхушка православного духовенства. В исследуемый период духовенство в целом не представляло собой замкнутого сословия. Нередко, особенно в конце XVII — начале XVIII в., низшие духовные должности приходских священников занимались из "достоинных" лиц по выбору самих прихожан²⁸. Ча-

сто ими оказывались представители казачества. Случалось, что казаки, служившие в войске и даже занимавшие "уряд" в старшинской администрации, затем оставляли его и приобретали духовный сан. Священники могли становиться казаками. Детей духовенства, которые бы пожелали "отправлять" воинскую службу, в соответствии с указом 1734 г. предполагалось определять в значковые товарищи²⁹. В документах встречаются упоминания о назначении в "духовные персоны" из посполитых³⁰. Тем не менее феодальными правами и привилегиями во всем их объеме и широте пользовалась лишь верхушка духовенства.

Характеризуя средневековое духовенство, Ф.Энгельс писал: "Духовенство распадалось на два совершенно различных класса. *Аристократический* класс составляла духовная феодальная иерархия: епископы и архиепископы, аббаты, приоры и прочие прелаты. Эти высшие сановники церкви либо сами были имперскими князьями, либо же в качестве феодалов, подчинявшихся верховной власти других князей, владели обширными пространствами земли с многочисленным крепостным и зависимым населением. Они не только эксплуатировали своих подданных так же беспощадно, как дворянство и князья, но действовали еще более бесстыдно. Для того, чтобы вырвать у подданных последний грош или увеличить долю наследства, завещаемую церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедални"³¹. Вместе с тем, указывал далее Ф.Энгельс, "*плебейская часть духовенства состояла из сельских и городских священников. Они стояли вне феодальной иерархии церкви и не имели доли в ее богатствах*"³².

Духовенство православных монастырей, которых на Левобережье в XVIII в. насчитывалось около 60, подобно старшине и шляхте, освобождалось от государственных повинностей и поборов. Наоборот, гетманы нередко отчисляли некоторую часть налоговых сборов монастырям "на ладан" и другие нужды, запрещали кому бы то ни было без особых причин вмешиваться в их дела. За самовольное вписывание монастырских посполитых в казацкий реестр или другое неповиновение "святой обители", как это, например, указывалось в универсале 1713 г. гетмана И.Скоронадского Никольскому Крупинскому монастырю (Нежинский полк), разрешалось "всех тих легкомыслных в первобитное подданство" возвращать, а "отцу игумену грабиты и вязенем до того послушенства притягати"³³. За "не всякое послушание" высшему духовенству подданным грозило "жестоким войсковым смертным каранем"³⁴. Местные власти при этом должны были во всем способствовать монастырям. Старшинской администрации и частным лицам запрещалось пользоваться монастырскими угодьями. С лю-

дей торговавших, занимавшихся каким-либо промыслом или ремеслом в маестности монастыря, гетманское правление позволяло взимать в пользу "святой обители" значительные налоги, что также способствовало его быстрому обогащению³⁵. По просьбе монастыря ему давалось монопольное право на винокурение и торговлю водкой в его маестностях³⁶.

Составители "Прав, по которым судится малороссийский народ..." приравнивали духовенство, по его сословным правам и привилегиям, к казацкой старшине и украинской шляхте³⁷. Священником в городе, местечке или селе уже назначался кандидат, выдвинутый непосредственно прихожанами и местной администрацией, а в частных имениях прихожанами и собственниками. К нему ставились требования быть "православния веры, честнаго обхождения и доброго состояния, учителний, из законнаго супружества рожденний, не новокрещенний, не младолетний, но лет совершенних, и во всем такого чина достойний"³⁸. После избрания он обязывался представлять об этом письменное свидетельство архиерею местной епархии для подтверждения его назначения.

По своду законов духовенство, как шляхта и казацкая старшина, освобождалось от выполнения государственных повинностей. Оно не было подвластно судам "мирского звания". Но если речь шла о грабеже или нанесении побоев, спорах за земельные угодия между светскими и духовными особами, то в таком случае решение по этим вопросам выносилось на рассмотрение суда по месту жительства (земский, гродский, полковой суды и т.п.). Когда же возникал спор за монастырские земли, пожалованные царскими грамотами и гетманскими универсалами, тогда дело разбиралось в Генеральной войсковой канцелярии или в генеральном суде³⁹.

Для первой половины XVIII в. характерно постоянное стремление духовных феодалов выйти из подчинения светских властей, что, в частности, проявилось в их нежелании судиться в гражданских судах⁴⁰.

Таким образом, среди социальных групп населения Левобережной Украины господствующее положение занимала казацкая старшина, захватившая ключевые позиции в экономике и управлении краем. Она широко пользовалась правом наследственной земельной собственности, свободного занятия промышленной и торговой деятельностью, "отбирания послушенства" у посполитых. Старшина освобождалась практически от всех видов повинностей и поборов. Ее единственной обязанностью являлось несение воинской службы, которая в большинстве случаев тяжелым бременем ложилась на плечи рядового казачества. К старшине в экономическом и социально-правовом отношении очень тесно примыкала украинская шляхта, которая занимала административные и военные должности.

Подобно старшине и шляхте привилегированное положение занимало и высшее православное духовенство. В решении церковных дел ему принадлежала вся полнота власти. Высшее духовенство также освобождалось от государственных повинностей и выплаты обременительных поборов.

В целом, в ходе развития производственных отношений на Левобережье наблюдались сложные процессы: с одной стороны, стремление господствующего класса к установлению сословной замкнутости и строгой иерархии, с другой — углубление капиталистических тенденций в социально-экономической сфере жизни населения (формирование частной собственности на землю, концентрация капитала, увеличение значимости вольнонаемного труда и т.д.), которые неуклонно расшатывали существовавшие феодальные устои.

2. Рядовое казачество и его место в общей структуре феодального общества

После успешного завершения освободительной войны украинского народа против шляхетской Польши (1648—1654) на Левобережье до 80-х годов XVIII в. сохранялись вооруженные силы — казачье войско. Наличие казачьего войска, входившего в состав русской армии, предусматривалось "Мартовскими статьями" 1654 г.⁴¹ В период своего существования левобережное казачество как часть служилого класса-сословия в социально-правовом и экономическом отношении не являлось однородным. Наиболее многочисленную группу представляли "городовые" казаки. Такое название часто применялось в официальных документах царскими чиновниками и местными властями с тем, чтобы различать казаков, живущих на "волости", т.е. в городах, местечках, селах и хуторах, от "низовых" — запорожских казаков. Городовые казаки, в свою очередь, делились на "конных" и "пеших".

Большую часть городского казачества составляли лица, которые, словами источников, "от деда и отца и сами" служили в войске. В компутах (списках-реестрах), где велся их учет по полкам и сотням, они фигурировали как "старинные" или "старые" казаки. Однако в компуты, особенно накануне или в период военных походов, записывались и представители других сословий, в частности, крестьяне и мещане. Происходило это, главным образом, тогда, когда у царского правительства и гетманского правления возникала потребность в максимальном увеличении войска, а казаков, способных нести воинскую службу, в полку не хватало. Так, уже в "Коломацких статьях" (1687) указывалось: "А чего старих козаков в полках в тридцати тысячах не достанет, и в то число принимат в козаки мещанских и поселянских детей"⁴².

Вопрос о привлечении посполитых для службы в войске остро встал во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. В частности, в 1737 г. Лубенская полковая канцелярия получила ряд царских указов, где требовалось пополнить казацкое войско за счет способных к службе посполитых. Поэтому местная администрация потребовала от значкового товарища Ю.Косинского применять любые меры лишь бы "к походу в крайней готовности и во всякой войсковой исправности" находились не только казаки, но мещане и крестьяне полка. Когда же относительно их поступил распоряжение, все они должны "неотменно в один час вступить и следовать куда повелено будет"⁴³. Подобные указы получала старшинская администрация других полков.

Возвратившись из военного похода домой, посполитые нередко считали себя уже вправе претендовать на переход в казацкое сословие. Нередко они отказывались выполнять прежние феодальные повинности и сообщали администрации, что являются казаками, так как призывались на службу в армию в качестве казаков. Иногда наиболее зажиточные из крестьян или мещан действительно в материалах ревизий вписывались чиновниками в казацкое сословие.

Количество городских казаков на протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. не было постоянным: оно то возрастало, то значительно уменьшалось. Так, согласно "статьям" 1654 и 1674 гг., в связи с отсутствием необходимости в большом количестве регулярного казацкого войска его численность официально предполагалось сократить с 60 до 20 тыс.⁴⁴ "Коломацкие статьи" предусматривали существование на Украине 30 тыс. реестровых казаков⁴⁵. Однако в действительности казаков насчитывалось гораздо больше. Главной причиной такого явления было то, что значительная часть казачества не желала добровольно переходить в сословия крестьянства или мещанства. Д.Н.Бантыш-Каменский, использовавший материалы ревизии 1723 г. по десяти полкам (131 сотне) Левобережной Украины, привел следующие данные⁴⁶ (табл. 5).

Следовательно, всех конных и пеших городских казаков в десяти полках насчитывалось 55 240. Причем в их среде преобладала группа конных казаков (почти в 2,5 раза больше, чем пеших), что в значительной степени обуславливало возможность казачества заниматься сельским хозяйством и служить в войске. Других обобщенных и более подробных (относительно имущественного положения) сведений о городском казачестве в первой четверти XVIII в. в источниках не сохранилось.

Вторую социальную группу составляли казаки "охотничьих" (наемных) полков. Эти полки были сформированы еще в 70-х годах XVII в. гетманским правлением и использовались им главным

образом для подавления антифеодалных выступлений народных масс. Экономическое и правовое положение городских и охотничьих казаков имело определенные отличия. Городовые казаки обязывались старшинской администрацией при первой же необходимости (в случае войны, строительства фортификационных сооружений и т.д.) прибыть в войско, имея с собой оружие, боевое снаряжение, на несколько дней

Т а б л и ц а 5. Количество дворов конных и пеших казаков по материалам ревизии 1723 г.

Название полка	Количество сотен в полку	Число дворов казаков	
		конных	пеших
Стародубский	9	3116	1007
Черниговский	16	4584	1822
Киевский	8	1657	1269
Нежинский	19	6566	3379
Прилукский	8	1627	1075
Переяславский	17	4512	2188
Лубенский	11	3968	2687
Гадячский	11	3903	1906
Миргородский	15	4386	454
Полтавский	17	4381	753
Всего	131	38700	16540

провизию и все прочее, необходимое для продолжительных походов или службы. За неявку, а также самовольный уход из войска им со стороны гетманского правления "по войсковым правам" грозило тяжелое наказание "на теле"⁴⁷. Охотничьи казаки, напротив, добровольно ("охотники", отсюда и название полков) нанимались на службу. За нее они получали плату, продовольствие, амуницию и т.п. В охотничьи полки набирались мещане, городовые казаки, реже крестьяне, стремившиеся таким образом избавиться от усиливавшегося феодального гнета, а также выходцы из Правобережья, Галичины, Валахии и т.д. В XVIII в. гетманское правление запретило принимать в охотничьи полки представителей из крестьянства и городского казачества. В первой половине XVIII в. количество охотничьих казаков достигало всего 500—600 человек⁴⁸.

Как видим, группа охотничьих казаков была относительно немногочисленной и составляла только 1,2—1,25 % общего количества городских казаков.

В архивных материалах и опубликованных документах первой половины XVIII в. встречаются и другие названия казаков в зависимости от рода их службы или занятия: "куренчики", "стрельцы", "бобровники", "пташники", "конюшевы" и "палубничие".

Так, городское управление Нежина в 1733 г. сообщило Генеральной войсковой канцелярии, что мещане всех трех полковых и некоторых "окольных" сотен раньше по всем документам проходили как посполитые, а теперь пишутся куренчиками⁴⁹. Экономическое положение куренчиков как одной из категорий казачества не было одинаковым. Например, в 1735 г. за генеральным обозным Я.Лизогубом значилось 28 куренчиков, из них 3 "грунтовых", 15 "малогрунтовых", 10 "нищих"⁵⁰.

Куренчики закреплялись администрацией за гетманами, генеральными старшинами, полковниками для выполнения личных поручений, "войсковых дел", а также для работы в их имениях. За это старшина нередко освобождала куренчиков от участия в военных походах⁵¹. Их количество точно не устанавливалось и потому во многом зависело от потребностей старшины. У отдельных ее представителей насчитывалось порой 100 и более куренчиков⁵².

Казаки-стрельцы получили свое название от того, что занимались охотой (стреляли дичь) и поставляли ее "на кухню" гетманов или полковников. Известно также и другое использование стрельцов. В Киеве, например, они строили мосты через р. Днепр, косили сено и пасли коней для полковников: "зиму и осень по вся годы с лесу не сходят, все на мост лес рубят, да брусья готовят; а летом на полковников сено косят, да кони их пасут" (1701)⁵³. Процент стрельцов среди общей массы казачества был невысок. Так, по ведомости 1730 г., в Черниговском полку проживало лишь 105 стрельцов⁵⁴.

Бобровники и пташники, как видно уже из самих названий, отлавливали для гетмана бобров и птиц.

Всего казаков указанных категорий на Левобережье в первой половине XVIII в. насчитывалось несколько тысяч. За работу в пользу старшин они освобождались от войсковой службы.

Палубничие и конюшевцы в мирное время прислуживали при доме гетмана или полковников, а в период военного похода находились при их обозе. Само название первых происходит от слова "палуба" — повозка, вторых — от рода занятий: в обозе они наблюдали за гетманскими лошадьми. Кроме этих повинностей и "дачи на консистентов", палубничие и конюшевцы от других казачьих служб, как правило, освобождались⁵⁵.

Превращение гетманом и старшиной казаков в куренчиков, стрельцов, бобровников, пташников, палубничих и конюшевцев представляло собой одно из переходных звеньев к закреплению рядового казачества и вело к сокращению боевого состава войска.

На протяжении второй половины XVII — первой половины XVIII в. за казаками были закреплены определенные права и привилегии, которые постепенно ограничивались царским правительством и старшинской администрацией. Это нашло отражение в гетманских "статьях". Очень важным в положении рядовых казаков являлось то, что они юридически считались свободными. За ними, в отличие от посполитых, законодательно утверждалось право на наследственное владение землей. Уже в "Мартовских статьях" указывалось: "Именей казацких чтоб никто не отнимал, которые землю имеют и с тех земель пожитки чтоб при тех имениях добровольно были, так же бы и вдов после казаков остальных дети так же ж

вольности имели, как предки и отцы их"⁵⁶. "Статьи" 1654—1687 гг. предусматривали не только право казаков на передачу по наследству движимого и недвижимого имущества (дома, скот, мельницы, огороды, пасеки, поля и т.п.), но и освобождение их от государственных повинностей и поборов, право заниматься промыслами, ремеслами и торговлей, охотой и рыбной ловлей, использование привилегии пропинации (свободной торговли спиртными напитками), подчинение особой казацкой юрисдикции. Судить казаков мог только войсковой суд в лице гетмана, генеральной старшины, полковников, сотенной администрации. Казацкие дворы освобождались от постоев солдат русской армии и подводной повинности⁵⁷. Эти права и привилегии казаков неоднократно подтверждались царскими грамотами и гетманскими универсалами.

Тем не менее уже в "статьях" гетмана И. Скоропадского (1722) и Д. Апостола (1728) наряду с подтверждением "давних" прав и привилегий казаков отмечалось, что во дворах рядовых казаков находятся на постое офицеры и солдаты, а сами они принуждаются к подводной повинности и выплате государственных поборов и налогов⁵⁸.

Усиление феодальной эксплуатации основной массы казачества являлось одной из главных причин все большего его расслоения и выделения зажиточной группы. Так, из материалов ревизии Черниговского полка 1735 г. узнаем, что из всех 5800 дворов казаков тут значилось 579 "грунтовых", 1935 "мало грунтовых", 3286 "нищих". Коней и необходимое воинское снаряжение имели казаки 2788 дворов, коней — 1029, воинское снаряжение — 158, не имели ни коней, ни снаряжения ("пешо безоружейных самих нищих") 1825 дворов⁵⁹.

Если сравним эти данные с приведенными выше материалами ревизии 1723 г., то увидим, что по Черниговскому полку численность дворов городских казаков, имевших лошадей, сократилась более чем в 4 раза, а количество безлошадных практически не изменилось. Сокращение первой категории казаков объясняется двумя главными причинами: 1) невозвращением значительной части конных казаков из военных походов и 2) переходом их в феодально зависимые группы населения.

Материалы ревизии старшинской администрации 1736 г. по семи левобережным полкам (Стародубский, Нежинский, Черниговский, Киевский, Лубенский, Миргородский, Прилукский) свидетельствуют о том, что дворы казаков "мало грунтовых", "нищетных", "крайне нищетных" и имевших только огороды, составляли более 60 % их общего числа⁶⁰.

Из таблицы 6 видно: наибольшее число дворов "грунтовых" казаков находилось в Черниговском, Нежинском и Миргородском полках, "мало грунтовых" и "нищетных" — Лубенском и

Т а б л и ц а 6. Расслоение казачества по материалам ревизии 1736 г.
(количество дворов)

Наименование полка	Грунто- вые	Средне грун- товые	Мало грун- товые	Огород- ники	Нищет- ные	Крайне нищет- ные
Стародубский	—	—	264	370	78	117
Нежинский	545	—	3331	—	5055	—
Черниговский	649	—	1400	—	3721	—
Киевский	241	—	1802	—	1381	—
Лубенский	265	937	3309	—	8457	204
Миргородский	356	—	2078	—	2649	—
Прилуцкий	139	328	1387	—	698	4227
Всего	2195	1297	13571	370	22039	4548

Нежинском полках. Более 90 % всех "крайне нищетных" дворов казаков приходилось на Прилуцкий полк.

Уже с конца XVII в. безлошадное и безоружное казачество в силу своего нищенского материального положения систематически не принимало участия в военных походах и службе и вынуждено было постепенно переходить в различные социальные группы посполитых. В одном из документов гетманского правления того времени указывается на этот факт и проводится идея об официальном разграничении казаков на зажиточную верхушку и рядовое, в значительной мере обедневшее казачество. "Казаки, — говорится в документе, — которые никогда не несут военной службы, были бы помощниками тяглым людям в кормлении компанейцев и пехотного товарищества" (1698)⁶¹.

Такое расслоение казачества (выделение в отдельную группу подпомощников) получило юридическое оформление в гетманском универсале 1701 г. А согласно царскому указу 1735 г. все казаки разделялись на выборных и подпомощников. Следуя этому указу князь А.И.Шаховский издал специальное распоряжение "О разделении малороссийских казаков на "выборных" и "подпомощников"⁶². В основу такого деления ставился принцип материальной обеспеченности каждого в отдельности казака. По указу выделялось пять категорий казаков, которые могли назначаться выборными: 1. Наиболее богатые, владевшие пахотными полями, сенокосами, лесом, имевшие мельницы, винокурни, солодовни, пасеки, крупный скот, занимавшиеся доходными промыслами. 2. Казаки, обеспеченные достаточным количеством земли, сенокосами, лесом, а "больше ничего не имевшие". 3. Владельцы пахотного поля от 5 до 10 четвертей, а также сенокоса на 10—50 везов. Причем такие казаки должны были иметь не только членов семьи, способных обрабатывать землю во время пребывания первич в военном походе. 4. Казаки, которые совсем или частично отделились от земледелия и обладали одной винокурней на два котла.

солодовней или мельницей на реке, а также казаки без каких либо угодий, но занимавшиеся "знатными" или "средними" промыслами (т.е. занимавшиеся промыслами со значительной прибылью). 5. Казаки, основным занятием которых, кроме службы в войске, являлось скотоводство. Чтобы получить статус и звание выборного им необходимо было в своем хозяйстве постоянно держать 2—3 коня, 2—3 вола и отару овец или же вместо всего этого большую пасеку. Такой категории выборных допускалось оказание "подмоги" лишь в том случае, когда в полку существовал резерв подпомощников.

В подпомощники в соответствии с этим же распоряжением записывали казаков не занимавшихся никакими промыслами, имевших хаты, коней и оружие, "семянистых", способных казаку выборному "подмогу учинять, как ему служить надлежит совсем"⁶³.

Впоследствии выборные казаки освобождались старшинской администрацией от выполнения государственных повинностей, а также взимания с них "рационов" и "порционов". Им вменялось в обязанность только несение военной службы со своим собственным снаряжением, оружием и лошадьми. Подпомощники принуждались доставлять в войско продовольствие, фураж, возделывать земли выборных казаков в период пребывания последних в походах. С подпомощников, как и посполитых, правда в половинном размере, брались "порционы" и "рационы"⁶⁴.

Подпомощники для "подмоги" назначались в зависимости от материальной обеспеченности выборных казаков. Выборным, занимавшимся скотоводством, должны были прислуживать наиболее бедные подпомощники. "Мало грунтовые" или "безгрунтовые" подпомощники, имевшие только хаты, приписывались к выборным, которые владели относительно небольшим количеством пахотной земли.

Разделение казаков на выборных и подпомощников часто приводило к разного рода злоупотреблениям. Представители старшинской администрации по своему желанию и за взятки переводили в категории выборных заинтересованных лиц. А те "сложивши чрез то все должности (повинности. — Авт.) с себя на подпомощников", освобождались "во все время от всяких дач, не отправляя при том и той службы, для которой избраны", — так отмечалось в одном из официальных документов середины XVIII в.⁶⁵

Следовательно, царский указ и распоряжение А.И.Шаховского от 1735 г. юридически подтвердили уже фактически существовавшее имущественное неравенство среди казачества, законодательно закрепили привилегированное положение выборных и одновременно практически отменили все "давние" права и привилегии рядовых казаков.

В дальнейшем обезземеленные и обедневшие подпомощники, как правило, постепенно сливались с феодально зависимыми груп-

нами населения или шли в наем к богатым казакам. В 1783 г., после юридического оформления крепостного права на Левобережной Украине, царское правительство уравнило в правах подпомощников с государственными крестьянами. Зажиточные выборные казаки, нанимавшие нередко вместо себя для несения воинской службы посторонних людей и занимавшие должности в старшинской администрации, становились часто крупными собственниками, хозяйства которых с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений все больше капитализировались.

Представление о соотношении численности дворов подпомощников и выборных, о материальном положении казаков дают материалы ревизии Генеральной войсковой канцелярии 1743 и 1751 г.⁶⁶ (табл. 7, 8, 9, 10).

Т а б л и ц а 7. Количество дворов выборных казаков и их категории по ревизии 1743 г.

Название полка	Можно грун- товые	Средне грун- товые	Мало грун- товые	Нищет- ные и крайне нищет- ные	Пешие	Всего дворов
Лубенский	27	222	2905	471	—	3625
Стародубский	2	67	834	281	—	1184
Киевский	?	?	9	275	?	284
Полтавский	34	—	575	1033	—	1642
Прилукский	2	29	511	843	—	1385
Гадячский	156	651	—	1255	—	2062
Миргородский	15	48	655	759	—	1477
Нежинский	4	—	433	2557	—	2994
Черниговский	40	—	612	978	68	1698
Переяславский	—	12	422	1804	—	2238
Всего	280	1029	6956	10256	68	18589

Т а б л и ц а 8. Количество дворов подпомощников и их категории по ревизии 1743 г.

Название полка	Можно грун- товые	Средне грун- товые	Мало грун- товые	Нищет- ные и крайне нищет- ные	Пешие	Всего дворов
Лубенский	—	3	741	2418	3697	6859
Стародубский	—	13	647	1147	—	1807
Киевский	—	—	—	2051	—	2051
Полтавский	—	—	113	4007	—	4120
Прилукский	—	1	92	2234	—	2327
Гадячский	—	111	—	4606	—	4717
Миргородский	—	3	210	1198	629	2040
Нежинский	1	2	56	4943	—	5002
Черниговский	3	—	47	1270	1982	3302
Переяславский	—	—	—	—	2357	2357
Всего	4	133	1906	23874	8665	34582

Т а б л и ц а 9. Количество дворов выборных и их категории по ревизии 1751 г.

Название полка	Можно грун- товые	Средне грун- товые	Мало грун- товые	Нищет- ные	Всего дворов
Лубенский	39	360	1808	909	3116
Стародубский	—	31	878	258	1167
Киевский	—	1	38	750	789
Полтавский	17	—	343	1137	1497
Прилукский	—	3	217	1059	1279
Гадячский	5	210	726	1063	2004
Миргородский	29	121	653	973	1776
Нежинский	—	8	141	2779	2928
Черниговский	—	—	103	1415	1518
Переяславский	173	633	1089	373	2268
Всего	263	1367	5996	10716	18342

Т а б л и ц а 10. Количество дворов подпомощников и их категории по ревизии 1751 г.

Название полка	Можно грун- товые	Средне грун- товые	Мало грун- товые	Нищет- ные	Всего дворов
Лубенский	2	11	471	5366	5850
Стародубский	—	10	442	2076	2528
Киевский	—	—	3	2123	2126
Полтавский	1	—	7	3760	3768
Прилукский	—	1	36	1421	1458
Гадячский	—	5	274	1904	2183
Миргородский	—	1	90	2089	2180
Нежинский	—	—	7	5970	5977
Черниговский	—	—	1	3198	3199
Переяславский	1	28	266	2321	2616
Всего	4	56	1597	30228	31885

Как видно из материалов ревизий 1743 и 1751 гг., численное соотношение между дворами выборных и подпомощников изменилось несущественно и в большинстве случаев достигало 1 : 1,5—2,5, т.е. на одного привилегированного казака в полку приходилось в среднем по одному-два, реже по три подпомощника. Среди дворов подпомощников в 1743 и 1751 гг. существовало только 4 двора "можно грунтовых" (менее 0,01 %). Дворы "мало грунтовых", "нищетных", "крайне нищетных" и "пеших" подпомощников в 1743 г. в 259 раз превышали число дворов "средне грунтовых" подпомощников. В 1751 г. количество дворов "мало грунтовых" и "нищетных" подпомощников в 568 раз было больше, чем дворов "средне грунтовых" подпомощников. Эти данные свидетельствуют о быстром обнищании основной массы подпомощников за относительно короткое время.

Значительное количество бедных казаков существовало и среди выборных: "можно грунтовые" в 1743 и 1751 гг. составляли до 1 %, численность "мало грунтовых", "нищетных" и "крайне нищетных" в десятки раз превышала численность "средне грунтовых".

Постепенное обнищание рядовых казаков заставляло многих из них не только оставлять воинскую службу, но и выходить из казацкого сословия, обращаться к различного рода занятиям. Ведомость Черниговского полка 1730 г. о казаках, "которые сами дворами живут, а грунтов не имеют" называет такие занятия казаков: торговля солью, рыбой, шапками, кожухами, водкой, скотом; выпекание хлеба; ремесла "шевское", "кушнирское", "котлярское", "злотницкое". Причем значительное количество казаков "зойшло" из Черниговского полка в другие места и вынуждено было наниматься на работу⁶⁷.

В первой половине XVIII в. гетманское правление, а также отдельные феодалы активизировали борьбу против переходов посполитых в казацкое сословие. Феодално зависимые крестьяне и мещане переход в казачество связывали с надеждой приобретения независимости от земельных собственников не только для себя лично, своей семьи, но и для потомков. При этом сказывался и субъективный фактор: в народе очень часто вспоминали о "вольностях" казаков периода освободительной войны 1648—1654 гг. Казак, попав в зависимость от феодала, всеми силами стремился от нее избавиться. В свою очередь обедневшие рядовые казаки, не выдерживая всех тягот продолжительных военных походов, изнурительных работ на строительстве каналов и оборонительных сооружений, переходили в категории подсоседков, крестьян или мещан.

Выяснение вопроса о праве перехода посполитых в казацкое сословие, и, наоборот, выходе из него рядовых казаков, осложняется тем, что старшинская администрация в сходных случаях, принимала нередко неадекватные решения. Нечеткость и запутанность законодательных актов при установлении права на казачество, обуславливались классовой, антинародной политикой господствующей верхушки украинских феодалов. Кроме того, решение вопроса о праве на казачество осложняла и непоследовательная в отношении старшин политика царского правительства, которое, с одной стороны, жаловало им крупные имения, разрешало "отбирать послушенство" у посполитых, ограничивало переходы последних с места на место, из сословия в сословие, а с другой — стремилось в определенной мере ограничить их власть над рядовым казачеством: освобождало казаков от принудительных "работизн" на державцев, разрешало перевод "старинных" казаков, зачисленных феодалом в свои подданные, в прежнее сословие и т.п.

Как правило, такого рода "защита" казаков от земельных собственников царским правительством совпадала с его потребностями в казацком войске.

Гетманское правление, рассматривая многочисленные дела об "ищущих" казачества и казаках, "спродавшихся владельцам", в своих решениях исходило, прежде всего, из установленного им ранее положения о том, что посполитые не имеют каких-либо юридических оснований для самовольного вписания в "войсковое товарищество"⁶⁸. "Подлинными" казаками считались лишь те лица, которые не только значились в компутах, но и в действительности отбывали казацкую службу. Казаки, "спродавшиеся владельцам" и выполнявшие "послушенство", а также не исполнявшие службу в связи со своим бедственным материальным положением, как правило, лишались прежних прав и привилегий, переводились в категорию "подданных" тех державцев, в маетностях которых они проживали. Казак, "повернутый в посполство" и пребывавший в нем более пятнадцати лет, мог остаться "мужиковать" навсегда. В случае несогласия с такими решениями гетман грозил тяжелым наказанием⁶⁹.

На практике действия гетмана и старшины в подобного рода вопросах заходили очень далеко. Порой женитьба казака на посполитой, переселение из одной маетности собственника в другую, наконец, просто пожелание высшего должностного лица, могли послужить достаточной причиной для перевода казака на положение феодально зависимого крестьянина, мещанина или подсоседка.

В начале 20-х годов Петр I, особенно заинтересованный в максимальном использовании военной силы украинского казачества, поручил пересмотр вопроса о праве находиться в казацком сословии президенту Малороссийской коллегии бригадиру С.Вельяминову. "Ежели усмотрено будет, — указывал ему в инструкции Петр I, — что генеральная старшина и полковники козаков и посполитых людей впредь отягощать станут работами и протчими трудностями, и хотя от них козаков, и челобитья не будет, и оно с совету господина гетмана, пристойным образом отвращать, а посполству в том помогать по истине"⁷⁰. Но "истина" оказалась столь запутанной в связи с незаинтересованностью старшины и нечеткостью в юриспруденции, что С.Вельяминов, чтобы разрешить вопрос об "ищущих" казачества, вынужден был в марте 1723 г. обратиться за непосредственным указанием к императору⁷¹.

16 апреля 1723 г. был опубликован царский указ, предусматривавший, в частности, посполитых "бьющих челом" о казачестве, проверять по "давним и нынешним реестрам" и если они сами, их деды и отцы отбывали службу, то "тех по их челобитю писать в козаки по прежнему". В случае же обнаружения реестров, таких посполитых предлагалось записывать в казаки на основании сви-

детельств о их казачестве "малороссийскими жителями"⁷². Кроме того, указ требовал от старшины и русских помещиков непременно сообщать о "закрепощенных" ими казаках и возвращать их в казацкое сословие. Непосредственный контроль и юридическая сторона дела возлагались на полковые и сотенные правления. Казакам, находившимся в феодальной зависимости, разрешалось без ведома своих державцев обращаться в канцелярию сотни или полка.

Основные положения указа от 16 апреля 1723 г. нашли отражение и в некоторых других, более поздних постановлениях царского правительства. Так, указ Сената от 27 марта 1738 г. предписывал Генеральной войсковой канцелярии освобождать "закрепощенных" казаков от повинностей на земельных собственников и "определять оних по прежнему в казацкую службу"⁷³. Царским указом от 18 января 1739 г. повелевалось "со всех козачих грунтов, как проданных владельцам, так и за козаками оставшимися, — козачю службу отправляют, кто на таковых грунтах ныне живут и оными ползуются"⁷⁴. Согласно указам 1740 и 1742 гг. в левобережных полках предполагалось провести ревизию, одной из задач которой являлось освобождение казаков от феодальной зависимости, чтобы "козаки не были записаны за владельцами"⁷⁵. Во исполнение указов применялись даже насильственные методы оказывания посполитых⁷⁶. Зажиточные крестьяне и мещане, зная о тяготах службы рядовых казаков, нередко отказывались от перевода их в казацкое сословие.

Естественно, эти юридические акты осуществлялись верховными органами государственной власти, прежде всего, в интересах класса феодалов. Они определяли обязательные нормы, которые регулировали отношения людей в обществе. К.Маркс писал, что "во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений"⁷⁷. В обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями, законодательные акты выражали волю господствующего класса, его стремление юридически закрепить свои позиции, держать в подчинении народные массы.

Совершенно очевидно, что ни указ от 16 апреля 1723 г., ни последовавшие за ним другие не привели к положительным переменам в социально-правовом и экономическом положении рядового казачества. Законодательные акты царского правительства не только не предусматривали коренной ломки уже сложившихся феодальных отношений на Левобережье, но и почти не затрагивали интересов украинских и тем более русских феодалов. Старшина

в большинстве случаев воспринимала указы подобного рода как временную меру. Составляя ревизии или реестры, старшинская администрация и русские чиновники записывали казаков в посполитые, а затем не допускали их к службе в войске и заставляли работать в своих имениях.

О систематических, принимавших самые разнообразные формы, злоупотреблениях старшины, царских чиновников в отношении рядового казачества свидетельствуют многие документы. В частности в донесении Миргородской полковой канцелярии в Генеральную войсковую канцелярию 1745 г. указывалось, что капитан Абакумов, прибывший в Яресковскую сотню с поручением провести перепись населения, всех казаков, в том числе и "старинных", записал посполитыми, приказав им при этом слушаться войта, которого сам же перед тем и назначил. Тех из казаков, которые не желали подчиняться и жаловались в местные органы власти, Абакумов бил "киями нещадно до полусмерти", держал под арестом и в "колоди публичне" садил. И тем "так народ устроил, что хочай би какие стариние козаки били и грунта за собою козачие имели, то за страх о казачестве своем станет молчать"⁷⁸. Зачислив казаков посполитыми, Абакумов заставлял их отбывать повинности на ратушу и войта. По его приказу избивались жены и вдовы казаков, записывались в посполитые. Многих казаков он заставлял платить десятину, насильно скупал у них земли. Тех же, кто осмеливался оказывать сопротивление и свидетельствовал против него, "без всякой причины нещадно бил, за волоса драл"⁷⁹.

В 1748 г. казаки с.Хвоевич (Стародубский полк, Топальская сотня) жаловались на имя императрицы Елизаветы Петровны, что генеральные подскарбий М.Скоропадский, есаул П.Валкевич и судья Ф.Лисенко "употребляют" всевозможные способы "ко истреблению козаков", которые "с порабощения мужичего ищут о своем козачестве". У таких казаков генеральные старшины отбирали земли, грабили имущество, а их самих "тиранско" били, "в разных неволях и заключениях" мучили. Причем все делалось "з допущения и повеления" Генеральной войсковой канцелярии. В конце жалобы казаки заявили: "Но всяк принужден будет и нехотящий, оставя отеческие, дедовские и прадедовские добра других мест к прожитию своему искать, что может быть Генеральной войсковой старшине и иным полковникам и другим владельцам в крайнее удовольствие понеже они того давно ищут, чтоб в Малой России не было козаков" (!)⁸⁰.

Таким образом, в первой половине XVIII в. левобережное казачество состояло из нескольких социальных групп. Наиболее многочисленную среди них образовали городские казаки, которые в основной массе жестоко эксплуатировались феодалами, обязывались служить в войске на собственные средства. Несколь-

ко в лучшем положении находились казаки "охотничьих" (наемных) полков. В отличие от первых они добровольно поступали на военную службу, получали за нее плату, амуницию, продовольствие и т.д. Возникновение и существование таких групп казаков, как куренчики, стрельцы, бобровники, пташники, конюшевы и палубничие, использование их труда для личных нужд в имениях земельных собственников, переход их на статус феодально зависимых посполитых свидетельствовали о значительном расслоении казачества, усилении его эксплуатации.

В исследуемый период царским правительством и гетманским правлением было официально отменено большинство "давних" привилегий рядовых казаков (относительно свободное распоряжение собственной землей, освобождение от государственных повинностей и поборов), а также значительно ограничено их право заниматься промыслами, ремеслами, торговлей и т.д.

Постепенное обезземеливание и обнищание большей части казаков обусловило появление, а затем и быстрый рост таких их групп, как "мало грунтовые", "нищетные" и "крайне нищетные".

3. Социально-правовое положение крестьян и мещан

Усиление феодального гнета в первой половине XVIII в. особенно отразилось на положении посполитых, углубило их социальную дифференциацию, резко обозначило имущественное неравенство. Наиболее рельефно это проявилось среди крестьянства. В.И. Ленин указывал, что "возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса" разложения крестьянства⁸¹.

Крестьяне по своему социальному положению представляли собой класс-сословие мелких производителей, владевших средствами производства и находившихся в личной или поземельной зависимости от феодалов. Без рабочих рук крестьянина земля практически не была нужна державцу, заставлявшему первого определенную часть времени работать на себя. Принуждение это было внешнеэкономическое. Оно составляло неотъемлемую черту феодальной экономики в целом, отличало феодальный способ производства от капиталистического. При этом формы и степени внешнеэкономического принуждения, как подчеркивал В.И. Ленин, "могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая условной неполноправностью крестьянина"⁸².

В наиболее бесправном положении на Левобережье находились крестьяне частных, монастырских и ранговых имений. По своему статусу все они отличались между собой в основном только характером выполняемых повинностей и собираемых с них поборов. Первоочередной обязанностью посполитых являлось "послушен-

ство" своему собственнику, которое требовалось выполнять "без жодной спреки и одмовы". В противном случае им грозило жестокое наказание. Так, новгород-северский сотник Ф. Лисовский (Стародубский полк) за жалобы, отказ выполнять повинности и другие "ослушания" приказывал своих крестьян "до смерти бить киями"⁸³. В "Дневных записках..." генерального подскарбия Я. Марковича отмечается: "Двум подданным наказание киевое учинено за неорание поля" (1740)⁸⁴. А. П. Нос — дочь прилукского полковника в 1722 г. велела крестьян, не явившихся по первому ее требованию отбывать "панщину", запереть в амбар и, "выводя оттуда по одному, наказывала всех киями, от котораго то бою иные пролежали недель по шесть и больше"⁸⁵. Некоторые феодалы проявляли при наказаниях крестьян такую зверскую жестокость, что она нередко становилась причиной их смерти.

Особой жестокостью в Стародубском полку "прославилась" Антипиха — жена бакланского сотника. В одном из писем к стародубскому полковнику гетман И. Скоропадский сообщал о ее издевательствах над служившей у нее в доме посполитой: "Донеслося нам... Антипиха, сотничка бакланская, неякую молодицу, в еи служившую, приревновавши до своего малжонка, возненавидела и так в дому велела канчуками безмерно бити, что аж тело падалося, яко потим и на хутор завезши, по тих же ранах шипшиновими розками, кругом оборочаючи, немилосердно била и еще тим неуконтентовавшися, горелкою збитое нещадно тело поливала и палила, после якого мучения же скилко дний тая молодиця била жива, теди знову сотничка оную поти била, поколя внутрности стали видны, а опосле и железом пекла и умертвила, чого и виписовати неудобно, якої замордованой на смерть молодице тело" (1719). Для того же, чтобы мать замученной не смела пожаловаться в суд, сотник ее "боем и турмою страшал"⁸⁶.

Старшина, стремясь закрепить практически неограниченную власть над своими крестьянами, постоянно добивалась от царского правительства юридического оформления права наказывать их за неповиновение. 15 декабря 1722 г. черниговский полковник П. Л. Полуботок и генеральные старшины в связи с тем, что "поспольство, подданные легкомысленные, показывая самовольство, не хотят владельцом своим надлежащего отдавать послушания", потребовали от С. Вельяминова разослать по всем левобережным полкам универсалы, согласно которым бы "таких брали в тюрьмы и по рассмотрению вины нещадно публично наказывали"⁸⁷. Несмотря на запрет С. Вельяминова распространять подобного рода универсалы, старшина их разослала⁸⁸.

Царское правительство, получая многочисленные жалобы крестьян о совершаемом насилии земельных собственников, время

от времени требовало от старшинской администрации рассмотреть их на местах, а крестьянам не "производить" чрезмерные "обиды" и "насилия". В частности, об этом было написано в "рапорте" полковой канцелярии Полтавского полка о получении указа Сената 1749 г. о запрещении переяславской и полтавской старшине совершать насилия над посполитыми⁸⁹. Иногда по жалобам посполитых гетман отправлял доверенное лицо "для розыску" или поручал произвести его местной старшине, которая в большинстве случаев покрывала злодеяния феодалов. На этом "следствие", как правило, и заканчивалось. Когда крестьяне обращались с просьбой "облегчения" непосредственно к державцам, то часто получали такой ответ: "Вы наши вечные подданные, кровью запечатаны и не может вас никто отобрать"⁹⁰. Фактически уже в первой половине XVIII в. многие феодалы относились к находившимся у них в зависимости посполитым как к своим крепостным.

Наконец, в 1783 г. царское правительство, идя навстречу постоянным домогательствам старшины, крестьян в частных имениях юридически оформило как крепостных, а ранговых перевело в разряд государственных.

Статус монастырских крестьян приближался к статусу крестьян в частных и ранговых имениях, хотя имел и некоторые отличия. Духовенство православных монастырей, пользуясь влиянием среди правящих кругов (особенно во второй половине XVII в. и до указа 1728 г.), часто добивалось жалованных грамот и гетманских универсалов, согласно которым их маетности ставились в особые выгодные условия. Монастырские крестьяне освобождались от выполнения государственных повинностей, что в свою очередь позволяло духовенству еще больше использовать их для личной выгоды. Права монастырей на эксплуатацию посполитых строго оберегались старшинской администрацией.

Подобно светским феодалам духовенство также жестоко наказывало своих подданных за невыполнение повинностей, "ослушание" и "предерзости". Так, в 1725 г. игуменья Кербутовского девичьего монастыря А. Чуйкевичевна "вытиснула" крестьянина Я. Ильенко с его собственного двора и "без всякой причины, граблением" разорила. Когда же Ильенко стал просить игуменью вернуть отнятое имущество, то она не только его не отдала, но приказала крестьянина "тиранско бить и мучила тюремным заключением, без пощады". Жалобы Ильенко сотнику, полковнику, а также киевскому архипастырю ни к чему не привели⁹¹.

Духовные феодалы могли запрещать или разрешать крестьянам, мещанам, а порой и казакам заниматься торговлей, винокурением, промыслами, уходить на заработки в другие маетности⁹².

Укрывательство монастырских подданных категорически запрещалось гетманским правлением.

В 1786 г. вследствие секуляризации монастырские крестьяне были переведены в разряд экономических. В центральных районах России этот процесс происходил несколько раньше, главным образом в первой четверти XVIII в. Правда, в 1744 г. церкви снова были возвращены (до 1762 г.) земли с обязательным условием выполнения посполитыми всех государственных повинностей.

Одной из характерных черт положения магистратских и ратушных крестьян являлось то, что юридически они не принадлежали частному лицу и, как правило, привлекались к общим "посполитским" поборам, а также "работизнам", выполняя их в пользу ратуши или магистратов. В связи с этим, городские власти оказывались заинтересованными в "защите" таких крестьян от насилий и принуждений к выполнению повинностей на отдельных державцев. Хотя в действительности, большинство крестьян, числившихся за ратушей или магистратом, дополнительно эксплуатировались либо старшиной, либо монастырями.

Крестьяне свободных войсковых сел и местечек до их пожалования феодалам находились под юрисдикцией местной старшинской администрации, а потому, как и посполитые, жившие на "слободах", некоторое время пребывали вне зависимости от державцев. Войсковые маетности только официально считались свободными, а по своей классовой сущности представляли собой феодальную государственную собственность, которой распоряжались гетманы, генеральные старшины, полковники и другие должностные лица. При детальном анализе материалов "Генерального следствия о маетностях..." становится очевидным, что свободные войсковые села и местечка в ревизии 1729—1730 гг. обозначались так: "вольное войсковое в диспозиции гетманской", "свободное и к диспозиции гетманской подлежащее", "под ведением полковника належитую в государственных и войсковых интересах отбывает повинность", "свободное войсковое, к диспозиции гетманской належит и в ведомстве сотников найдется", "войсковое под ведением сотне", "здавна подлежало до сотне и было под видением сотничим и во всяких общенародных датках помоществовало городу"⁹³. Следовательно, согласно общепринятой терминологии того времени, эти маетности находились под правлением сотенным, в ведомстве полковом и в "диспозиции" (распоряжении) гетманском.

Здесь необходимо отметить, что А.М.Лазаревский неверно относил свободные войсковые маетности к ратушным, считая первые и вторые собственностью городов. При этом термин "свободное войсковое" Лазаревский почти не употреблял, применяя вместо него термин "ратушное" (село, "поспольство" и т.д.)⁹⁴. Значе-

ние этих двух терминов историк понимал в отдельных случаях по-разному. В одной из своих работ он писал, что ратушные села находились в "диспозиции войсковой"⁹⁵, а понятие "ратушный" отождествил с понятием "свободный"⁹⁶. В другой работе Лазаревский признает: ратушные села юридически не подлежали раздаче⁹⁷. Этим ученый противоречит своему же ранее сделанному выводу, что они находились в "диспозиции войсковой". На такую путаницу в суждениях А.М.Лазаревского обратил внимание И.В.Лучицкий. В своей рецензии на первый том "Описания старой Малороссии" он правильно указал на неверное отождествление Лазаревским двух различных категорий маетностей: ратушных и свободных войсковых. Вместе с тем, Лучицкий сам допустил ошибку, считая, что во второй половине XVII—XVIII в. одновременно с селами, принадлежавшими городам, существовали и другие, в которых население выполняло особенные повинности в пользу ратуш⁹⁸.

В.А.Мякотин в рецензии на второй том "Описания старой Малороссии" А.М.Лазаревского подробно рассмотрел и указал на ошибки автора, допущенные при освещении данного вопроса. Он верно отметил, что вольные войсковые села не являлись собственностью ратуш, а пребывали только в их ведомстве⁹⁹. Верную в своей основе точку зрения В.А.Мякотина о сущности свободных войсковых местечек и сел после некоторых сомнений¹⁰⁰ поддержал В.А.Барвинский¹⁰¹.

В социально-правовом отношении положение крестьян в свободных войсковых селах и местечках было несколько лучше, чем в частных, монастырских или ранговых. Они относительно свободно могли распоряжаться своими земельными участками и имуществом, заниматься торговлей и промыслами, охотиться в общественных лесах и ловить рыбу в водоемах. Если не возникало возражений со стороны местных властей, то их переход из одной маетности в другую осуществлялся гораздо проще, чем крестьян частных, монастырских или ранговых имений. Но очутившись в земельной или личной зависимости от феодала, крестьяне свободных войсковых сел и местечек, очень скоро уравнивались в положении с посполитыми частных, монастырских или ранговых имений.

Определенное время не подвергались эксплуатации феодалов "прихожие люди" на "слободах"¹⁰². Нередко ими оказывались крестьяне, пришедшие в поисках лучших условий для жизни на Левобережье из других районов Украины, России, Белоруссии и т.д. Крестьяне на слободах освобождались от феодальных повинностей на 1—3 года, реже 5—10 лет. Например, Я.Маркович приказывал управляющему с.Перервинцы (Лубенский полк): "Прихожих людей, особливими хатами живущих, до работизны притягать,

заор давний поновить, а в заоравшихся воли грабить и плуги рубать, ...прихожим до году давать свободы"¹⁰³. Гетманские универсалы, позволявшие собственнику заселять слободы, предполагали впоследствии и его право на взимание с населения поборов, выполнение повинностей крестьянами. Всякое сопротивление "панской" власти рассматривалось как незаконное и могло окончиться лишь тем, что крестьянина — слобожанина феодал выгонял вместе с семьей "без куска хлеба".

"Отписанными" на царский двор, т.е. государственными, крестьяне становились тогда, когда маетности, в которых те проживали, по какой-либо причине (спор между собственниками, "неправильное" их приобретение, отобрание от "неугодных лиц" и т.п.) забирались у прежнего хозяина. Крестьяне некоторое время "по отобрании состоялы свободными без всякого в казну платежа"¹⁰⁴.

Частные лица, духовенство, старшинская администрация в целом пользовались бесправным положением и зависимостью крестьян, злоупотребляли своей властью, положением в обществе. В погоне за наживой происходили столкновения личных интересов феодалов. В таких случаях, как правило, одерживал победу тот, кто обладал большей властью, денежными средствами, пользовался поддержкой царя или гетмана. Так, в 1749 г. сотники Миргородского полка запрещали крестьянам слушаться ратушных урядников, которых в случае сопротивления и нежелания подчиняться били и содержали под караулом. В Переяславском полку полковник С.И.Сулима запретил "ратушной старшине" и посполитым слушаться хорунжего Краевского, его "неединожды бил и мучил ругательски и безчеловечно и держал под караулом"¹⁰⁵.

Если случалось, что гетманы проявивших особую жестокость старшин освобождали от занимаемого "уряда" или переводили на службу в иное место, то новоопределенный чиновник очень скоро прибегал к тем же приемам и средствам эксплуатации крестьян, что и его предшественник.

В "Правах, по которым судится малороссийский народ..." положение феодально зависимых крестьян отражено следующим образом. По ним "подданные" обязывались своему собственнику всегда "надлежащее послушание и повинность отдавать". Власть феодалов над его подданными никто "унимать и от надлежащего им послушания" освободить не имеет права. За ослушание или неповиновение крестьян державцу разрешалось наказывать их по своему усмотрению, а за уголовное преступление отдавать под суд. Без разрешения собственника запрещалось привлекать его посполитых в "наряды" и "приватную работу". В противном случае нарушавший это постановление должен был через суд уплатить штраф в сумме 24 руб. и, кроме того, "возместить убытки" в двухкратном размере. Запрещалось кому-либо также без ведома державца

или его приказчика нанимать на работу жену или детей подданного, "покамест они будут жить под владельцем".

Когда женился феодально зависимый крестьянин на женщине из казацкого сословия или казак на посполитой, то он ее недвижимых угодий "одержать" не имел права. Они могли оставаться только при человеке "воинского (т.е. казацкого. — Авт.) звания"¹⁰⁷.

Особое юридическое место в феодальном обществе занимало сословие мещан. Города Левобережья разделялись на несколько категорий. Часть из них пользовалась магдебургским правом, данным им еще в период господства феодалов Литвы и Польши. Такие города считались привилегированными. Они имели самоуправление, судопроизводство, налоговую систему, право на владение землей, определенные льготы при занятии населения ремеслом и торговлей. Другая группа городов управлялась ратушами и не пользовалась магдебургским правом. Эти города во многом зависели от старшинской администрации. Большинство местечек с развитым ремеслом и торговлей вообще не имело своего местного управления.

В исследуемый период на Левобережной Украине насчитывалось не менее 200 городов и местечек, в которых проживало около 6 % всего населения¹⁰⁸. Особенно интенсивно развивались те города, которые размещались на удобных и выгодных торговых путях — "трактах" и являлись центрами значительных земледельческих районов. В них проживали работные люди ремесленных цехов, промыслов, мануфактур. Кроме того, в городах проживало большое количество крестьян и казаков. Мещанами считались в основном ремесленники, мелкие торговцы и домовладельцы. По мнению Малороссийской коллегии, мещанами являлись те жители городов, которые торговали всякими товарами, владели мостами, "перевозами торговыми", банями, руднями, гутами, "рыбными ловлями" (1726)¹⁰⁹.

Права и обязанности мещан перед городскими властями или феодалами, в зависимости от которых они находились, определяли выданные в разное время царские грамоты, гетманские универсалы, указы Сената и другие документы. Так, в 1754 г. Генеральная войсковая канцелярия сообщала, что "права и привилегии, и свободы", а также повинности мещан Чернигова, еще "от королей польских надание", подтвердили в свое время русские цари Алексей Михайлович, Иван и Петр Алексеевичи, практически все украинские гетманы, начиная с Б.Хмельницкого, а также Черниговский полковник П.Полуботок¹¹⁰. В 1706 г. гетман И.Мазепа выдал универсал на "давние магистратовые мещские" права киевским мещанам, несмотря на то, что они уже были подтверждены

жалованными грамотами 1654, 1677, 1699 и 1700 гг.¹¹¹ В 1733 г. Сенат издал указ "О содержании киевских мещан при прежних правах и волностях и о не высылке ни в какие наряды кои имеет быть из Малой России и о бытии им под ведением гетмана и киевских губернаторов..."¹¹².

"Генеральное следствие о маетностях..." 1729—1730 гг., разграничивая "посполство" на крестьян и мещан, характеризовало эту часть населения, прежде всего, как "несущую земскую службу".

Во всех крупных городах Левобережья, в частности, Киеве, Полтаве, Стародубе, Нежине, Переяславе многие ремесленники объединялись в цехи. Права цехов и статус ремесленников чаще всего определяла старшинская администрация. В 1709 г. И. Скоропадский переяславским войту и мещанам выдал универсал на права цехов: ковалей, музыкантов, плотников, мельников, тертичников и других, обязавши "прислушать" их "некому иному тилки до ратуша"¹¹³. Д. Апостол ковальский цех Нежина отдал в распоряжение войсковой артиллерии (1730)¹¹⁴. Подобного рода универсалы выдавали и полковники. В 1709 г. характер "работизн" цеха портных определил прилукский полковник И. Нос¹¹⁵.

Вместе с тем сословные права мещан в целом не являлись четко установленными, а потому часто не регламентировались. В отдельных городах они имели свою специфику, нередко зависевшую от произвола гетманского правления и державцев.

В 1749 г. царское правительство перед Генеральной войсковой канцелярией прямо поставило вопрос о том, кого именно можно считать мещанами, каковы их права и обязанности. За разъяснением этого вопроса Генеральная войсковая канцелярия обратилась к администрации в полках. Очень интересен в этом отношении ответ — "рапорт" Прилукской полковой канцелярии в Генеральную войсковую канцелярию от 24 октября 1749 г. По мнению старшины этой канцелярии, мещанином мог называться тот, кто живет в городах и местечках "малороссийским", и подчиняется ратушам или магистратам, которые имеют жалованные грамоты, "особих урядников, яко-то войтов, бурмистров, райцов, писаря и протчих чинов". При этом подчеркивалось, что мещан, необходимо отличать от людей "простого стану, яко-то слуг поданих владельческих, положа им навязку (обязанность, повинность. — Авт.) бóльшую, нежели простому тяглому человеку"¹¹⁶. Кроме того, ремесленникам и всяким "промисленным обывателям", которые имеют в городах и местечках свои дворы, "торговни промисли и сидят с большими и мелкими товарами в лавках или не имеют лавок", ездят торговать в другие города, также "должно быть мещанами, яко подсудственным особому над ими управлению". Ремесленники "от селян и протчего тяглового посполства имеют немалую разнь". В "рапорте" отмечалась и социальная неоднородность мещан:

”в ревизияльных давних и нынешних ревизей книгах Прилуцкого полку в городех и местечках градского звания обыватели писанни неодинако. Иногда сами знатнейшии, показанни мещанами, а убогшии и рукоделнем питающийся, також подворчане пашеннии писанни были посполитими, а иногда все генерално знатнии и убогнии купечеством и ремеслом и паханием земли упражняющиеся писанни равно посполитими”¹¹⁷.

Несколько иную трактовку о положении мещан мы находим в донесении 14 декабря 1749 г. старшин г. Полтава. В ревизиях местная администрация в сословие мещан вписывала прежде всего тех, кто имел ”торговые промысли в лавках всякими товарами и ходют в кримскую и шленскую дороги (т.е. торговали в Крыму и Шленске. — Авт.) з своими товари”. Они в ревизских книгах обозначались как ”мещане бавячиеса купеческим промыслом”. Остальные, ”не имеющие купеческого промысла к ратуши присутствующие, которые торг имеют соли, рыбою, також и содержат в домах своих земель”, писались посполитыми. Ремесленники, пожелавшие войти в сословие мещан, определялись в него с ведома полковой канцелярии или по согласию ”всех мещан от самой ратуши принимани бывають”¹¹⁸.

Нежинская полковая канцелярия в своем донесении 31 августа 1749 г. в Генеральную войсковую канцелярию сообщала: ”ремеслие люде издавна состоялы в числе свободных посполитых, и в подданстве за владельцами не бывали, то и ныне ради их мастерства з звания посполитых свободных виключать... не следует”¹¹⁹. При оценке кто может считаться мещанином Нежинская полковая канцелярия высказала мнение, подобное мнению Прилуцкой канцелярии. К общей массе посполитых, а значит предусматривалось и отбывание ими государственных повинностей, мещане приписывались Гадячской, Лубенской и Киевской полковыми канцеляриями¹²⁰.

Как видим, в документах 1749 г. предпринимается попытка провести четкую грань между мещанами и остальными сословиями, в частности крестьянами, определить их юридическое место. Несмотря на некоторые отличия в суждениях о статусе мещан, все полковые канцелярии высказали единое мнение: ими могли считаться лишь те, кто имел дома, постоянное место жительства в городе, занимался различными промыслами или торговлей.

Зажиточные мещане могли избираться на должности в магистрат или ратушу. В ”Правах, по которым судится малороссийский народ...”, указывалось, что в чиновники ”избиратись должни из мещан знатных, постоянных, совестных, разсудных, добронравных и где могут бить ученых, законорождених, в правах искусных, не молодых от двадцати пяти, а не старейших от семидесяти лет, не

излишне богатых, которые общество утесняют обикли, и не-весма скудных, которые ради скудности служить паче, а не судить способны, но средних и нелакомых, ни лихваров, не прелюбодеев, не иноверных и не иностранных, но тубилцов, со всем достойных и ни в чем не подозрительных, избрание и то должно быть в обыкновенное время при собрании всех мещан, також цеховых людей и всего посполства волними их голосами"¹²¹.

"Права, по которым судится малороссийский народ..." ничего не говорят о правовом положении различных социальных групп города. Правда, с вышеприведенного пункта можно сделать вывод: в городах жили богатые мещане, которые "общество утесняют обикли" и очень бедные — "весьма скудные", а также ростовщики, ремесленники, посполитые.

Следовательно, мещанство, подобно крестьянству, не было однородным.

О значительном социальном расслоении посполитых на отдельные категории свидетельствуют компуты и ревизии населения края. Для иллюстрации воспользуемся наиболее полными данными ревизии 1751 г. по десяти левобережным полкам¹²² (табл.11).

Как видим из таблицы дворы зажиточных крестьян и мещан, обозначенные в материалах ревизии как "можно грунтовые знатного промысла" и "средне грунтовые среднего промысла", составили менее 1 % от общего количества дворов, а "мало грунтовые малого промысла" и "нищетные" около 99 %. Причем количество дворов "нищетных" крестьян и мещан превышало число "мало грунтовых малого промысла" более, чем в 12 раз. Такое нищенское положение основной массы посполитых в середине XVIII в. являлось прямым результатом всей внутренней политики царского правительства и гетманского правления, жестокой эксплуатации казацкой старшины, украинской шляхты, православных монастырей.

Значительную социальную группу посполитых представляли подсоседки. На Левобережье название "соседей" или "подсоседков" чаще всего получали в прошлом рядовые казаки, крестьяне и мещане, лишившиеся по какой-либо причине своего хозяйства (всего или его части) и переместившиеся на жительство в дворы к более зажиточным владельцам или собственникам. Нередко, в подсоседки записывались казаки, крестьяне и мещане, продолжавшие владеть всем своим имуществом. Это случалось тогда, когда казаки стремились избежать воинской службы, а крестьяне и мещане — зависимости от феодалов. Основными причинами перехода в подсоседки обычно являлись для казаков разорение, изнурительные работы на строительстве каналов, для посполитых — непомерное "послушенство", стремление уклониться от тяжелых "работизн", натуральных и денежных поборов.

Т а б л и ц а 11. Социальная дифференциация

Название полка	Категории кре					
	Можно грунто- вых и знатного промысла		Средне грунто- вых и среднего промысла		Мало грунтовых и малого про- мысла	
	дворов	в них хат	дворов	в них хат	дворов	в них хат
Лубенский	1	2	7	14	322	558
Стародубский	—	—	6	10	1934	2681
Киевский	—	—	3	3	40	56
Полтавский	—	—	5	8	46	64
Прилукский	—	—	—	—	19	46
Гадячский	1	1	36	64	190	351
Миргородский	—	—	3	10	75	137
Нежинский	1	1	5	5	48	75
Черниговский	—	—	1	1	36	67
Переяславский	6	9	74	146	389	627
Всего	9	13	104	264	3099	4662

Переход в подсоседки, как и "искание казачества", являлся одной из форм протеста народных масс против усиления феодального гнета.

На новом месте жительства подсоседками использовалось либо старое, часто обветшалое строение (хата, сарай, хлев), либо строилось новое. За пользование жильем и землей нового владельца (собственника) подсоседки платили ему деньгами или своей работой. В зависимости от того, кому принадлежал двор, в котором проживали подсоседки, они подразделялись на владельческих, монастырских, казацких, а также посполитских. Положение их было не одинаковым.

Владельческие и монастырские подсоседки в основной массе не имели собственного жилья, не вели личного хозяйства и обеспечивали себе существование ежедневной "работизной". Чаще всего это выражалось в получении за работу на поле хозяина части урожая. Среди них, правда, встречались и такие, как писал в 1734 г. князь А.И.Шаховский, которые "на купленных грунтах, самыми только хатами пешие при огородах... живут, и зарабатывают законом и замолотом (наемной работой. — Авт.) и с того себе, жену и детей кормят"¹²³. Разница между теми и другими была несущественной.

Характерной чертой в положении большинства владельческих и монастырских подсоседков (в отличие от живущих в дворах зажиточных казаков и посполитых) являлось то, что они часто осво-

посполитых по материалам ревизии 1751 г.

стьян и мещан						Подсосеcki	
Нищетных			Итого всех крестьян и мещан			конные	пешие
дворов	в них хат	бездворных хат	дворов	в дворах хат	бездворных хат		
4518	5900	1542	4848	6477	1542	151	681
8895	10975	3919	10835	13666	3916	605	1869
4541	5153	977	4584	5212	977	280	552
3341	4182	1486	3392	4254	1486	399	898
2263	2990	2603	2282	3036	2603	657	1344
1245	1866	1986	1472	2222	1986	99	230
1561	2757	4040	1632	2904	4040	86	362
5072	6345	1656	5126	6426	1656	653	1381
4825	5742	166	4862	5810	166	968	2368
2677	3341	879	3146	4123	879	636	1286
38938	49191	19254	42186	54130	19254	4534	10971

бождались феодалами от государственных повинностей. Это делалось как с ведома, так и без ведома гетманского правления. Такое "освобождение" подсосеdков от повинностей в пользу государства нередко служило поводом державцам для еще большего усиления эксплуатации. Попадая под такого рода "защиту", подсосеdки очень быстро затем оказывались на положении владельческих или монастырских "подданных", с той только разницей, что в отличие от последних, как правило, не имели ни своих дворов, ни земли. Даже фиктивная продажа двора или земли и переход в подсосеdничество лишали прежнего владельца права на них. В дальнейшем подсосеdок не имел никакого юридического права претендовать на какую-либо часть такого имущества, передавать его другому лицу¹²⁴.

Право распоряжаться подсосеdками закреплялось за феодалами царскими грамотами и гетманскими универсалами¹²⁵. На выполнение "послушенства" подсосеdками выдавали универсалы державцам и полковникам. Интересен в этом отношении "лист" переяславского полковника С.И.Томары полковому судье И.Берлу на подтверждение его прав на имения: "Люде зась в своих хатах жиочие, а до двору его, пана суде, наслуговуючии здарна... як пред сим до двору его належали сами, так и потомкове оних албо хто в тих хатах по их жити будет, ему... жене и наследником его подсутствовати меют и наслуговати" (1711)¹²⁶.

В несколько ином положении находились казацкие и поспо-

итские подсоседки. Пребывая в личной зависимости от разбогатевшего казака, крестьянина или мещанина, они часто обязывались к "отбыванию послушенства" и на старшинскую администрацию. Так, нежинский полковник П. Толстой в 1725 г. по указу Малороссийской коллегии пожаловал "на уряд" полковому писарю Л. Гроновскому с Кропивное "зо всемы мужикамы и подсоседками, которые з мужиков, а живут в дворах чина козачого"¹²⁷. В 1730 г. гетман Д. Апостол в подтвердительном универсале на частности бунчуковому товарищу И. Тарасевичу указывал, что "подсоседки козачие... повинни всякое подданическое отдавать послушенство и повиновение"¹²⁸. В 1740 г. все подсоседки Нежинского полка (1812 человек) должны были по "рописанию" полковой канцелярии платить деньги на "полковых и канцелярских лужителей"¹²⁹. Обязывались казацкие подсоседки и к выполнению повинностей в пользу монастырей. Универсал Мазепы 1704 г. запрещал казакам с Моровское "укрывать" подсоседков от "работоризны" Киевскому Софийскому монастырю¹³⁰.

Необходимо отметить, что в начале XVIII в. переход в казацкие, а тем более посполитские подсоседки уже не всегда освобождал от выполнения государственных повинностей. Об этом убедительно свидетельствует универсал гетмана Мазепы 1701 г., в котором, в частности, говорится: "Подсоседы, которые свои хаты продавши, в козацких живут, а свои кгрунта мают и онимы посеткуют, теды такие абы не заслоняючися козацкою обороною, компанейцов кормили и во вшеляких подданских повинностях з ромадою конечно тянули"¹³¹. Освобождались от "подданских тясаров" по гетманскому универсалу только те, "кто в козацких хазах живучи, жадних своих кгрунтов не мают, а тилко на услуже осподаров своих будучих, самим у людей заработком живут"¹³². Кроме того, гетман обязывал и самих казаков принять участие в выполнении "общих" повинностей. Царским указом от 6 апреля 1723 г. предусматривалось повсеместное взимание государственных поборов с подсоседков¹³³. Добиваясь уменьшения числа людей, которые не платили налогов, царица Анна Иоанновна указом от 8 августа 1734 г. также объявила, что поборы и налоги должны платить все, в том числе и подсоседки. "Ревизию в Малой России, — говорилось в этом указе, — дворового числа казаков и осполитых и подсоседков и прочих, в нынешнем 1734 г. учинить вновь, чтобы обыватели во всяких общенародных повинностях были уравнены. Подсоседков козацких и мужичьих, також владелческих и духовного и мирскаго чина, которые на их грунтах живут и мастеровых всякого звания людей, по той учиненной вновь ревизии положить же в оклад и велеть платить против других по пропорции пожитков"¹³⁴.

Поселившись в чьем-либо доме в качестве подсоседка, посполитый обязывался своевременно вносить за него или пользование земель плату, не наносить ущерба хозяйству собственника. Очень важно в этом отношении письменное обязательство подсоседка И. Желязо, данное А. Марковичу 16 сентября 1738 г. "Я нижеподписавшийся, — указывается в обязательстве, — даю сию от себя подписку вельможному его мил. пану Андрею Марковичу, подскарбию войсковому генеральному, господину моему, в том, что его панская милость, по своему респекту, пожаловал мне в маенности своей панской, в селе Шабалинове, двор с огородом, собственный свой купленный, на житье мне; и я такой двор принявши и живя в нем, буду по приказу его вельможности во всяких делах послушен быть (без всякой противности и огурства) с ревностным прилежанием и верным услужением; и подданным его панским в добрах их не должен делать никаких обид, а также не скупать их грунтов; равно не должен делать и в добрах панских никаких убытков; и продержостей напрасных в селе Шабалинове, против подданных панских и против воли вельможнаго господина, не буду оказывать ни под каким предлогом. А если всего того не исполню, то тогда чужд буду вовсе респекту всякаго его панскаго и вышеупомянутаго дворца з огородом и наказанию господскому подлежатому"¹³⁵. Это письменное обязательство ставило в полную зависимость подсоседка от своего собственника-старшины. За неповиновение или какой-нибудь проступок хозяин мог наказать или прогнать посполитого со двора, лишить его имущества.

Ведомость 1729 г. по Прилукскому полку называет такие категории подсоседков: "можные", "убогие", "весьма убогие", "весьма нищетные", "крайне убогие на земле помещицы"¹³⁶. Процесс социального расслоения отчетливо проявился, как видим, и в такой социальной группе посполитых, как подсоседки. В 1737 г. в Нежинском полку из всех 2723 владельческих и казацких подсоседков, живущих во дворах своих хозяев, крупный скот (лошади, быки, волы и т.д.) имели лишь 632, а из всех 1689 посполитских подсоседков — только 320. Причем на всех 952 подсоседков, владеющих крупным скотом, приходилось только 990 голов крупного скота¹³⁷.

В первой половине XVIII в. очень остро стоял вопрос о праве перехода крестьян с места на место, из маенности одного феодала к другому, из губернии в губернию. Борьба феодалов против крестьянских переходов происходила в общегосударственных масштабах, а мероприятия против них санкционировались царским правительством. Значительное влияние на политику старшины в этом отношении оказал сенатский указ 1713 г., который относи-

тельно Киевской и Азовской губерний постановлял: "И буде... в которых селах и деревнях явятся беглые драгуны и солдаты, или чьи беглые люди и крестьяне, и тех отсылать людей и крестьян с женами и с детьми и с их животы на прежняя жилища"¹³⁸. В 1715 г. другой указ Сената еще раз требовал о высылке на прежнее место жительства убежавших от своих собственников крестьян и служилых людей на Левобережье и Слобожанщину¹³⁹. Защищая интересы господствующего класса феодалов в вопросе о крестьянских походах, Генеральная войсковая канцелярия в 1727 г. постановила, чтобы "после ушедших подданных" у державцев оставались их "кгрунты, дворы купленные и некупленные"¹⁴⁰. Этот законодательный акт также способствовал сокращению крестьянских переходов.

29 мая 1738 г. Сенат издал указ о запрещении феодалам укрывать в своих домах посполитых и казаков, которые переходили из Слободской Украины. Генеральная войсковая канцелярия постановлением от 20 июня 1739 г. самовольно распространила этот указ и на территорию Левобережья, придавши ему силу общего распоряжения о запрещении переходов¹⁴¹. Тем самым державцы получали полное право возвращать беглых крестьян на прежние места.

Несмотря на то что царское правительство, опасаясь усиления антифеодального движения, указом 18 января 1742 г. отменило постановление Генеральной войсковой канцелярии, казацкая старшина, украинская шляхта, православное духовенство продолжали вести борьбу за прекращение переходов посполитых.

Таким образом, среди социальных групп Левобережной Украины господствующее положение занимала казацкая старшина. Она пользовалась наибольшими правами и привилегиями. Юридически за ней утверждалось право наследования движимого и недвижимого имущества, "отбирания послушенства" у посполитых. За старшиной закреплялись значительные льготы при занятиях промыслами и торговлей. Она практически освобождалась от всех видов повинностей и поборов. Единственной обязанностью старшины перед государством было несение воинской службы, основная тяжесть которой в большинстве случаев перекладывалась на плечи рядовых казаков. К казацкой старшине в экономическом и социально-правовом отношениях очень тесно примыкала украинская шляхта. Занимая должности в гетманской администрации, пользуясь одинаковыми привилегиями, шляхтичи наравне со старшинами выступали перед посполитыми в качестве "панов" и "дидичей", жестоко их эксплуатировали.

Привилегированное положение занимало и высшее духовенство. Ему в церковных делах принадлежала вся полнота власти. Оно освобождалось от государственных повинностей и поборов.

Главным направлением внутренней политики, проводимой верхушкой господствующего класса в отношении социально-правового положения народных масс, было: 1) постоянное стремление к скорейшему установлению строгой сословной иерархии и ограничению проникновения в высшие административные органы управления представителей из посполитых и рядовых казаков; 2) попытки найти в старых законах, в частности Литовском статуте, юридическое обоснование и подтверждение своим правам и привилегиям (о чем свидетельствовало появление свода законов под названием "Права, по которым судится малороссийский народ...").

Определенными преимуществами по сравнению с посполитыми пользовались рядовые казаки. Статьи-соглашения между царским правительством и гетманами (1654—1687) предусматривали не только их право на передачу земли и других угодий по наследству, но и освобождение от государственных повинностей, подчинение особой казацкой юрисдикции. Однако уже документы 20-х годов XVIII в. официально зафиксировали выполнение казаками повинностей в пользу государства, обременение их солдатскими постоями, зависимость от феодалов. Все это имело тенденцию к постепенному возрастанию.

Наиболее же эксплуатируемой и феодально зависимой частью населения Левобережной Украины являлись крестьяне и мещане частных, монастырских и ранговых имений. Крупные земельные собственники под угрозой жестоких телесных наказаний и отобрания имущества требовали от них полного повиновения и послушания. Посполитым запрещалось без ведома и согласия державцев распоряжаться землей, которую те обрабатывали. В отличие от старшинских, шляхетских, монастырских и ранговых посполитых крестьяне и мещане магистратских, ратушных и свободных войсковых маестностей юридически не подлежали подчинению частным лицам. Это обуславливало то, что, не находясь в непосредственной власти от отдельных феодалов, они пользовались относительно большей независимостью при владении землей, ведении хозяйства, занятиях промыслами, ремеслами, торговлей и т.д. Временно (на 1—3 года, реже 5—10 лет) от выполнения повинностей освобождались лишь посполитые, проживающие на "елободах". Но после истечения установленного срока они также оказывались в зависимости от феодалов. Усиление эксплуатации вело к быстрому возрастанию численности таких групп посполитых, как подседки, в большинстве своем не имевших собственного жилья и земли. Решившись жить в "соседях" или за счет наемной работы, они очень скоро оказывались в таком же бесправном положении, как и посполитые крупных земельных собственников. К середине

XVIII в. во многих полках уже полностью исчезли такие категории дворов посполитых, как "можные", а число "нищетных" и "крайне нищетных" в несколько раз превышало количество "средних".

В первой половине XVIII в. происходит резкое разграничение между подпомощниками и выборными, углубляется их социальная дифференциация. Царское правительство и старшинская администрация предпринимают также ряд мер с целью установить четкие сословные границы между крестьянами и мещанами, выделить тех из них, которые "бавятся купеческим промыслом".

Вместе с тем, следует отметить, что общим для всех без исключения классов и сословий было отсутствие у них замкнутости. Классы и сословия, подчеркивал В.И. Ленин, складывались в борьбе и развитии, "стена не разделяет один класс от другого"¹⁴². Это характерно для всех "...общественных отношений и переходных ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему..."¹⁴³. В процессе исторического развития классы и сословия феодального общества, постоянно подвергаясь изменениям, приобретали новые черты, присущие классам капиталистической формации. Это наиболее рельефно проявилось в последующем периоде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие феодальных отношений на Левобережной Украине в первой половине XVIII в. шло в едином русле эволюции феодализма во всем Русском государстве. Общие закономерности этого процесса отразились на структуре феодальной земельной собственности, землевладении и землепользовании крестьян, казаков, мещан, изменении размеров и видов феодальной ренты, обусловили определенные внутренние сдвиги в рамках существовавшего классово-сословного строения общества. Тем не менее многие из этих процессов и явлений на Левобережье имели свои особенности и специфику, что обуславливалось своеобразием экономического и общественно-политического развития региона.

На Левобережной Украине, как и во всем Русском государстве, наблюдался интенсивный рост феодальной земельной собственности. Путем царских и гетманских пожалований, а то и прямого захвата наделов крестьянско-казацких масс, генеральная старшина, полковники, зажиточное казачество, украинская шляхта приобретали латифундии, исчислявшиеся тысячами десятин земли. По мере укрепления позиций царизма на Левобережье увеличивалась также земельная собственность русских помещиков, грузинских князей и дворян. Вследствие этого уже в середине XVIII в. здесь существенно сократилось количество так называемых свободных войсковых сел и местечек — своеобразного раздаточного земельного фонда гетманско-старшинской администрации. Происходившее после освободительной войны 1648—1654 гг. перераспределение феодальной собственности на землю в новых исторических условиях в значительной степени способствовало консолидации класса феодалов в борьбе против мощных антифеодальных движений на Левобережной Украине.

Крупнейшим собственником земель и крестьян оставалась в исследуемый период православная церковь. В земельной феодальной иерархии она занимала особое место. В отличие от центральных районов России, где царским правительством был взят курс на ограничение роста земельной собственности монастырей, на Левобережье они не только сохранили обширные имения, но и несколько расширили их. Это объясняется исторической традицией и ролью, которую играло православие в борьбе против экспансий

униатства и магометанства, не прекращавшихся на украинские земли (особенно Правобережье и Западную Украину) в первой половине XVIII в. Тем не менее уже на середину века и здесь наметилась тенденция к постепенной секуляризации монастырской земельной собственности.

Использованный в монографии документальный материал дал возможность определить структуру феодальной земельной собственности у старшины. На Левобережной Украине она существовала в двух основных формах: наследственной и временной. В течение исследуемого периода соотношение между ними существенно изменилось. По мере укрепления своих позиций и усиления наступления на социальные завоевания крестьянско-казацких масс старшинская верхушка стремилась прочнее закрепить за собой огромные массивы земель. Это привело к тому, что началось постепенное сближение двух форм земельной собственности, причем в пользу наследственной. Попытки гетманского правления воспрепятствовать подобному явлению желаемых результатов не дали. Уже к середине XVIII в. почти все маенности, предоставляемые "на ранг", перешли в наследственную земельную собственность старшины. Та же участь постигла и имения, пожалованные "до ласки войскової", "ку вспартю домови", "по смерть" и т.п.

Особое место в иерархической лестнице феодальной земельной собственности принадлежало собственности на землю городов. Гетманскими универсалами и полковничьими "листами" за ратушами или магистратами закреплялись имения с зависимыми крестьянами и мещанами. Однако эта форма феодальной земельной собственности широкого распространения не получила. Ее последующей ликвидации способствовала вся экономическая политика гетманско-старшинской администрации, основное содержание которой состояло в разработке системы мер, направленных на постепенное ограничение роста маенностей городов.

В первой половине XVIII в. произошли существенные изменения в крестьянском, казацком, мещанском землевладении и землепользовании. К середине века уже лишилась своего бывшего значения займанщина — свободная займка земли под посевы, устройство мельниц, пасек и т.д. Ссылки на обычное право (а именно оно определяло в глазах трудящихся законность владения такого рода землями) уже не могли служить веским доводом на право приобретения, пользования и наследования земельных участков и удобий непосредственными производителями материальных благ. Учитывая тот факт, что большая часть земли была приобретена путем займанщины (особенно крестьянами), феодалы в лице старшины, шляхты, православной церкви получили широкую возможность для ее захвата.

В исследуемый период наблюдалась дальнейшая эволюция основных форм землевладения и землепользования народных масс. В частности, к 50-тым годам XVIII в. практически утратило свою значимость землевладение общинных и сябринных союзов, уступив главенствующее место частной (личной) форме владения землей.

Земельная собственность реализовалась в различных формах феодальной ренты. На протяжении первой половины XVIII в., по мере развития феодальных отношений, она претерпевала существенные изменения. Независимо от вида имений (частные, монастырские, ранговые) феодальная рента эволюционировала от небольших объемов "работизн" и приношений посполитых в виде продуктов к 4—5 дневной отработочной ренте в неделю. Одновременно, вследствие все большего вовлечения старшинских и крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения, наблюдалась коммутация феодальной ренты (замена барщины и натуральных оброков денежными платежами).

Разнообразными были количество и виды повинностей в пользу государства. Гетманско-старшинской администрации и органам царской власти крестьяне, рядовое казачество и трудовое население городов поставляли тягло, подводы, фураж. Они выполняли обременительные повинности по содержанию охотничьих полков и царских войск, обслуживали государственные промысловые предприятия. Порой, как о том свидетельствуют документальные материалы, государственные (за официальной терминологией — "общенародные") повинности равнялись, а то и превышали барщину и оброчные платежи в пользу отдельных феодалов.

Новые явления во всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни обусловили определенные перемены в классово-сословной структуре Левобережной Украины. Старшина, занимавшая верхнюю ступень в социальной иерархии общества, все более консолидируется в отдельный класс-сословие. Выдвинувшаяся из среды казачества, она уже со времен освободительной войны заняла главенствующее место в гетманско-старшинских органах власти, что, в свою очередь, явилось важным подспорьем укрепления ее экономических и политических позиций. На Левобережье существовало несколько десятков старшинских родов, второе (а то и третье) поколение которых уже мало чем напоминало бывших "худородных" казаков. Будучи по своей социальной сущности настоящими феодалами, обладающими тысячами десятин земли и зависимых крестьян и мещан, старшина все чаще ставила вопрос об ее уравнении в политических правах с русским дворянством. Рельефнее наблюдается тенденция к установлению сословной, корпоративной замкнутости старшинской верхуш-

ки в обществе. Последнее нашло свое проявление в многочисленных прошениях на имя русских царей, а также составлении известного свода законов "Права, по которым судится малороссийский народ...".

По своему социальному облику с казацкой старшиной смыкалась украинская шляхта. Занимая, как правило, должности среднего звена управленческого аппарата, шляхта оказывала заметное влияние на формирование основных направлений политики гетманского правления. В пределах своих имений она выступала полноправным хозяином подданных.

В рассматриваемый период существенные изменения произошли и в других социальных группах Левобережной Украины. В первую очередь углубилась дифференциация среди основной массы казачества, пользовавшегося, как известно, определенными преимуществами по сравнению с крестьянством и мещанством (личная свобода, юридическое право на наследование земли и имущества, подчинение особой юрисдикции и т.п.). На селе резко возросло количество дворов казаков, которые по уровню обеспеченности тяглом и землей уже мало чем отличались от феодально зависимых посполитых. Документы 20-х годов XVIII в. отмечают выполнение рядовыми казаками определенных повинностей в пользу государства, обременение их постоями царского войска и т.д. Усилившийся процесс социальной дифференциации нашел свое юридическое оформление в законодательных актах о разделении казаков на выборных и подпомощников.

Не представляло собой единого целого и класс-сословие крестьянства, основного производителя материальных благ. В конкретной ситуации "нового периода русской истории" существовавшее имущественное неравенство порождало его глубокое социальное расслоение. Наблюдалось массовое обнищание всех групп крестьянства, с одной стороны, и выделение небольшой зажиточной части, с другой. Резко возросло количество подсоседков-крестьян, рядовых казаков и мещан, в основной своей массе частично или полностью утративших имущество, землю и перешедших жить к более зажиточному хозяину. Как указывалось, к середине XVIII в. на Левобережье почти исчезли так называемые свободные войсковые местечка и села, посполитые которых находились в несколько лучшем положении по сравнению с крестьянами частных, ранговых и монастырских имений. Новые тенденции в социально-экономическом развитии Украины вызвали появление новых социальных групп населения. Часть сельского населения начала отходить от земледелия и заниматься ремесленной деятельностью или торгово-извозным промыслом (чумачеством).

Основное содержание политики царского правительства и гетманско-старшинских органов власти в сословном вопросе сводилось к разработке системы мер, направленных на сохранение и консервацию существовавших феодально-сословных рамок. Был принят ряд законодательных актов, строго регламентировавших переход из одного сословия в другое. Особо пристальное внимание обращалось на ограничение, а то и окончательное запрещение переходов посполитых в казачество. Одновременно велось интенсивное наступление на личную свободу крестьянско-казацких масс. Уже к середине XVIII в. на Левобережной Украине сложились все социально-экономические предпосылки для утверждения, а затем и юридического оформления крепостного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Энгельс Ф. В. Боргиусу: В Бреславль, 25 янв. 1894 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 174.*

² *Романовский В.А. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII - XVIII вв. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. Рига, 1963, с. 184; Голобуцкий В.О. Актуальні питання історії України доби феодалізму і завдання радянських істориків. — Укр. іст. журн., 1973, № 9, с. 25-39; Сергієнко Г.Я. Деякі питання розвитку досліджень з історії феодалізму. — Вісн. АН УРСР, 1978, № 12, с. 34, 37; Мельниченко В.Ю. Деякі питання стану та розвитку історичної науки в Українській РСР у світлі рішень XXVI з'їзду КПРС. — Укр. іст. журн., 1981, № 5, с. 14.*

³ *Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 153-154.*

⁴ *Кистяковский А.Ф. Характеристика русского и польского законодательства о крепостном праве по отношению к Малороссии. — Основа, 1862, № 1, с. 5, 7.*

⁵ *Лазаревский А.М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648-1783 гг.): Ист.-юрид. очерк по арх. источникам. — Киев, 1908, с. 2. (Первое издание этой работы опубликовано в "Записках Черниговского губернского статистического комитета" за 1866, кн. 1, с. 1-152).*

⁶ *Лазаревский А.М. Замечания на исторические монографии Д.П.Миллера о малорусском дворянстве и о статутных судах. — Харьков, 1898, с. 27.*

⁷ *Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. — Киев, 1888-1902. — Т. 1-3; Исторические очерки Полтавской Лубенщины XVII и XVIII вв. — Чтения в Ист. о-ве Нестора-Легописца, кн. 11, отд. 2, Сообщ. и исслед., с. 32-203 (далее: ЧИОНЛ); и др. Полный список работ А.М. Лазаревского, составленный Н.М.Ткаченко, см.: Укр. археогр. зб. К., 1927, т. 2, с. 52-73.*

* Посполитые — от польского слова *rozpolity* — масса, простой народ. В актовых материалах Левобережья посполитыми до середины XVIII в. назывались крестьяне, мещане и подсоседки, а затем — в основном крестьяне.

⁸ *Лазаревский А.М. Малороссийские посполитые крестьяне, с. 68.*

⁹ *Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 342.*

¹⁰ *Ефименко А.Я. Южная Русь: Очерки, исслед. и заметки. — Сиб., 1905, т. 1, с. 145, 146, 149-151.*

¹¹ *Миллер Д.П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. — Харьков: Киев, 1895-1897. — Ч. 1-2.*

¹² *Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. — Киев, 1908-1914. — Г. 1. 4; Модзалевский В.Л. П.Л.Полубогот: Биограф. очерк. — Сиб., 1903. — 70 с.*

¹³ *Модзалевский В.Л. Очерки по истории Лохвицкой, Сенчанской, Чортуской, Куренской и Варвинской сотен, вошедших в состав Лохвицкого уезда. — В кн.: Лохвицкий исторический сборник. Киев, 1906, с. 241.*

¹⁴ *Луцицкий И.В. Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII века. — Отечеств. зап., 1882, № 11, с. 91-116; Займанщина и формы заимочного владения в Малороссии — Юрид. вестн. — М., 1890, № 4, с. 391-424; Сябры и сябриное землевладение в Малороссии. — Сиб., 1889. — 33 с.; и др.*

- ¹⁵ *Липтин П.Ф.* І.В. Лучицький про общину на Україні: (До 125-річчя від дня народження). – Укр. іст. журн., 1970, № 6, с. 128.
- ¹⁶ *Мякотин В.А.* Прикрепление крестьянства в Левобережной Малороссии в XVIII ст. – Рус. богатство, 1894, № 2, 3, 4 (Отд. отт.). – 155 с.; *Мякотин В.А.* Очерки социальной истории Украины XVII–XVIII вв. – Прага, 1924–1926. – Т. 1. Вып. 1–3.
- ¹⁷ *Мякотин В.А.* Очерки социальной истории Украины, т. 1, вып. 1, с. 222.
- ¹⁸ *Барвинский В.А.* Крестьяне в Левобережной Украине в XVII–XVIII вв. – Харьков, 1909. – 269, IV с.
- ¹⁹ *Ленин В.И.* Карл Маркс: Крат. биограф. очерк с излож. марксизма. – Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.
- ²⁰ *Ткаченко М.М.* Нариси з історії селян на Лівобережній Україні в XVII–XVIII ст. – К., 1931. – 149 с.
- ²¹ *Дядиченко В.А.* Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. – К.: Вид-во АН УРСР, 1959. – 532 с.
- ²² Там же, с. 47, 56.
- ²³ Там же, с. 46.
- ²⁴ *Голобуцький В.О.* Економічна історія Української РСР: Дожовтневий період. – К.: Вища школа, 1970. – 298 с.
- ²⁵ *Кульчицький В.С.* Кодифікація права на Україні у XVIII ст. – Львів, 1958. – 30 с.; *Месяц В.Д.* История кодификации права на Украине в первой половине XVIII века. – Киев, 1963. – 203 с. – Рукопись депонирована в ВИНТИ 1964 г.
- ²⁶ *Месяц В.Д.* Указ. соч., с. 18, 30.
- ²⁷ *Пашук А.Й.* Суд і судочинство на Лівобережній Україні в XVII–XVIII ст. (1648–1782). – Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1967. – 179 с.
- ²⁸ Там же, с. 13–14.
- ²⁹ *Апанович О.М.* Збройні сили України першої половини XVIII ст. – К.: Наук. думка, 1969. – 223 с.; О степени разработки этого вопроса см.: *Апанович О.М.* Збройні сили України першої половини XVIII ст. в українській і російській історіографії. – Укр. іст. журн., 1971, № 11, с. 21–38.
- ³⁰ *Литвиненко М.А.* Джерела історії України XVIII ст. – Х.: Вид-во Харків. ун-ту, 1970. – 204 с.
- ³¹ *История Украинской ССР: В 2-х т.* – Киев: Изд-во АН УССР, 1953. – Т. 1, 838 с.
- ³² *История Украинской ССР: В 2-х т.* – Киев: Наук. думка, 1969. – Т. 1, 835 с.; *История селянства Української РСР: В 2-х т.* – К.: Наук. думка, 1967, т. 1. – 551 с.
- ³³ *Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку.* – К., 1931. – VII, 185 с. (Український архів; т. 4); *Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку.* – Киев, 1929. – XXII, 576 с. (Український архів. Т. 1); *Генеральное следствие о маєтностях Гадяцкого полка, 1729–1730 г.* – Полтава, 1893. – 45 с.; *Генеральное следствие о маєтностях Киевского полка, 1729–1730 гг.* – В кн.: ЧИОНЛ, 1893, кн. 7, отд. 3, с. 29–68; *Генеральное следствие о маєтностях Миргородского полка, 1729–1730 г.* – Тр. Полтав. учен. арх. комис., 1910, вып. 7/9, с. 121–179; отд. отт.: изд. Полтава, 1912. – 59 с.; *Генеральное следствие о маєтностях Нежинского полка, 1729–1730 г.* – Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта старой Малороссии. – Вып. 1. Чернигов, 1901; XVI, IX, 417 с.; *Генеральное следствие о маєтностях Переяславского полка, 1729–1730 г.* – Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва, 1896, т. 8, с. 244–288; отд. отт.: Харьков, 1896. – 45 с.; *Генеральное следствие о маєтностях Прилуцкого полка, 1729–1730 гг.* – ЧИОНЛ. Киев, 1896, кн. II, отд. 3, с. 3–38; *Генеральное следствие о маєтностях Черниговского полка, 1729–1730 г.* – Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта старой Малороссии. Чернигов, 1908, вып. 3. – XXX, 709 с.
- ³⁴ *Акты фамилии Полуботок с 1669–1734 г.*: Из арх. гр. Милорадовича. – Чернигов, 1889. – 62 с.; *Сулимовский архив: Фамил. бумаги Сулим, Скоруп и Войцеховичей, XVII–XVIII вв.* – Киев, 1884. – 316 с.; *Стороженки: Семейный арх.* – Киев, 1902. – Т. 1, 512, XIII с.; *Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова*

Марковича / Изд. А.Маркович. – М., 1859. – Ч. 1–2. *Дневник* генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767 гг.) / Под ред. А.М.Лазаревского. – Киев, 1893–1897. – Ч. 1–3. *„Диариуш* или журнал, то есть повседневная записка... наченный 1722 году и оконченный в том же году... войсковою канцелярии старшим канцеляристом Николаем Ханенком. – М., 1858. – 74 с.; *Дневник* генерального хорунжего Николая Ханенко, 1727–1753 гг. – Киев, 1884. – 524 с.; *Літопис Самовидця* / Підг. до друку Я.І.Лзира. К.: Наук. думка, 1971. – 207 с.; *Летопись* событий в Юго-Западной России в XVII-м веке / сост. Самойл Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720”: В 4-х т. – Киев, 1848–1864. – Т. 1–4 (далее: Летопись Величко); *Сборник* летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси / Изд. комис. для разбора древ. актов. – Киев, 1888. – 322 с.

³⁵ *Экстракт* из указов, инструкций и учреждений, с разделением по материям на двенадцать частей: Собрано в Правительствующем Сенате по малорос. экспедиции 1786 г. – Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта старой Малороссии. – Чернигов, 1902, Вып. 2.-IX; 296 с.

³⁶ *Права*, по которым судится малороссийский народ... из трех книг, а именно: Статута Лиговского, Зерцала Саксонского и приложенных при том двух прав, также из книги Порядка, по переводе из польского и латинского языков на российский диалект в одну книгу сведены, в граде Глухове, лета от Рождества Христова 1743 года / Под ред. А.Ф.Кистяковского. – Киев, 1879. – 1058 с. (разд. паг.).

³⁷ *Акты*, относящиеся к истории Южной и Западной России / Собр. и изд. Археогр. комис. – Сиб. Г. 4. 1864; Т. 5. 1867; Т. 10. 1878; Т. 15. 1892. 1867; *Акты*, относящиеся к истории Западной России / Собр. и изд. Археогр. комис. – Сиб., 1853, т. 5; 1879, т. 11; 1892, т. 15.

³⁸ *Центральный* государственный архив древних актов СССР в Москве, ф. 13. Дел. об Украине (1606–1790 гг.); ф. 124. Посольский приказ. Малороссийские дела; ф. 248. Сенат и его учреждения. Малороссийская экспедиция Сената, оп. 29; ф. 229. Малороссийский приказ, оп. 1. (Далее: ЦГАДА в Москве.); *Центральный* государственный исторический архив УССР в Киеве, ф. 51. Генеральная войсковая канцелярия, оп. 1, 3; ф. 52. Генеральная ескарбовая канцелярия, оп. 1; ф. 53. Первая малороссийская коллегия, оп. 1, 2; ф. 57. Генеральная опись Левобережной Украины (1765–1769 гг.), оп. 1; ф. 59. Киевская губернская канцелярия, оп. 1; ф. 64. Киевская сотенная канцелярия (Киевский полк), оп. 1; ф. 75. Нежинская полковая канцелярия, оп. 2; ф. 129. Киево-Софийский монастырь, оп. 1; ф. 130. Киево-Выдубицкий Михайловский мужской монастырь, оп. 1; ф. 145. Нежинский Благовещенский Красно-Островский мужской монастырь, оп. 1; ф. 269. Канцелярия гетмана К.Г.Разумовского, оп. 1; ф. 1391. Переяславский Михайловский монастырь, оп. 1; ф. 1632. Комиссия экономии описных малороссийских имений, оп. 1. (Далее: ЦГИА УССР); Черниговский областной государственный архив, ф. 679. Черниговская духовная консистория, оп. 1. (Далее: ЧОГА).

³⁹ *Центральная* научная библиотека АН УССР, отдел рукописей, ф. 1 (собрание А.М.Лазаревского) и ф. 2 (Исторические документы). (Далее: ЦНБ АН УССР); *Государственная* Библиотека СССР, отд. рукописей, ф. 159 (собрание Н.А.Маркевича). (Далее: ГБ СССР.)

Глава I

¹ *Мякотин В.А.* Очерки социальной истории Украины, т. 1, вып. 1, с. 90.

² *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. – М.: Л., 1948, с. 223–229.

³ *Колганов М.В.* Собственность: Докл. капиталист. формации. – М., 1962, с. 421–423.

⁴ *Голобуцький В.О.* Економічна історія Української РСР, с. 113.

⁵ *Дядиченко В.А.* Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України. – С. 53, 54.

⁶ *Дядиченко В.А.* Поселення покращення і визиску селянства на Лівобережжі: історико-географічний вивід першої половини XVIII ст. – В кн.: Історія селянства Української РСР, т. 1, с. 212.

⁷ Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. – М., 1964, с. 38.

⁸ Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. – М., 1968, с. 115–136; Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования: Теорет. пробл. истории феодализма: Сб. ст. – М., Наука, 1981. – 280 с.; Кашинов С.М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. – В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. ст. М., 1970, с. 148–199; Маркина В.А. Крестьяне Правобережной Украины (конец XVII – 60-е годы XVIII в.). – Киев, 1971, с. 15–29; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России: Соц.-экон. пробл. – М., 1980, с. 166–174.

⁹ Маркс К. Капитал. Т. 3. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 183

¹⁰ Там же, с. 184.

¹¹ Там же, с. 346.

¹² Там же, с. 356.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология, т. 1. – Соч., 2-е изд., т. 3, с. 22.

¹⁴ Ленин В.И. I Всероссийский съезд крестьянских депутатов 4–28 мая (17 мая 10 июня) 1917 г.: Речь по аграрному вопросу, 22 мая (4 июня) 1917 г. – Полн. собр. соч., т. 32, с. 179–180.

¹⁵ Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? – Полн. собр. соч., т. 1, с. 191.

* Накануне освободительной войны только на территории Надднепрянщины существовало около 1400 имений. Большая их часть, особенно на Левобережье, принадлежала польским магнатам, шляхте и католическому духовенству. См.: Крип'якевич І. Український державний скарб за Богдана Хмельницького. – Зап. наук. т-ва ім. Т.Г.Шевченка. – Львів, 1920, г. 130, с. 79. – Далее: ЗНТШ.

¹⁶ Генеральное следствие о маетностях Черниговского полка, с. 412–414; Лазаревский А.М. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. – Вып. 1. Полк Черниговский. – Чернигов, 1866, с. 21.

¹⁷ Стороженко Н. К истории землевладения в эпоху Б.Хмельницкого. – Киев, старина, 1888, № 7, с. 11–13. (Документы, известия и заметки).

¹⁸ См.: Универсал черниговского полковника Я Лизогуба (1690 г.). – Киев, старина, 1885, № 3, с. 541–542. (Документы, известия и заметки).

¹⁹ Маркс К. Капитал, т. 3. – Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 168

²⁰ Барвинский В.А. Крестьяне в Левобережной Украине, с. 74.

²¹ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 52, л. 29 об.–42; д. 62, л. 17–51.

²² Маркс К. Капитал, т. 1. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 729.

²³ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 52, л. 29. Фотокопия этого важного документа опубликована в кн.: История Украинской ССР. Киев, 1969, т. 1, с. 325. В оригинале подсчет числа дворов в имениях гетмана Д.Апостола сделан неверно.

²⁴ Радакова Е.П. О ревизиях в Малороссии в XVIII столетии. – В кн.: Тр. XI Археол. съезда в Киеве 1899 г. М., 1902, т. 2, отд. 2, с. 117–118; Перковський А.Л. Народно-населення України в XVIII столітті: Дис. ... канд. іст. наук. – К., 1968, с. 192.

²⁵ Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка, с. 172.

²⁶ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 52, л. 4 об.; Полное собрание законов Российской империи, 1-е изд. – Спб., 1830. Далее – ПСЗ. Т. 13, с. 324.

²⁷ Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка, с. 53, 63..

²⁸ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 2917, л. 3–6.

²⁹ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 52, л. 3–4.

³⁰ Лазаревский А.М. Очерки малороссийских фамилий: Материалы для истории общества в XVII и XVIII веках: Апостолы. – Рус. арх., 1875, кн. 1, с. 93.

³¹ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 3558, л. 1–2; д. 20109, л. 1–3.

³² Маркс К. Капитал, т. 1. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 344.

³³ ЦНБ АН УССР, отдел рукописей, ф. 1, № 57957, л. 1; Летопись Величко, т. 1, с. 184.

³⁴ Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України, с. 46.

- ³⁵ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 24, л. 48–48 об; ПСЗ, т. 8, с. 78.
- ³⁶ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 58048, л. 6–7; *Летопись Величко*, т. 3, с. 34.
- ³⁷ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1744, л. 1.
- ³⁸ Генеральное следствие о маетностях Черниговского полка, с. 289–290.
- ³⁹ Генеральное следствие о маетностях Гадяцкого полка, с. 14.
- ⁴⁰ ЦГАДА СССР, ф. 124, д. 17 (1717 г.), л. 1–2.
- ⁴¹ Генеральное следствие о маетностях Гадяцкого полка, с. 21.
- ⁴² *Веселаго В.В.* Экономическая политика Богдана Хмельницкого (1648–1657 гг.): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Киев, 1955, с. 7.
- ⁴³ Цит. за: *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии, т. 2, с. 343.
- ⁴⁴ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 47, л. 1–2.
- ⁴⁵ *Барвинский В.А.* Указ. соч., с. 96.
- ⁴⁶ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1809, л. 15.
- ⁴⁷ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства: В 3-х ч. – 4-е изд., Спб. – Киев. – Харьков, 1903, ч. 1–3, с. 416, 585.
- ⁴⁸ *Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича*, ч. 1, с. 385; ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 4167, л. 1–3.
- ** По материалам "Генерального следствия..." все маетности были разделены на 6 категорий: ранговые, "частновладельческие", ратушные, свободные войсковые, спорные ("сомнительные") и монастырские. – См.: *Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка*, с. VI.
- ⁴⁹ Данные по Стародубскому полку неполные, а в сведениях Нежинского полка не указано количество дворов. Таблица составлена автором.
- ⁵⁰ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 24, л. 14–16; ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 4167, л. 102.
- ⁵¹ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 4167, л. 2–3, 18.
- ⁵² ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 24, л. 15–16.
- ⁵³ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 4167, л. 4–5.
- ⁵⁴ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1814, л. 82 об.
- ⁵⁵ *Лазаревский А.М.* Заметки о Мазепе: По поводу книги Ф.М.Уманца "Гетман Мазепа". – Киев. старина, 1898, № 4, с. 144.
- ⁵⁶ *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII веках. – Русский архив, 1875, кн. 1, с. 313.
- ⁵⁷ *Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка*, с. 172.
- ⁵⁸ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 97, л. 45–53 об. (По другим данным, всего на ранги в 1764 г. приходилось: дворов – 2370, в них хат – 3166, бездворных хат – 1117, мужского пола душ – 12966). – Там же, л. 14.
- *** В число вошли: генеральные старшины (16 человек), полковники, полковая и сотенная старшина (230), их "знатные вдовы" (56), войсковые канцеляристы (6), сотники вакантные (6 человек).
- ⁵⁹ Подсчеты сделаны автором на основании документа: "Число крестьянских дворов, находившихся во владении казацкой старшины в половине XVIII в." (Киевская старина, 1891, № 8, с. 285–296).
- ⁶⁰ ПСЗ, т. 7, с. 26.
- ⁶¹ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 24, л. 14.
- ⁶² *Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка*, с. 53–57.
- ⁶³ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 3016 (3269), л. 1–3.
- ⁶⁴ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 4167, л. 166–180; ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 3445 (3704), л. 1–5.
- ⁶⁵ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 34, л. 39 об.; *Прошение малороссийского шляхетства и старшин, вместе с гетманом, о восстановлении разных старшинных прав Малороссии, поданное Екатерине II-й в 1764 году.* – Киев. старина, 1883, № 6, с. 328.

- ⁶⁶ *Генеральное* следствие о маестностях Киевского полка, с. 65.
- ⁶⁷ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1773, л. 12.
- ⁶⁸ *Генеральное* следствие о маестностях Черниговского полка, с. 364–368.
- ⁶⁹ ЦГИА УССР, ф. 145, оп. 1, д. 3, л. 1; ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 57672, л. 1; 57673, л. 1–1 об.; 57676, л. 1; 57677, л. 1; 57678, л. 1; 57679, л. 1; 57682, л. 1–1 об.
- ⁷⁰ Лазаревский А.М. Очерки из быта Малороссии XVIII века. – *Русский архив*, 1871, № 11, с. 1895.
- **** Таблица составлена автором на основании "Генерального следствия о маестностях 1729–1730 гг." по 9 левобережным полкам.
- ⁷¹ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 2, № 2117, л. 6 об.; ПСЗ, т. 8, с. 81.
- ⁷² ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 2886, л. 1–21.
- ⁷³ Константинович Н.А. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Вып. 3. Полк Стародубский. – Чернигов, 1875, с. 782, 783, 827, 828; Константинович Н.А. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Вып. 4. Полк Стародубский: (Дополнение). – Чернигов, 1885, с. 52–56; *Генеральное* следствие о маестностях Нежинского полка, с. 41.
- ⁷⁴ *Отобрание* монастырских владений в общегосударственную казну: По данным 1786 г. за 60 монастырями на Левобережной Украине числилось всего 422600 посполи-
тых. – ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 96, л. 3–5.
- ⁷⁵ Черниговский областной государственный архив, ф. 679, оп. 1, д. 58, л. 1–2 (далее: ЧОГА).
- ⁷⁶ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 3549, л. 6–6 об.
- ⁷⁷ Подсчеты сделаны автором на основании "Генерального следствия о маестностях Черниговского полка 1729–1730 гг."
- ⁷⁸ Сборник Русского исторического общества. – Юрьев, 1905, т. 120, с. 218–230.
- ⁷⁹ Лазаревский А.М. Люди старой Малороссии: Лизогубы. – Киев. старина, 1882, № 1, с. 104–105; Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии, т. 3, с. 22.
- ⁸⁰ Лазаревский А.М. Люди старой Малороссии: Лизогубы. – Киевская старина, 1882, № 1, с. 111.
- ⁸¹ *Генеральное* следствие о маестностях Нежинского полка, с. 132.
- ⁸² Лазаревский А.М. Исторические очерки Полтавской Лубенщины XVII и XVIII вв., с. 107.
- ⁸³ Подсчеты сделаны автором на основании "Генерального следствия про маестности Стародубского полку" и "Генерального следствия о маестностях Черниговского полка".
- ⁸⁴ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 59410, л. 1.
- ⁸⁵ Там же, № 65148, л. 1.
- ⁸⁶ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 24, л. 20; ЦГИА УССР, ф. 1632, оп. 1, д. 62, л. 50, 75–78.
- ⁸⁷ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 57749, л. 1; *Генеральное* следствие о маестностях Нежинского полка, с. 169–170, 314; *Генеральное* следствие о маестностях Черниговского полка, с. 276–278.
- ⁸⁸ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 24, л. 23; Литвиненко М.А. Джерела історії України, с. 63.
- ⁸⁹ Барвинский В.А. Крестьяне в Левобережной Украине, с. 114.
- ⁹⁰ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 34, л. 42.
- ⁹¹ *Права*, по которым судится малороссийский народ..., гл. 4, арт. 3, п. 3.
- ⁹² Лазаревский А.М. Люди старой Малороссии: Лизогубы. – Киевская старина, 1882, № 1, с. 103.
- ⁹³ *Генеральное* следствие о маестностях Нежинского полка, с. 5, 7, 13, 24, 25, 57 и др.
- ⁹⁴ *Права*, по которым судится малороссийский народ..., гл. 4, арт. 5.
- ⁹⁵ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 24, л. 63–63 об.
- ⁹⁶ Стецюк К.І. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50–70-х роках ХУІІ ст. – К., 1960, с. 86–87.
- ⁹⁷ См.: ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 2, № 18969, 25512–25588, 25234–25268, 25658–25797, 26343–26425, 25798–25862 и некоторые другие материалы этого фонда.

- ⁹⁸ Цит. по: *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии, т. 3, с. 19.
- ⁹⁹ Акты фамилии Полуботок с 1669–1734 гг., с. 18.
- ¹⁰⁰ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 57750, л. 1; Акты фамилии Полуботок с 1669–1734 г., с. 19, 20, 21 и дальше.
- ¹⁰¹ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 12, л. 2.
- ¹⁰² ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. № 1886, л. 1–2; ЦГАДА, ф. 13, д. 24, л. 63 об.
- ¹⁰³ ЦГАДА СССР, ф. 13, д. 24, л. 64.
- ¹⁰⁴ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. № 25282, л. 1; 25284, л. 1; 25285, л. 1; 25293, л. 1.
- ¹⁰⁵ *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии, т. 3, с. 51.
- ¹⁰⁶ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 51356.
- ¹⁰⁷ *Права*, по которым судится малороссийский народ..., гл. 4, арт. 3, п. 1.
- ¹⁰⁸ Генеральное следствие о маестностях Нежинского полка, с. 34, 35, 39, 41 и др.
- ¹⁰⁹ Генеральное следствие о маестностях Нежинского полка, с. 20; Генеральное следствие о маестностях Черниговского полка, с. 9, 10.
- ¹¹⁰ *Луцицкий И.В.* Сборник материалов для истории общины и общественных земель в Левобережной Украине XVIII в. – Киев, 1884, с. 32, 33, 35, 37, 39, 43, 45 и др.; *Филимонов Е.С.* Материалы по вопросу об эволюции землевладения: Крат. ист. очерк малорус. землевладения. Пермь, 1895, вып. 2, с. 15.
- ¹¹¹ *Луцицкий И.В.* Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII века. – Отечеств. зап., 1882, № 11, с. 100, 101; *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии, т. 2, с. 233.
- ¹¹² *Лазаревский А.М.* Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Вып. 2, Полки Киевский и Нежинский. – Чернигов, 1867, с. 243.
- ¹¹³ ЦГИА УССР, ф. 1632, оп. 1, д. 114, л. 62–63.
- ¹¹⁴ Там же, ф. 269, оп. 1, д. 97, л. 3–5 (1750 г.).
- ¹¹⁵ Цит. по: *Ефименко О.Я.* История Украины и її народа. – Х., 1919, с. 63.
- ¹¹⁶ *Летопись Величко*, т. 2, с. 355–356.
- ¹¹⁷ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 1, д. 732, л. 1.
- ¹¹⁸ "Кляки" – зарубки, знаки на деревьях для определения границ лесных угодий. (Об этом также см.: *Права*, по которым судится малороссийский народ..., гл. 17, арт. 4, п. 1; арт. 11, п. 1, 2).
- ¹¹⁹ Цит. по: *Лазаревский А.М.* Малороссийские посполитые крестьяне, с. 18–19.
- ¹²⁰ Там же, с. 17, 19.
- ¹²¹ *Луцицкий И.В.* Рец. кн.: А.Лазаревский. Описание старой Малороссии. Т. 1. Стародубский полк, вып. 1 и 2. – Унив. изв. Киев, 1889, № 12, с. 284.
- ¹²² *Луцицкий И.В.* Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII в., с. 100.
- ¹²³ ЦГИА УССР, ф. 57, оп. 1, д. 101, л. 39, 39 об., 40, 42, п. 136, 142 об.; д. 105, л. 109.
- ¹²⁴ *Лазаревский А.М.* Обзорение Румянцевской описи Малороссии, вып. 2, с. 251–252.
- ¹²⁵ Там же, с. 246.
- ¹²⁶ *Мотыжецкий архив*: Акты Переяславского полка, XVII–XVIII вв. – Киев, 1890, с. 12.
- ¹²⁷ *Источники малороссийской истории* / Собр. Д.Н.Бантышем-Каменским: Изд. О.Боянским. М., 1859, ч. 2, с. 7.
- ¹²⁸ *Ханенко Н.* Диарнуш..., с. 41.
- ¹²⁹ *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии, т. 2, с. 444.
- ¹³⁰ Там же; *Лазаревский А.М.* Люди старой Малороссии: Лизогубы. – Киев. старина, 1882, № 1, с. 113.
- ¹³¹ *Лазаревский А.М.* Люди старой Малороссии: Лизогубы, с. 110, 111.
- ¹³² Цит. по: *Лазаревский А.М.* Очерки малороссийских фамилий: Галаганы. – Рус. арх., 1875, кн. 3, с. 322.

- 133 ЦГИА УССР, ф. 64, оп. 1, д. 920, л. 28; ПСЗ, т. 9, с. 397.
- 134 Радакова Е.П. О ревизиях в Малороссии в XVIII столетии, с. 111.
- 135 ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 63324, л. 1–2.
- 136 Там же, л. 2 об.
- 137 Там же, л. 3 об.
- 138 Там же, ф. 2, № 2093, л. 1.
- 139 Права, по которым судится малороссийский народ..., гл. 4, арт. 9, п. 1.
- 140 Дневник генерального подскарбия Якова Марковича, ч. 3, с. 212, 217, 225, 245, 266.
- 141 Радакова Е.П. О ревизиях в Малороссии в XVIII столетии, с. 111.
- 142 ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 10296, л. 6.
- 143 Филимонов Е.С. Материалы по вопросу об эволюции землевладения, вып. 2, с. 15.
- 144 Лучицкий И.В. Займанщина и формы заимочного владения в Малороссии, с. 403–408.
- 145 Лучицкий И.В. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии, с. 11; Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины, т. 1, вып. 2, с. 139; Історія міст і сіл Української РСР: Полтавська область. — К., 1967, с. 731.
- 146 Лучицкий И.В. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии, с. 10.
- 147 Права, по которым судится малороссийский народ..., гл. 17, арт. 15, п. 1.
- 148 Там же, гл. 17, арт. 15, п. 1; гл. 19, арт. 1, п. 3.
- 149 Лазаревский А.М. Обзорение Румянцевской описи Малороссии, вып. 2, с. 211–212.
- 150 Там же, с. 212.
- 151 Акты фамилии Полуботок с 1669–1734 г., с. 19–20.
- 152 Лучицкий И.В. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии, с. 6.
- 153 Лазаревский А.М. Обзорение Румянцевской описи Малороссии, вып. 2, с. 265.
- 154 ЦГИА УССР, ф. 57, оп. 1, д. 105, л. 14, 32, 35, 48.
- 155 Мотыжинский архив: Акты Переяславского полка, XVII–XVIII в., с. 49.
- 156 Там же, с. 50.
- 157 Лаптин П.Ф. І.В. Лучицький про общину на Україні (до 125-річчя від дня народження). — Укр. іст. журн., 1970, № 6, с. 127.
- 158 Ефименко А.Я. Южная Русь, т. 1, с. 399–400.
- 159 Против первых работ И.В. Лучицкого выступил Д.И. Багалея в 1883 г. на страницах журнала "Киевская старина". Поддержал ученого М.М. Ковалевский, опубликовав работу: "Общинное землевладение в Малороссии в XVIII в." (Юрид. вестн., 1885, № 1, с. 36–69).
- 160 Лучицкий И.В. Сборник материалов для истории общины и общественных земель в Левобережной Украине XVIII в. — Киев, 1884, с. 108–109; с. 142, 159.
- 161 ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1830, л. 122.
- 162 Лучицкий И.В. Гетман Мазепа и остерские общие земли: Из истории землевладения в Левобережной Украине. — Киев. старина, 1892, № 1, с. 110–118.
- 163 Лучицкий И.В. Сборник материалов..., с. 5, 8, 17, 29, 33, 35, 92, 139, 162, 163, 221 и др.
- 164 Лазаревский А.М. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Вып. 1: Полк Черниговский. — Чернигов, 1866, с. 132.
- 165 Багалея Д.И. Займанщина в Левобережной Украине XVII и XVIII ст. — Киев. старина, 1883, № 12, с. 572–573.
- 166 Лучицкий И.В. Сборник материалов..., с. 8, 36, 42, 51, 53, 56, 59, 72, 80 и др.
- 167 ЦГИА УССР, ф. 57, д. 101, л. 162–163, 166.
- 168 Лазаревский А.М. Исторические очерки Полтавской Лубенщины, с. 48.
- 169 Лучицкий И.В. Сборник материалов..., с. 15, 31, 42, 70, 171, 251, 268.
- 170 Мотыжинский архив: Акты Переяславского полка, с. 148.
- 171 Лучицкий И.В. Гетман Мазепа и остерские общие земли, с. 115.
- 172 Лазаревский А.М. Обзорение Румянцевской описи Малороссии, вып. 1, с. 36, 37.

¹⁷³ Там же, с. 132.

¹⁷⁴ Пугро А.И. Положение и антифеодалная борьба казачества Левобережной Украины (вторая половина XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — К., 1970, с. 10–11.

Глава II

¹ Маркс К. Капитал, т. 3. — Маркс К., Энгельс Ф. — Соч., т. 25, ч. 2, с. 357–358.

² Там же, с. 352.

³ Там же, с. 358.

⁴ Там же, с. 360.

* 1 "осмачка" (=256 кг) = 2 четвертям = 4 украинским четверикам = 16 русским четверикам.

⁵ Генеральное следствие о маестностях Нежинского полка, с. 169.

⁶ Цит. по: *Исторія селянства Української РСР*, т. 1, с. 222.

⁷ Генеральное следствие о маестностях Гадяцкого полка, с. 38.

⁸ Там же, с. 7, 33.

⁹ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 2, № 6855, л. 1–2.

¹⁰ ЦГИА УССР, ф. 59, оп. 1, д. 966, л. 1.

¹¹ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1850, л. 8 об.

¹² Два документа о хозяйстве киевских монастырей в половине XVIII ст. — Киев. старина, 1883, № 8, с. 726.

¹³ Мордвинцев В.М. Социально-экономическое положение и антифеодалная борьба монастырских крестьян Левобережной Украины в 30–80 годах XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1980, с. 16.

¹⁴ Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии, т. 2, с. 178, 274.

¹⁵ Судиенко М. Материалы для отечественной истории. — Киев, 1853, т. 1 отд. 3, с. 31, 36, 103, 131–132.

** 1 гарнц (~2 кг) = 1/8 четверика.

¹⁶ ЦГИА УССР, ф. 1632, оп. 1, д. 134, л. 35.

¹⁷ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1846, л. 30 об. — 46, 48–48 об., 188–193.

¹⁸ Там же, л. 158; д. 1850, л. 112 об. — 115.

¹⁹ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 2900 (3139), л. 1.

²⁰ ЦГИА УССР, ф. 53, оп. 2, д. 42, л. 4, 8, 10–11.

²¹ Там же, д. 337, л. 3–3 об.

²² ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 330 (384), л. 1–6.

²³ Дневник генерального подскарбия Якова Марковича, ч. 3, с. 179.

²⁴ Сулимовский архив: Семейные бумаги Сулим, Скоруп и Войцеховичей, с. 67.

²⁵ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1828, л. 118.

²⁶ Там же, д. 1868, л. 3–3 об., 104–110 об.

²⁷ Лазаревский А.М. Люди старой Малороссии: Милорадовичи. — Киев. старина, 1882, № 3, с. 487, 488.

²⁸ Маркс К. Капитал, т. 3, с. 361.

²⁹ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1773, л. 78 об.

³⁰ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 51615, л. 3–3 об.

³¹ Там же, ф. 1, № 54485, л. 2 об.

³² Там же, ф. 1, № 57622, л. 1–1 об.; № 57623, л. 1.

³³ ЦГИА УССР, ф. 53, оп. 1, д. 29, л. 11–11 об., 14, 25.

³⁴ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29; д. 1850, л. 116 об. — 120.

³⁵ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 54590, л. 1 об.

³⁶ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 502 (581), л. 1–1 об.

³⁷ ЦГИА УССР, ф. 52, оп. 1, д. 25, л. 85–86, 94, 131.

³⁸ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1846, л. 160, 386, 432.

³⁹ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 2993 (3237), л. 7.

⁴⁰ ЦГИА УССР, ф. 1632, оп. 1, д. 135, л. 3–3 об., 55, 85.

⁴¹ Генеральное следствие о маестностях Переяславского полка, с. 25, 31.

- ⁴² ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 2, № 25621–25647; *Галагановский* фамильный архив. – Киев. старина, 1883, № 9/10, с. 456–457.
- ⁴³ *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии, т. 3, с. 21–22.
- ⁴⁴ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1878, л. 790.
- ⁴⁵ ЦГИА УССР, ф. 1632, оп. 1, д. 394, л. 1–2; д. 222, л. 1–2; ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 55414, л. 1.
- ⁴⁶ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 55585, л. 1.
- ⁴⁷ Цит. по: *Лазаревский А.М.* Малороссийские посполитые крестьяне, с. 34.
- ⁴⁸ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 4951 (5220), л. 8 об.
- ⁴⁹ Там же, л. 1; ПСЗ, т. 7, с. 48.
- ⁵⁰ *Моравский С. Федор Лисовский, 1709–1722: Очерк из внутр. истории Малоросси в 1-й половине XVIII ст.* – Киев. старина, 1891, № 10, с. 25.
- ⁵¹ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 54485, л. 2.
- ⁵² ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1828, л. 22–22 об.
- ⁵³ ЦНБ АН УССР, отдел рукописей, ф. 2, № 2307, л. 5–5 об.
- ⁵⁴ Там же, ф. 1, № 52817, л. 1.
- ⁵⁵ Там же, ф. 2, № 27713–27723, 27733.
- ⁵⁶ Там же, № 27710, 27711, 27726, 27734, 27737–27739, 27743–27748, 27756, 27759.
- ⁵⁷ *Объяснение полковника И. Черняка о работах казаков на Ладозском канале.* – Киев. старина, 1884, № 5, с. 117–122.
- ⁵⁸ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 2048 (2236), л. 1; № 2094 (2293), л. 1.
- ⁵⁹ *Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси / Изд. Копис. для разбора древ. актов.* – Киев, 1888, с. 66.
- ⁶⁰ ЦНБ АН УССР, отдел рукописей, ф. 1, № 58007, л. 2; *Радакова О.* Українські козаки на Ладозькому каналі – ЗНТШ, 1896, т. 12, с. 5.
- ⁶¹ ПСЗ, т. 13, с. 3.
- ⁶² ЦГИА УССР ф. 51, оп. 3, д. 4471, л. 2, 4.
- ⁶³ Там же, д. 6048, л. 23 об.
- ⁶⁴ *Экстракт из указов, инструкций и учреждений...*, с. 176, 177.
- ⁶⁵ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 6048, л. 18; *Судиенко М.* Материалы для отечественной истории, т. 1, с. 162; *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии, т. 3, с. 147 (примечание); *Барвинский В.А.* Крестьяне в Левобережной Украине, с. 224.
- ⁶⁶ *Камень* – единица веса, равнялась 40 фунтам.
- ⁶⁷ *Модзалевский В.* Сведение о количестве провианта, выданного из магазинов Киевской губернии на расквартированные в Малороссии полки (1715–1717 гг.). – Киев. старина, 1905, № 9, с. 116–118. (Документы, известия и заметки).
- ⁶⁸ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 65 (82), л. 1–2 об.
- ⁶⁹ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 3926, л. 1.
- ⁷⁰ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1828, л. 152–152 об.
- ⁷¹ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 5211, л. 1, 2.
- ⁷² Там же, д. 8669, л. 54–55.
- ⁷³ ПСЗ т. 10, с. 961.
- ⁷⁴ Там же, т. 13, с. 8.
- ⁷⁵ Там же, с. 344.
- ⁷⁶ *Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича,* ч. 2, с. 23, 37.
- ⁷⁷ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 5199, 5538, 5621, 5671, 5908, 6102, 6478; ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 64483, л. 1.
- ⁷⁸ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1828, л. 217; ПСЗ, т. 9, с. 807.
- ⁷⁹ Цит. по: *Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии, т. 2, с. 235.
- ⁸⁰ *Филарет.* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов, 1873, кн. 4, с. 109.

⁸⁰ Цит. по: *Романовский В.А.* Феодально-крепостнические отношения и классовая борьба на Левобережной Украине в конце XVII – начале XVIII в. – В кн.: Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. ст. – М., 1959, с. 291.

⁸¹ *Барвинский В.А.* Крестьяне в Левобережной Украине, с. 232.

⁸² ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 55585, н. 2; *Барвинский В.А.* Указ. соч., с. 232.

⁸³ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 55587, л. 3 об.

⁸⁴ Там же, № 55586, л. 1–1 об., № 55587, л. 5.

Глава III

¹ *Ленин В.И.* Великий почин. – Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

² *Маркс К.* Критика Готской программы. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 15.

³ Там же.

⁴ *Маркс К.* Нищета философии. – Там же, т. 4, с. 96.

⁵ *Ленин В.И.* Перлы народнического прожектерства. – Полн. собр. соч., т. 2, с. 476.

⁶ *Ленин В.И.* Аграрная программа русской социал-демократии. – Там же, т. 6, с. 311.

⁷ *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 302.

⁸ *Ленин В.И.* Аграрная программа русской социал-демократии. – Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.

⁹ *Энгельс Ф.* Конституционный вопрос в Германии. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 53.

¹⁰ *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. – Там же, т. 7, с. 357–358.

¹¹ Подробнее о непосредственных функциях гетмана, генеральной, полковой и сотенной старишины см.: *Дядиченко В.А.* Нарисн суспільно-політичного устрою Лівобережної України, с. 126–531.

¹² ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1761, л. 673; *Перковський А.Л.* Народонаселення України в XVIII столітті, с. 170–174.

¹³ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 1715 (1898), л. 1–17.

* Звание "бунчуковый товарищ" было введено гетманом И.Мазепой и отменено в 1764 г.

¹⁴ ПСЗ, т. 9, с. 397.

¹⁵ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1878, л. 289.

¹⁶ Генеральное следствие о маестностях Нежинского полка, с. 153.

¹⁷ Там же, с. 282.

¹⁸ Генеральное следствие о маестностях Гадяцкого полка, с. 13, 14, 17, 18 и др.

¹⁹ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1828, л. 163 об.

²⁰ Права, по которым судится малороссийский народ..., гл. 4, арт. 6, п. 2.

²¹ Там же, арт. 1, п. 1.

²² Там же, арт. 10.

²³ Там же, арт. 1, п. 3.

** Индукта (от латинского *inducto* – ввожу) – таможенный налог на Левобережной Украине во второй половине XVII – первой половине XVIII в., который взимало гетманское правление за ввоз товаров из России. Упразднен в 1754 г.

²⁴ Права, по которым судится малороссийский народ..., гл. 4, арт. 14, п. 1; гл. 5, арт. 1, п. 1, 3.

²⁵ Права, по которым судится малороссийский народ..., гл. 4, арт. 2.

²⁶ Там же, арт. 8, п. 1, п. 3.

²⁷ Там же, арт. 7; гл. 10, арт. 22, п. 1, 2.

²⁸ *Филарет.* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Чернигов, 1874, кн. 6, с. 46.

²⁹ ПСЗ, т. 9, с. 397.

³⁰ *Филарет.* Указ. соч., кн. 6, с. 16.

- ³¹ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 7, с. 351.
- ³² Там же, с. 352.
- ³³ Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка, с. 228–229.
- ³⁴ Там же, с. 285.
- ³⁵ Там же, с. 106, 165; ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 204 (252) л. 1; № 1583 (1762), л. 1.
- ³⁶ Там же, № 1552 (1731), л. 1.
- ³⁷ Права, по которым судится малороссийский народ..., с. 834–835 (прибавление № 1, п. 4).
- ³⁸ Там же, гл. 6, арт. 3, п. 1.
- ³⁹ Там же, гл. 4, арт. 14, п. 1, 2; гл. 6, арт. 1, п. 1, арт. 2, п. 1.
- ⁴⁰ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 1175 (1284), л. 1–2, № 1176 (1285), л. 1.
- ⁴¹ Источники малороссийской истории / Собр. Д.Н.Бантышем-Каменским; Изд. О.Бодянским. — М., 1858, ч. 1, с. 2.
- ⁴² ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 58048, л. 6.
- ⁴³ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 1, д. № 72, л. 8.
- ⁴⁴ Два документа о состоянии малороссийского казачества в половине XVIII ст. — Киев. старина, 1882, № 10, с. 131.
- ⁴⁵ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 58048, л. 6; Источники малороссийской истории, ч. 1, с. 309.
- ⁴⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России, ч. 1–3, с. 589–590.
- ⁴⁷ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1828, л. 62; д. 1773, л. 99; Права, по которым судится малороссийский народ..., гл. 5, арт. 11, п. 2.
- ⁴⁸ Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України, с. 442.
- ⁴⁹ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 4596, л. 1–2.
- ⁵⁰ Там же, д. 5266, л. 4.
- ⁵¹ ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 20 (24), л. 1–1 об.; № 2564 (2783), л. 5; ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1878, л. 275 об. — 276.
- ⁵² ГБ СССР, отд. рукописей, ф. 159, № 3386 (3645), л. 26; Отрывки из дневника гетманской канцелярии за 1722–23 годы. ЧИОНЛ, 1898, кн. 12, отд. 3, с. 115.
- ⁵³ Цит. по: Закревский Н. Описание Киева. М., 1868, т. 1, с. 78.
- ⁵⁴ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 3376, л. 8.
- ⁵⁵ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1878, л. 289; Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии, т. 2, с. 229, 276.
- ⁵⁶ Источники малороссийской истории, ч. 1, с. 2.
- ⁵⁷ Наиболее полное выражение казацкие права и привилегии нашли в "Статьях" 1666 г. (подтверждены в 1669 г.). Источники малороссийской истории, ч. 1, с. 7–15; Прошение малороссийского шляхетства и старшин, вместе с гетманом, о восстановлении разных старшинских прав Малороссии, поданное Екатерине II-й в 1764 году. — Киев. старина, 1883, № 6, с. 331–333.
- ⁵⁸ Источники малороссийской истории, ч. 2, с. 314–316; ПСЗ, т. 8, с. 75–78.
- ⁵⁹ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 5266, л. 3.
- ⁶⁰ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 51492, л. 1–1 об.
- ⁶¹ Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1873, кн. 3, с. 20.
- ⁶² Распоряжение князя А.И.Шаховского о разделении малороссийских казаков на "выборных" и "подпомощников", 1735 г. — Киев. старина, 1902, № 2, с. 85–88. (Документы, известия и заметки).
- ⁶³ Там же, с. 87.
- ⁶⁴ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 6048, л. 14, 23, 25, 101.
- ⁶⁵ Два документа о состоянии малороссийского казачества в половине XVIII ст. — Киев. старина, 1882, № 10, с. 132.

- ⁶⁶ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1862, л. 5 об. – 41 об.; ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 57940, л. 1.
- ⁶⁷ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 3376, л. 3–4.
- ⁶⁸ Уже в "Статьях" 1654 г. делалась попытка провести социальную границу между первыми и вторыми: "Кто козак, тот будет вольность козакскую иметь, а кто пашенной крестьянин, тот будет должность (читай: повинность. – Авт.) обыкную... отдавать". (Источники малороссийской истории, ч. 1, с. 4).
- ⁶⁹ Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии, т. 2, с. 405.
- ⁷⁰ Источники малороссийской истории, ч. 2, с. 324.
- ⁷¹ Ефименко А.Я. Южная Русь, т. 1, с. 139–140.
- ⁷² ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 8659, л. 2.
- ⁷³ Там же, л. 2 об.
- ⁷⁴ Там же, л. 3.
- ⁷⁵ Там же, л. 3–5.
- ⁷⁶ Там же, л. 11.
- ⁷⁷ Маркс К. Ницета философии, с. 112.
- ⁷⁸ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 8659, л. 159.
- ⁷⁹ Там же, л. 160 об., 161–162.
- ⁸⁰ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1878, л. 146–152 об.
- ⁸¹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. – Полн. собр. соч., т. 3, с. 166.
- ⁸² Там же, с. 185.
- ⁸³ Моравский С. Федор Лисовский, 1709–1722: Очерк из внутренней истории Малороссии в 1-й половине XVIII ст. – Киев. старина, 1891, № 10, с. 23, 24.
- ⁸⁴ Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича, ч. 2, с. 114.
- ⁸⁵ Цит. по: Лазаревский А.М. Малороссийские посполитые крестьяне, с. 67.
- ⁸⁶ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 2, № 27507, л. 1–1 об.
- ⁸⁷ Цит. по: Ефименко А.Я. Южная Русь, т. 2, с. 140.
- ⁸⁸ Там же, с. 141; Месля В.Д. История кодификации права на Украине в первой половине XVIII века, с. 32.
- ⁸⁹ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 1, д. 353, л. 1.
- ⁹⁰ Цит. по: Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии, т. 1, с. 246.
- ⁹¹ Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии, т. 2, с. 297, 298.
- ⁹² ЦГИА УССР, ф. 130, оп. 1, д. 23, л. 1.
- ⁹³ Генеральное следствие о маестностях Переяславского полка, с. 10–13; Генеральное следствие о маестностях Нежинского полка, с. 81–82; Генеральное следствие о маестностях Прилуцкого полка, с. 32 и др.
- ⁹⁴ Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии, т. 2, с. 82–85.
- ⁹⁵ Там же, т. 1, с. 167.
- ⁹⁶ Лазаревский А.М. Исторические очерки Полтавской Лубенщины XVII и XVIII в. с. 111.
- ⁹⁷ Лазаревский А.М. Очерки малороссийских фамилий: Материалы для истории общества в XVII и XVIII в. Искры. – Рус. архив, 1875, № 2, с. 305.
- ⁹⁸ Лучицкий И.В. Лазаревский А. Описание старой Малороссии, т. 1. Стародубский полк, вып. 1, 2. – Унив. известия, Киев, 1889, № 12, с. 288–289, 291–297.
- ⁹⁹ Мякотин В.А. К истории Нежинского полка. – Спб., 1896, с. 74–83.
- ¹⁰⁰ Барвинский В.А. Крестьяне в Левобережной Украине, с. 104–105.
- ¹⁰¹ Генеральное следствие о маестностях Миргородского полка, 1729–1730 г. – В кн: Тр. Полтав. учен. арх. комис., 1910, вып. 7/9, с. 125–126. (Вводная статья В.А. Барвинского).
- ¹⁰² ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1878, л. 289–289 об.
- ¹⁰³ Дневник генерального подскарбия Якова Марковича, ч. 3, с. 290.
- ¹⁰⁴ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 55414, л. 1.
- ¹⁰⁵ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 1, д. 379, л. 2.

- ¹⁰⁷ *Права, по которым судится малороссийский народ...*, гл. 4, арт. 8, п. 1, 3, арт. 9, п. 1, 3.
- ¹⁰⁸ *Історія Української РСР: В 8-ми т., 10-ти кн. — К., 1979, т. 2, с. 233.*
- ¹⁰⁹ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1773, л. 68 об.
- ¹¹⁰ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 54485, л. 2–7.
- ¹¹¹ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 1, д. 6, л. 1–2; ф. 59, оп. 1, д. 375, л. 14.
- ¹¹² ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1828, л. 5.
- ¹¹³ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 54637, л. 1.
- ¹¹⁴ *Там же*, ф. 1, № 54609, л. 1.
- ¹¹⁵ *Там же*, № 57622, л. 1.
- ¹¹⁶ *Там же*, № 54556, л. 1 об.
- ¹¹⁷ *Там же*, л. 1 об. — 2.
- ¹¹⁸ *Там же*, № 54549, л. 1.
- ¹¹⁹ *Там же*, № 54580, л. 1 об.
- ¹²⁰ *Там же*, № 54620, п. 1; 54721, л. 1; 54639, л. 1.
- ¹²¹ *Права, по которым судится малороссийский народ...*, гл. 26, арт. 1, п. 1.
- ¹²² ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 57940, л. 1.
- ¹²³ *Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича*, ч. 1, с. 503–504.
- ¹²⁴ *Права, по которым судится малороссийский народ...*, гл. 12, арт. 14, п. 1, 2.
- ¹²⁵ ЦНБ УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 57738, л. 1; *Генеральное следствие о маестностях Гадляцкого полка, с. 22; Генеральное следствие о маестностях Нежинского полка, с. 144, 153, 154.*
- ¹²⁶ *Лазаревский А.М. Из семейной хроники Берлов (1672–1805): — Киев. старина*, 1899 № 1, с. 108.
- ¹²⁷ *Генеральное следствие о маестностях Нежинского полка, с. 115.*
- ¹²⁸ *Там же*, с. 152.
- ¹²⁹ ЦГАДА СССР, ф. 248, оп. 29, д. 1846, л. 386.
- ¹³⁰ ЦГИА УССР, ф. 129, оп. 1, д. 11, л. 1.
- ¹³¹ Цит. по: *Константинович Н.А. Обзорение Румянцевской описи Малороссии*, вып. 4, с. 43–44 (дополнение).
- ¹³² *Там же*, с. 44.
- ¹³³ ПСЗ, т. 7, с. 50.
- ¹³⁴ ПСЗ, т. 9, с. 397.
- ¹³⁵ Цит. по: *Лазаревский А.М. Малороссийские посполитые крестьяне, с. 72.*
- ¹³⁶ ЦНБ АН УССР, отд. рукописей, ф. 1, № 55425, л. 1–15.
- ¹³⁷ ЦГИА УССР, ф. 51, оп. 3, д. 6048, л. 42 об. — 43.
- ¹³⁸ ПСЗ, т. 5, с. 50.
- ¹³⁹ *Там же*, с. 150.
- ¹⁴⁰ Цит. по: *Барвмский В.А. Крестьяне в Левобережной Украине, с. 239.*
- ¹⁴¹ *Гуржий І.О. Повстання селян в Турбаях (1789–1793). — К., 1950, с. 33.*
- ¹⁴² *Ленин В.И. Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов, 7 апр. 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 310.*
- ¹⁴³ *Ленин В.И. Карл Маркс. — Там же, т. 26, с. 60.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Феодалная собственность на землю, землевладение и землепользование	16
1. Формы земельной собственности феодалов и источники ее возрастания	16
2. Землевладение и землепользование крестьян, мещан, рядовых казаков	38
Глава II. Усиление феодалной эксплуатации народных масс	57
1. Эксплуатация феодалами крестьян, мещан и рядовых казаков	57
2. Государственные повинности и поборы	69
Глава III. Социально-правовой статус классов-сословий	77
1. Права и привилегии феодалов	77
2. Рядовое казачество и его место в общей структуре феодалного общества	85
3. Социально-правовое положение крестьян и мещан	98
Заключение	115
Примечания	120

Александр Иванович Гуржий

**ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

*Утверждено к печати ученым Советом
Института истории АН УССР*

Редактор В.А.Коваленко
Оформление художника С.В.Назарова
Художественный редактор И.П.Савицкая
Технический редактор Т.М.Зубрицкая
Операторы М.М.Леонтьева, Л.Н.Федоренко
Корректоры Л.А.Понур, М.Е.Ролисская

ИБ 7841

Подп. в печ. 19.12.85. БФ 01165. Формат 60x84/16. Бум. офс. № 1. Офс. печ.
Гари. Сенчури. Усл. печ.л. 7,91. Усл. кр.-отг. 8,14. Уч.-изд.л. 9,20. Тираж 820 экз.
Зказ 6-95. Цена 1 р. 40 к.

Издательство "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.